

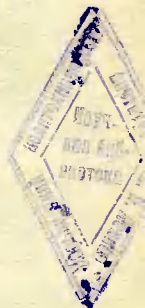
В. МЕЛЕНТЬЕВ

P2
M-1

ОДНИ СУТКИ ВОЙНЫ

ПОВЕСТИ

876- D/c
1131877

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1979

P2
M47

М 70302-183 140-79
068(02)-79

© Воениздат, 1979

ОДНИ СУТКИ ВОЙНЫ

1

Ночью на прокаленную дневной жарой землю пролился робкий дождь, и к рассвету в низинах поднялся туман-испарина. Противник усилил прочесывающий огонь.

Командир разведывательной группы лейтенант Зюзин вышел из землянки, потянул носом пахучий воздух, потрогал ладонью высыхающую землю. Потом послушав палец и, подняв его над головой, покрутил кистью руки, чтобы определить, откуда ветер. Не оборачиваясь, сказал:

— Пора! — и добавил: — Выходи строиться!

Разведывательная группа — девять бойцов отдельной разведроты, отобранные лейтенантом для выполнения особого задания, вышли из землянки, закидывая за спину тощие вещевые мешки, поправляя оружие и снаряжение. Последним из землянки появился высокий, поджарый

майор Лебедев — из разведотдела армии. Он вплотную подошел к Зюзину и мягко, почти заискивающе спросил:

— Не рано? Ведь крайний срок завтра...

— Завтра тумана не будет: земля горячая и ветер на восток повернул. Опять соврали метеорологи.

— Ну-у... не совсем... Дождь все-таки был...

Зюзин ругнулся и пакинул капюшон маскировочной куртки на каску.

— И вообще... Не нравится мне здесь! — Он широко повел рукой вокруг. — Поэтому лучше начинать не в срок.

Майор Лебедев промолчал.

Группа Зюзина — четвертая за последние две недели, которую отправляют в тыл противника. Три пропали без вести. Наблюдатели, «слухачи» на переднем крае и проводимые слышали шум боя на маршрутах двух групп. Причем радист третьей группы успел передать: «Попали в засаду. Пробуем пробиться».

Командующий армией ругал разведчиков, из разведуправления фронта добавляли. Армейские разведчики притихли, не зная, что делать. Такого еще не бывало: группы благополучно переходили линию фронта, а потом попадали в засаду. Командующий армией приказал специально выделенными подразделениями прочесать леса и овраги. Ничего подозрительного не обнаружили в ближайшем тылу наших войск. Связисты получили указание строжайше соблюдать дисциплину переговоров.

Между тем дальние разведывательные группы и частично партизаны подтвердили, что через узловые станции проследовали эшелоны с войсками противника, скорее всего, с танковыми, а на ближних аэродромах сели новые эскадрильи самолетов.

Пришло лето. Обе стороны готовились к активным действиям.

Чтобы не привлекать излишнего внимания, командующий армией не вызвал к себе лейтенанта Зюзина, а ночью сам приехал в район обменного пункта, лично проверил подготовку разведгруппы и на прощание, сдерживая свой крутой нрав, сказал довольно миролюбиво:

— Передашь сведения — орден. Вернешься в срок — станешь старшим лейтенантом. Приведешь хорошего «языка» — представлю к Герою. Но если...

Зюзин не дослушал командующего, непочтительно перебил:

— Никаких «если» не произойдет.

Командующий промолчал, но глаза его сузились, а ноздри большого, мясистого носа раздулись: он не терпел, когда его перебивали, хотя ценил острое слово. Командующий пожелал удачи и уехал.

Разведчики построились. Зюзин, так и не подав команды «Смирно», приказал:

— Подойти ближе.— Когда разведчики сгрудились вокруг него, почти шепотом сказал: — Слушайте задачу, товарищи. Есть сведения о концентрации танковой не то дивизии, не то корпуса противника. Необходимо уточнить и, если удастся, притащить «языка». Говорю честно: можем нарваться на засаду. Поэтому драться до последнего. Кто останется в живых, продолжает выполнять задачу любыми доступными средствами. Все остальное отработали на занятиях. Не забыли?

— Так точно...

— Что «так точно»? — сердито переспросил Зюзин.— Выходит, забыли?

— Никак нет. Помним.

— Все. Тронулись.

В зеленом небе висели осветительные ракеты. Пулеметы противника плели сложную паутину трасс. Где-то в стороне мирно тарактел самолет.

Разведчики гуськом прошли по опушке березового леса, постояли перед низиной и один за другим начали входить в туман, как в воду. Сначала скрылись по колено, потом до пояса, потом над туманом покачивались только каски, но вот и они утонули, растаяли.

Майор Лебедев остался на опушке. Он видел, как скрылись разведчики, и подумал, что с этой минуты уже не способен влиять на выполнение задания. До этого он проводил тренировки, с каждым из отобранных в группу изучал местность, старался обеспечить разведчиков всем необходимым. Словом, делал все, что мог. Теперь он стоял и тоскливо смотрел на белесую, чуть колышущуюся массу тумана-испарины, прикидывал, все ли сделал, как требовалось, и немножечко злился.

Он-то сделал все, а вот Зюзин... Ему почему-то не нравился этот строптивый, но удачливый лейтенант. Перед каждым поиском Зюзин обязательно выказывал свой характер. То не хотел идти группой, а шел с бывшим боксером Сутоцким и с щуплым длинноруким снайпером Грудининым, которого по каким-то одному ему известным

признакам посчитал разведчиком и перетащил в свой взвод. Втроем они дважды приводили «языков». Из поисков группы Зюзина возвращались всегда без потерь. Как это ему удавалось, лейтенант не рассказывал. А ходившие с ним разведчики объясняли по-разному. Одни осуждали Зюзина: прет на рожон, наудачу. Другие хвалили: отчаянный, но расчетливый. Знает, когда и где рисковать.

Сам Зюзин после поисков и походов в тыл сдавал подробные рапорты и отчеты-схемы, брился и два-три дня отсыпался. Затем мылся холодной водой или обтирался снегом и становился самим собой: хмурый, постоянно чем-то недовольным, неразговорчивым. Небольшие злые глаза, маленький курносый нос на широкоскулом лице, светлые брови — типичный сибиряк.

Вспомнил Лебедев и скандал, который устроил Зюзин, потребовав перевести к нему во взвод только что пришедшего с пополнением рядового Андрея Матюхина. Зюзину тактично объяснили: человека, который пробыл в плену около года, брать в разведку, по крайней мере, не резон. Зюзин стоял на своем.

— Мне нужен именно такой: дважды убегал из плена и уходил от немцев, значит, знает их повадки не по чужим рассказам. Знает форму, язык, оружие, технику... Его не кто-то освободил, сам пробился через передний край! Если человек сам прошел два передних края — немецкий и свой, — значит, разведчик.

Зюзина предупредили: за Матюхина будешь отвечать лично.

— А я и так за каждого отвечаю.

Но в поиски Матюхина долго не брал: заставил овладеть радией, приемами рукопашного боя... Больше того, недели за две до похода переселил Матюхина из общей землянки в свою, офицерскую.

Такая дружба вызвала недоумение. Что их связывало, никто не знал. Зюзин — сибиряк, забайкалец, Матюхин — донской казак. Зюзин — резкий, Матюхин — скорее добрый, во всяком случае, уважительный. Зюзин выпивал, Матюхин даже законные, «наркомовские», отдавал в общий котел: «Я в плен попал пьяным. Теперь все. До конца войны в рот не возьму». Но как попал в плен — не рассказывал.

И тем не менее Зюзин и Матюхин дружили. Сдержанно, неброско, на людях просто незаметно, но дружили.

И вот когда Зюзину, удачливому Зюзину, выпало такое ответственное задание, он оставил уже проверенного Грудина и взял с собой Матюхина. При этом потребовал для своей группы не одну, а две радиостанции. Связисты, естественно, возражали: три радиостанции уже погибли, но Зюзин добился своего...

Майор Лебедев стоял на опушке и все вспоминал, прикидывал, оценивал... Постепенно он стал различать не только военные шумы. Оказывается, пели птицы. Он вслушался. Опушка березового колка и низинный кустарник звенели трелями и посвистом. В небе едва заметно мерцали приглушенные июньским рассветом звезды.

На стороне противника метнулся прожектор, потом полоснули яркие лучи фар и послышался далекий шум моторов. Постепенно он стих, точнее, его заглушил усилившийся прочесывающий огонь. Из тумана густо вылетали светлячки трассирующих пуль и гасли в брустверах наших окопов.

Советская сторона молчала. Лебедев поморщился: следовало бы отвечать, иначе немцы могут подумать, что молчим неспроста. Это насторожит их. Но, прикинув все, майор решил, что, пожалуй, можно и не нарушать огневого режима, принятого в последнее время.

Лебедев подошел к пеньку, сел и стал смотреть на немецкую сторону.

2

Зюзин, как всегда, шел первым. Шел легко, неслышно, чутьем угадывая в тумане кочки и сушинки в заболоченной пойме крохотной речушки, вдоль которой располагалась оборона воюющих сторон. Немецкий берег был чуть выше, наш — чуть ниже.

Когда выбирали место перехода линии фронта, Зюзин забраковал этот участок: через него проходила первая из погибших групп. Он вообще настаивал, чтобы его группу высадили или выбросили с самолета в тылу противника. Но полковник Петров — начальник разведотдела армии — запротестовал:

— Ночи светлые. Самолет могут засечь. Если выбросить вас далеко, будете добираться неделю или больше. А сведения нужны как можно скорее.

— Зато надежнее, вернее.

— Рассудим так: противник знает, что мы уже про-

ходили здесь. Значит, он вправе решить, что вторично мы не пошлем людей тем же маршрутом.

— Верно. Но только в том случае, если тут сидят наши старые знакомые. Они привыкли к нам, мы — к ним. А если новые? Свежие? Они наверняка подстрахуются и перекроют маршрут.

— Тоже верно. Значит, нужно идти не точно этим маршрутом, а попетлять.

— Это само собой. Только леса здесь старые, смешанные, много дуба. Так что полно прогалин — трудно маскироваться. И поля. Как правило, незапаханные.

— Зато заросшие сорняками. Маскировка!..

Они спорили долго, обговаривали различные варианты маршрутов. Потом Зюзин с майором Лебедевым проверяли эти варианты по карте. И все-таки выбрали именно этот, знакомый маршрут: сплошных траншей перед заболоченной и лишь теперь подсыхающей поймой немцы не создали, надеялись, что болото надежно прикроет их боевые порядки. Однако в жару припойменное болото усохло, а немцы по-прежнему обходились поддерживающими огневую связь опорными пунктами и ночными патрулями — либо хитрили, не привлекая внимания противника к этому месту, либо знали, что у русских тут резервов нет и нанести внезапный удар они не смогут. Так или иначе, а проскользнуть на данном участке разведчикам было, конечно, легче, чем в любом ином месте.

К жидким проволочным заграждениям группа вышла точно в срок, даже минут на десять раньше: затвердевшая пойма не задержала разведчиков и мелководную речушку форсировали без особого труда.

Вперед выползли два разведчика, перекусили ножницами нижние нити проволочных заграждений, полежали, послушали и осторожно поползли дальше, опускаясь вошедшую в рост траву — искали мины. Не нашли. Тогда за ними поползли остальные.

Справа, как и предполагалось, едва заметно светилась амбразура дзота — там постоянно дежурили пулеметчики. Слева, за траншеей, горбился наблюдательный пункт. Ночью, как показало длительное наблюдение, в нем отсиживались патрули.

Разведчики молча перемахнули траншеи и по луговине устремились в глубь обороны противника — к дубраве. Сзади раздался приглушенный говор: патрули вышли из НП и двинулись по траншее к дзоту. Разведчики при-

таились, дожидаясь, пока патрули скроются в дзоте, — на несколько секунд через открытую дверь пробился слабый свет.

На опушке дубравы пахло просыпающимися грибами, цветами и чуть-чуть земляникой. Ветер усиливался, жесткие дубовые листья начали жестяно шелестеть. Разведчики перевалили противопожарную канаву и впервые поднялись в рост. Прислушались, осмотрелись и неторопким шагом, пружиня в коленях, держа руки на предохранителях автоматов, углубились в дубраву.

Зюзин отстал и, когда с ним поравнялся Матюхин, шепнул:

— Ты, радист и Сутоцкий идите правее... метрах в ста. В бой не вступать. — Подумал и добавил: — За радистом смотрите — вроде дрожит.

Матюхин шепотом передал Сутоцкому приказ и поймал радиста за подол маскировочной куртки.

Радист вздрогнул, быстро оглянулся. Матюхин жестом приказал ему свернуть вправо, но радист неожиданно рванулся и, злобно скаля зубы, упрямо потянулся за основной группой. Сутоцкий молча показал ему огромный кулак. Радист сник, но подчинился.

Теперь разведчики шли двумя группами, наискось пересекая дубраву, чтобы выйти к заросшим бурьяном полям, проскочить, точнее, проползти их и войти в смешанный лес.

Матюхин пропустил вперед радиста, потом Сутоцкого и пошел замыкающим.

Дубы стояли могучие, разлапистые, шелестели солидно, и тени от них лежали густые, надежные. Но тени эти не перекрывали друг друга. Между ними едва заметно просачивались потоки зеленоватого света: близился ранний июньский рассвет. Сутоцкий и Матюхин жались поближе к огромным стволам, а радист шел по прямой.

Шел не оглядываясь и, видно, только слушал. Когда шорох шагов товарищей затихал, он приостанавливался. Тогда разведчики нагоняли его и слышали прерывистое, шумное дыхание товарища.

Сутоцкий покачал головой: психует парень. Впрочем, такое бывает. Особенно на первых порах. Не срабатывает какой-то мозговой центр, отказывают нервы — и все кажется непоправимо безнадежным, страшным и неизбежным. Потом, когда первый шок пройдет, все станет на свои места.

Но пока шок не прошел, за радистом следовало при-
сматривать. И оба разведчика безмолвно поделили обязан-
ности: Сутоцкий приглядывал за радистом, а Матюхин
следил за основной группой и за окружающим.

Ветер крепчал, и дубрава пошумлиwała все сильнее.
Можно было ускорить шаг: шум дубравы глушил шелест
травы под ногами. Поэтому, должно быть, к противопо-
ложной опушке группа вышла быстрее, чем предполага-
лось. Появилась надежда, что заросшее поле удастся пе-
реползти в предрассветных сумерках.

Однако здесь, на противоположной опушке дубравы,
деревья росли особенно редко и казались наиболее вели-
чественными и разлапистыми. Светлые полосы между их
теньями были шире, и Матюхин пошел медленнее, при-
кидывая, двигаться в рост или перейти на привычный для
разведчика способ передвижения — ползком.

Решить задачу он не успел.

Слева, прямо перед ним и чуть справа полукружьем
вспыхнули яркие автомобильные фары. Инстинктивно
Сутоцкий и Матюхин упали, а радист испуганно присел,
потом, не разгибаясь, круто повернулся и, петляя, побе-
жал назад. В следующую секунду откуда-то со стороны
фар ударили автоматы. Разрывные пули впились в ду-
бы. Запахло взрывчаткой, свежим корьем и почему-то ко-
жей. Радист взмахнул руками и упал.

Сутоцкий выпростал из-под себя прижатый грузным
телом автомат и вознамерился было ударить по фарам,
но Матюхин прошипел:

— Не смей! Ползком к дубу.

Сутоцкий не понял и обернулся, всматриваясь в сразу
ставшее хищным решительное лицо Андрея. Матюхин
был настолько уверен, что Сутоцкий послушается, что
сразу повернулся и пополз к дубу. Здесь, за его стволом,
в полосе густой тени, он поднялся и, ловко работая рука-
ми и ногами, полез вверх, зацепился за сук, потом, пе-
ревалившись на толстую ветвь, подал руку товарищу.

Еще ничего не понимая, Сутоцкий ухватился за эту
маленькую для него руку и, придерживаясь другой рукой
за ствол, тоже вскарабкался наверх. Когда он схватился
за сук, Матюхин перебрался выше и залег, распластав-
шись на огромной ветке. Жестом он приказал Сутоцкому
подняться повыше.

Слева, там, где была основная группа, строчили авто-
маты. Одна за другой гасли разбитые пулями фары, и

Сутоцкий, устраиваясь поудобнее, тоже приладил автомат, но Матюхин опять шепнул:

— Не стрелять, Коля. Ни в коем случае!

Сутоцкий посмотрел на него с недоумением, но послушался.

В свете фар показались немецкие цепи. Смотреть на них было жутко. Впереди двигались огромные угловатые тени. Чем дальше отходили солдаты от фар, тем длиннее становились тени и тем ярче, голубее казались всполохи автоматных очередей.

Там, где была основная группа разведчиков, автоматы смолкли, стали рваться гранаты.

Вероятно, потому, что Матюхин и Сутоцкий смотрели туда, где сражались и гибли их товарищи, они не заметили, как, постреливая на ходу, к дубу приблизилась немецкая цепь. Сухой, властный автоматный стук заставил их вздрогнуть и взглянуть вниз.

Немцы тоже почему-то смотрели только вперед и вниз. Шагов через двадцать—двадцать пять кто-то из них наткнулся на мертвого радиста. Из цепи сразу вынырнули несколько человек, подбежал офицер или унтер-офицер, и все склонились над убитым. Вот смутно мелькнула безвольная рука радиста — видно, кто-то щупал пульс. Потом два солдата понесли навстречу свету фар рацию и автомат. Они прошли как раз под дубом, и Матюхин видел, как они щурились и прикрывали ладонями, как козырьками, глаза.

Там, где отстреливались разведчики, затих последний советский автомат, и немецкая цепь стала смыкаться. На прогалине еще бродили несколько групп немцев, остальные опять мерно, не спеша пошли по следам разведчиков, ритмично, через каждые три-четыре шага, нажимая на спусковые крючки автоматов. Потом эта же цепь прошла обратно, и только тогда двое солдат прихватили убитого радиста и за ноги поволокли его по мягкому, еще не зацветшему разнотравью...

Сверху Матюхин видел, что маскировочная куртка на радисте задралась и в просвете между ней и шароварами безвольно и рыхло вздрагивал странно белый в свете фар живот. От этого стало страшно, и Матюхин зажмурился.

Когда сходятся июньские вечерняя и угренняя зори, птицы перестают петь. Это насторожило майора Лебеде-

ва. Он прислушался. Совсем неподалеку тихо и печально кричала сплюшка, нагоняя грусть.

Противник все так же неистовствовал, все усиливая прочесывающий огонь. Ударил даже тот, обычно молчавший дзот, который был на пути разведгруппы. Но именно это и успокоило Лебедева. По расчету времени разведчики давно должны были пройти передний край, и, если дзот открыл не прицельный, а прочесывающий огонь, значит, все в порядке: группа благополучно миновала передний край противника.

Налетел первый, ощутимый порыв предсказанного Зюзиным восточного ветра. Майор Лебедев поднялся и совсем уже было собрался идти в землянку, чтобы немного отдохнуть перед первым сеансом назначенной связи (впрочем, радики все время работали на прием, и, если бы что-нибудь произошло, радисты немедленно доложили бы), сделал несколько шагов, когда новый порыв восточного ветра поколебал завесу тумана и она стала быстро подниматься. Туман рвался, цеплялся за кустарник, кочкарник и пропадал не сразу, а кусками. И когда он почти исчез, за выступившей темной громадой дубравы вспыхнули фары и почти тотчас же ударили пулеметы или автоматы. Что именно — майор не понял. Но он хорошо слышал, что заработало чужое оружие, видел, как излетные трассирующие пули иногда достигали опушки дубравы и бессильно, как светлячки, гасли, не достигнув переднего края.

Майор Лебедев сразу понял, что произошло, и представил, что произойдет позднее. Провал четвертой группы, удивительная осведомленность противника неопровержимы. О формировании группы Зюзина, ее подготовке, маршруте, задании знали только командующий, начальник разведотдела полковник Петров и он, майор Лебедев. Теперь можно оправдываться, говорить что угодно, но... Во всем объеме и во всех деталях об операции знал только он, Лебедев. Больше того, именно он дал согласие на выход группы в тыл противника на целые сутки раньше намеченного срока. Дал согласие — и очередная группа попала в засаду. Совпадением этого не объяснишь. А раз так, то лучше всего вынуть пистолет и...

Впрочем, это не дело... Это признание своей вины, основание для последующего презрения, это — предательство семьи и тех, кто рекомендовал в партию, в разведку. Нет, их подводить нельзя... Самое правильное сейчас

встать и идти по маршруту группы. Ошметки тумана еще кое-где висят. За ними можно будет спрятаться от своих, потом, приблизившись к переднему краю противника, подняться в рост да еще пострелять по дзоту или наблюдательному пункту. Уже рассветает. Немецкие пулеметчики не промахнутся...

Он должен был проводить группу. Он проводил ее. В служебном своем рвении проводил дальше, чем следовало. И вот результат: убит. В этом случае все в порядке. Семья будет получать пенсию, друзья посочувствуют — такое наше проклятое дело. Ругают штабников, а что они могут сделать? Это единственный выход. По-своему честный. Собственный приговор, самим приведенный в исполнение. Никто ничего не теряет и не выигрывает...

Майор Лебедев сделал несколько шагов к переднему краю, к заболоченной пойме, тщательно расправил гимнастерку, поправил фуражку, словно собираясь на встречу с начальством — офицер всегда должен быть офицером. Тем более разведчик. Потом остановился и усмехнулся.

Хорошо. Пал смертью храбрых... Но ведь это подарок врагу! На его, Лебедева, место сядет другой человек, и снова пойдет в тыл врага новая группа, потому что война безжалостна и командующему нужно знать, что появилось перед фронтом его армии. Если он не узнает этого — на армию, на знакомых и незнакомых людей может обрушиться непредвиденный удар и погибнут уже не только разведчики, но и тысячи других солдат. И именно он, майор Лебедев, ценою жизни спасая свою честь, честь своей семьи и друзей, будет виноват в смерти и страданиях многих людей.

Да, крути не крути, а выбор, как и все на войне, вырисовывался безжалостный и точный. Выбор совести, офицерской чести.

Справа, там, куда уходила излучина заболоченной, очистившейся от тумана поймы, небо тронула розоватость, и невидимая сплюшка опять сообщила, что она спит. Майор вздрогнул — он так и не привык к птичьему щебету, — круто повернулся и запагал в тыл, подальше от невезучей землянки, тайно выкопанной, тайно покинутой и теперь молчаливой, как могила.

Лебедев пошел в тыл, где был его «виллис», где сидели специально натренированные радисты, которые вот уже три дня слушают эфир на необычной, подстроенной

к немецкой волне. На это тоже делалась немалая ставка. Радисты Зюзина учились «выстреливать» сообщения в перерывах между немецкими передачами, что затруднило бы противнику пеленгацию раций. Кого слушали радисты, они не знали, хотя все это время майор Лебедев дважды в день появлялся у них и спрашивал:

— Ничего?

— Никак нет,— отвечал старший,— имеется.— И протягивал бланки с текстами, которые составлял майор для тренировки зюзинских радистов.

Ребята справлялись с заданиями хорошо, но Лебедев, получив бланки, становился печальным, озабоченным и ронял:

— Плохо...

И в этот раз он тоже зашел к радистам и спросил, как всегда:

— Ничего?

Сердце у него колотилось, как никогда, он боялся, что ему ответят: «Попали в засаду». Только сейчас, у радистов, он понял, что в нем все еще жила какая-то надежда. Скорее всего на нелюбимого им, но везучего лейтенанта Зюзина. Может быть, там в тылу, он, строптивый, оставшийся без начальственного надзора и руководства, все решит по-своему, все переиграет и выскочит из неминуемой передраги...

Старший смены ответил:

— Никак нет. Молчат.

— Значит, не время,— сказал майор и поспешил уйти, хотя, честно говоря, должен был остаться и ждать еще одного сеанса связи: надежда все еще теплилась.

Лебедев поехал в штаб армии, разбудил начальника разведотдела и доложил, что он думал и видел.

— Вы, конечно, понимаете, чем это пахнет? — спросил полковник Петров своим обычным, мягким, вкрадчивым баском.

— Разумеется. Поэтому и не дождался второго сеанса связи.

— Странно... Логичней было бы дождаться: все-таки какая-то надежда...

— Возможно. Но о результатах сеанса можно узнать по телефону. Последствия же провала нужно срочно ликвидировать.

Полковник походил по избе, потрогал за чем-то угол русской печи и решил:

- Нужно немедленно доложить командующему.
- Так точно.
- Докладывать будете вы.
- Есть.

Майор Лебедев представлял, что означает этот доклад. Он приготовился к худшему и не ждал поблажек. Сам он уже как бы отрешился от действительности, от самого себя, прежнего, и теперь жил чужими, точнее, общими интересами, для которых он, как таковой, не имел ни малейшего значения. Он выполнял свой офицерский долг. Может быть, последний, но все-таки долг.

Полковник опять походил по избе, спросил:

- Есть хотите?
- Нет. Пить.
- А я, представьте, как только неприятность, хочу есть.— Петров достал консервы, хлеб, открыл термос и поставил два стакана.— Пейте. И все-таки советую по-есть.

Майор выпил теплого крепкого чая, потом, поколебавшись, налил второй стакан.

- Сядьте. Следующий сеанс в пять утра?
- Так точно.
- Сейчас четыре двадцать. Подождем докладывать командующему. Давайте подумаем, в чем наша ошибка.
- Думал. Все время думал. Найти не могу.
- Предположить, что кто-то из нас троих шпион, невозможно. Что кто-то проболтался — тоже. Значит, нужно искать утечку информации извне. Во-первых, Зюзин отбирал людей только из своего взвода, хотя об отборе знали все разведчики роты. Когда отбирают людей, опытные разведчики могут предположить, что задание сложное. Если они при этом знают, что на таком же задании уже сгорели три группы, вывод сделать нетрудно.

— Правильно. Но все три группы были из разных разведрот. Во всех трех ротах никто не знает, что они погибли. Наоборот, как было договорено, их осторожно информируют, что группы продолжают выполнять задание.

— Все равно нужно проверить этот канал. Во-вторых, штабные работники. О провале могли знать...— Полковник Петров перечислил всех, кто мог знать о провале.— Но они знают также и другое: больше разведгрупп через линию фронта засылать не будут. Пошлют воздухом. Такие группы действительно готовятся. Следовательно, о

группе Зюзина они не знали, как вы не знали о десантных группах.

— Возможно, ненадежный человек был в самой группе Зюзина?

— Возможно. Контрразведчики высказывали сомнения насчет некоего Матюхина. Но и они не знали, для чего отобрана группа Зюзина и, значит, Матюхин. Останемся на этом варианте: Матюхин или кто-то другой — ненадежен. Зюзин, по вашему докладу, тоже был обеспокоен и, стараясь — подчеркнем это «стараясь» — нарушить установленный срок, пошел в разведку как бы по наитию. Значит, даже если у него в группе был предатель, он не успел бы известить об этом противника, а тот — организовать засаду.

— Так точно. Но...

— Предатель мог сделать это по дороге? Не думаю. Сложно. Тем более вы сами докладываете, что видели свет фар до перехода. Кстати, раньше этого не было или мы не замечали. Во всяком случае, это настораживающий штрих. Противник овладевает приемами ночного боя и даже вносит кое-что новое — подсветку фарами. Однако для того, чтобы организовать такую подсветку, надо заранее продумать план, вывести в нужное место технику и людей. Значит, ждать нашу группу именно в этом месте. — Полковник сделал паузу, вздохнул. — Таким образом, получается заколдованный круг: все замыкается на нас троих.

— Считаю необходимым напомнить, что по маршруту группы Зюзина наши люди уже проходили.

— Да. Но те, первые группы, шли иной, чем Зюзин, дорогой.

— Так точно.

— А результат тот же.

— Кроме автомобильных фар.

— Правильно... Недавно мы с начальником контрразведки и его заместителем специально занялись рассмотрением причин предыдущих провалов и пришли к выводу: информация могла просачиваться только от нас. Впрочем, контрразведчик не знал о группе Зюзина. Сегодня он может сказать, что мы поступили неправильно, не поставив его в известность.

— Но тем самым мы намеренно сузили круг...

— Который, не забываяте, замкнулся на нас. — Полковник опять походил, сделал бутерброд и пробасил: —

Да-а, дела-а... Горим, как говорится, ярким пламенем. Что будем делать?

— Что горим — ясно. Что делать? Прежде всего думать.

4

Автомобильные фары погасли. Слышались сдержанный говор солдат, негромкие команды, грохот сапог о борта машин, звон оружия. Потом вспыхнули тусклые подфарники, и почти сразу заскрежетали стартеры и фыркнули моторы. Машины медленно выстраивались в колонну. Вскоре они двинулись через непаханое поле.

После того как шум колонны утих, слух обострился, и Матюхин слышал неизбежные в каждом лесу шорохи: может быть, прополз уж или проковылял ежик, может, землеройка вынырнула на поверхность. Но посторонних, человеческих звуков в дубраве уже не было. Матюхин сказал:

— Пронесло.

Сутоцкий промолчал. Он все еще стоял на ветвях дуба, прижавшись большим, плотным телом к стволу.

Матюхин не то предложил, не то приказал:

— Будем спускаться, — и, спрыгнув на землю, залег, огляделся.

Сутоцкий прилег рядом, внятно произнес:

— А все-таки ты — сволочь.

Матюхин вздрогнул, быстро взглянул на товарища:

— Выясним позже. Сейчас будем выполнять задачу. — Он помолчал и стал шепотом раздумывать вслух: — Мне не верится, что они не оставили засаду... Раз они встречали нас так торжественно и если они, забрав трупы, сразу уехали, даже не прочесав второй раз лес и округу, значит, они приблизительно знали, сколько нас. Видимо, нас где-то пересчитали. Правда, на двух можно ошибиться — все-таки сумерки... А вдруг кто-то из наших не убит, а только ранен? Тогда он может сказать, сколько нас было на самом деле.

— Что ж они такие сволочи, как ты?..

— Лейтенант приказал в бой не вступать...

— Смотря в какой...

— Сказал, выясним позже. Я, к твоему сведению, по опыту знаю, что раненым, да еще у немцев, да еще первый раз... можешь и заговорить. Не хочешь, а заговоришь.

Особенно в отчаянии. Ведь каждый сейчас уверен, что погибли все. В этом они убедят. Покажут трупы и убедят. Затем, наверное, и брали трупы. Вот и скажешь, чтобы освободиться от пыток и приблизиться к смерти. Там, дорогой, смерть не несчастье, а избавление!.. Значит, не сейчас, так позже нас начнут искать. Да и народ они аккуратный — засаду наверняка оставили. Потому считая: нам нужно двигаться влево, вдоль передовой, а уж потом, километров через пять, сворачивать на маршрут. Свернем, а там поглядим. Согласен?

— Пошли...

— Поначалу не пошли, а поползли.

И они поползли от дуба к дубу, от куста к кусту. Уже занялась заря, запели птицы, а они все ползли и ползли. Горели колени, ладони, очень болела шея. Как ее ни поворачивай, а она все время в напряжении.

Дубрава постепенно перешла в разнолесок. Все чаще стали попадаться заросли жимолости, орешника, волчьей ягоды и папоротника. Матюхин привстал, огляделся. Было уже совсем светло, лес тихонько пошумливал. Ветер доносил болотную прель.

— Двинули.

Теперь они свернули прямо на запад, в тыл врага. Пройдя метров триста, оба вздрогнули: неподалеку хрустко выстрелила ветка и забились сильные птичьи крылья.

— Черт! Тетерку, видимо, испугнули. Это хорошо, — проворчал Матюхин. Подумал и предложил: — Но двигаться давай все-таки перекатами. Обоим гибнуть не с руки.

Он быстро пошел вперед, петляя между стволами, и встал за первой сосной, встреченной в лесу. Теперь двинулся Сутоцкий. Он минул Матюхина и тоже затаился за деревом.

Так они и шли перекатами, прислушиваясь, принимаясь и приглядываясь. Лес был тревожно затаен: тянул ровный ветер, с деревьев падали посорки, иногда вспархивали птицы. Странно, но они не слышали птичьего пения. Его как бы не существовало, хотя лес звенел птичьими голосами. Когда неподалеку от просеки внезапно раздался противный крик сороки, Матюхин сразу присел. Проклятая птица предупреждала лес, что в него вошли посторонние.

Разведчики притаились, прислушались, потом осторожно двинулись через просеку с телефонной линией:

бурые, кое-где накренившиеся столбы, два тонких, жалобно позванивающих провода.

Матюхин посмотрел на просеку, прикинул, что старая линия идет к заболоченной пойме, а другим концом, видимо, к ближнему, занятому противником районному центру Радово, и понял: километра через два должна быть дорога. Поэтому он сказал:

— Айда к дороге.

Сутоцкий молча шел следом. Минут через двадцать вдалеке послышался шум автомобильного мотора, и они, переглянувшись, опять двинулись перекатами. Впереди за поредевшими стволами блеснула гравийная дорога. Солнце только что встало, и невидимые осколки стекла на шоссе вспыхивали ослепительно и весело.

— Ну вот, — облегченно вздохнул Матюхин, — вышли. Теперь нужно брать «языка».

Сутоцкий молча кивнул и посмотрел на напарника уже не так ненавидяще, как раньше. Матюхин грустно усмехнулся:

— Остыл? Теперь давай выясним, почему я сволочь.

— Потому, что не разрешил стрелять...

— А что бы это дало?

— Что бы ни дало, а... свои гибли.

— Верно. Гибли. Но ты, что думаешь, такой командир, как Зюзин, случайно приказал нам отделиться? Он ждал засады. И страховался нами.

— Понятно... И все-таки... Что-то тут есть... такое...

— Есть. Нарушение правила: сам погибай, а товарища выручай.

— Вот!

— Ну а если нам повезет и мы хоть что-нибудь узнаем? Тогда как?

— Что мы должны узнать?

— Ты примерно знаешь: проверить наличие новых частей.

— Больше ничего?

— Большого я не знаю. Может, и было, да лейтенант не сказал.

— Как проверить? Бродить и искать?

— Много не набродишь. Будем брать «языка».

— А как потащишь через линию фронта?

— Тащить не придется. Потащим сведения.

Сутоцкий поморщился:

— Не люблю мокрых дел.

— Я тоже, но придется.— Матюхин помолчал. Лицо у него сделалось жестким: глаза сузились, губы поджались. Резче выпятились скулы.— Думаю, сделаем так: я буду выходить на дорогу, останавливать и беседовать. Если подходящий — дам знак, подойдешь ты и вместе закончим.

— Общий разговор!

— Принцип действия. В каждом отдельном случае будем выработать свой план.

Они приблизились к дороге и спрятались в кустарнике. Мимо промчалась легковая машина, потом, выбрасывая черные клубы дыма, прогудел дизель.

— Старый мотор, не из пополнения,— пробормотал Матюхин.

И тут его подтолкнул Сутоцкий. Матюхин понял его сразу. На другой стороне гравийки шла шестовая линия связи. Они перебежали шоссе и выбрали место, где линия несколько провисала над заброшенной лесной дорогой. Они надрезали, а потом разорвали кабель, отошли и замаскировались в подлеске.

По дороге прошел неторопливый обоз, проезжали мотоциклы и машины, лязгая гусеницами, проследовал бронетранспортер. Матюхин отметил:

— Этот новенький. Или мотор новый.

Прошло не менее часа, прежде чем появился связист. Он быстро нашел обрыв, но стал так, что нападать на него было неудобно, и, как назло, по дороге неторопливо трусили две пустые немецкие колымаги, запряженные огромными мохноногими тяжеловозами. Кони были сытые, лоснились и изредка пофыркивали, словно рвались перейти на рысь.

Связист прозвонил линию, получил ответ от обоих конечных абонентов и пошел, но не назад, а вперед, к той просеке, по которой тянулась старая линия. Он осмотрел ее в обе стороны и повернулся, чтобы идти в часть. И тут на него молча вышел Сутоцкий. Связист побледнел, сделал было шаг назад, потом потянулся за винтовкой, но не успел ее снять: Сутоцкий спокойно, размеренно шагнул и молча ударил его подвздох. Связист охнул и перегнулся в пояс.

Сутоцкий все так же спокойно подхватил его за шиворот, оттащил в кусты, забил в рот кляп и перекинул через плечо. Андрей Матюхин заботливо подобрал не-

мецкую пилотку, новенький телефонный аппарат, винтовку и пошел следом.

Метрах в ста от дороги Сутоцкий положил связиста на землю. Матюхин обыскал его. Солдатская книжка не обрадовала: связист был из старой, хорошо знакомой дивизии, которая уже несколько месяцев стояла в этих местах. Потом Андрей внимательно прочел письма, рассмотрел фотографии. И книжку и письма он вложил в карманы связиста, а сигареты и зажигалку взял себе. Потом крепко потер связисту уши и подул на него — солдат очнулся.

— Курить будешь? — мягко спросил Матюхин.

Связист открыл глаза и долго смотрел на разведчиков. Сутоцкий нахмурился. Немецкий солдат казался жалким — худощавый, с провалившимися щеками и жилистой, кадыкастой шеей. Из уголков маленьких светлых глаз медленно скатились мутные слезинки, должно быть от боли. На его потрепанном мундире были знаки за ранение и за участие в зимней кампании сорок первого года. Старый солдат, он знал, что его ждет, и Сутоцкий понял его.

В бою он, не задумываясь, убил бы любого такого, как этот немец, а вот здесь, в летнем, еще входящем в силу лесу, пахучем и теплом, сделать это трудно...

Матюхин вынул кляп и протянул немцу его пилотку. Тот машинально надел ее, проверил, правильно ли она сидит.

— Вот какое дело получилось, Курт Штильмайер, — сочувственно произнес Матюхин и вынул сигареты. — Ни тебе, ни нам такие встречи, конечно, ни к чему, но что поделаешь. — Связист оторопело посмотрел на Андрея, а тот добавил: — Мы тебя понимаем — жена, трое детей... Да хоть бы немец, а то австриец, и не известно, за что пропадать... Карла давно убили?

— М-м... В апреле...

— Жаль... Он был хорошим мастером. Мальчишка его мастерскую не поднимет. И если так пойдут дела, то, пожалуй, его заберут в армию.

Штильмайер как будто и приходил в себя и в то же время обалдевал все сильнее. Он не мог понять, откуда этот парень, в непонятной форме, говорящий по-немецки с легким силезским или еще каким-то северным акцентом, знает о нем такие подробности. Матюхин, казалось, не замечал его растерянности.

— Не знаю, как вы решили с Мартой, но я бы на твоём месте забрал его семью к себе: в деревне легче прокормиться. Да и девчонки помогут Марте. Поросята требуют ухода.

— Марта не любит Ани...

— Она её не любила раньше — городская. Сейчас сравняются. У женщин слабые сердца, а горе общее.

Штильмайер кивнул и потупился. Должно быть, его по привычке охватили домашние заботы. Андрей протянул ему сигарету, чиркнул зажигалкой, дал закурить, потом закурил сам и с удовольствием затянулся — давно не курил.

— Знаешь, Курт, давай напрямую. Что нам, что тебе умирать желания нет. Ты не дурак, понимаешь, что ты не шваб и от этой войны, даже если фюреру кое-что и удастся, лично ты ничего не выиграешь. Разве что сможешь опять покупать удобрения, которые вам сейчас не дают, да, может быть, снизят налоги. Так я говорю?

— Та-ак,— протянул связист.

— Ты не удивляйся, откуда я все знаю. Год болтался в ваших местах. Даже твой Мариендорф знаю. И Гюнтера знаю. И то, что сына он все-таки пристроил в «Адлерверке». Значит, на фронт он не попадет. И то, что...

— Это еще не известно...— перебил австриец.

— Тебе не известно. А нам известно. Гюнтер не ты. Он, как теперь говорят, не каждое яичко метит.

— То так,— кивнул Курт. Эта подробность словно примирила его с допрашивающим, утвердила правильность его слов.

Сутоцкий смотрел на Матюхина, как на колдуна. Он и не предполагал, что во время войны каждое крестьянское хозяйство обязано было с чисто немецкой аккуратностью своевременно сдать на заготовительный пункт каждое снесенное курицей яйцо, предварительно проставив на нем дату и порядковый номер. Никто не имел права даже яйцо продать по собственной инициативе. Но тот, кто пользовался властью, метил не каждое яйцо, спекулировал и наживался.

Андрей Матюхин никогда не бывал в Австрии, но считал, раз так заведено в Восточной Пруссии и Шлезвиге, через которые он проходил, бежав из плена, то в Австрии, второсортной провинции великой Германии, порядки должны быть еще строже.

— Ну вот... Поэтому я открываю карты: мы разведчи-

ки. Нам нужно знать, что делается в ваших тылах. Времени у нас немного. Мы тебя на обратном пути прихватили. Так вот... Расскажешь все по-честному — отпустим. Нет — сам понимаешь... Уйдешь и обманешь, выдашь — наши люди найдут способ сообщить СД о нашей встрече. И тогда твоя семья... Сам понимаешь...

Штильмайер постепенно приходил в себя. В его голове улеглось еще не все, но главное он понял: есть надежда выжить. А раз так, надо сначала выжить, а потом на свободе подумать, как поступить. И он покорно, излишне покорно покивал:

— Та-ак... Что... что вас интересует?

— Все. Начнем с самого простого. Прибывшие танкисты — эсэсовцы?

— Эсэсовцы.

— Откуда? Наименование или номер части?

— Не знаю. Но, видно, с юга — загорелые и веселые.

— Ну а те, что стали дальше, тоже эсэсовцы?

— Не знаю... Знаю, что из Франции пришли мотострелки — наши шоферы выменивали у них сало на коньяк. Штаб у них в Радове, а части в лесах вокруг. Я тянул связь...

— Правильно... эсэсовцы левее.

— Наоборот.

— Ну да... Это если смотреть из тыла. Если же отсюда, то эсэсовцы правее и впереди Радова, а мотострелки в центре.

— Так.

— А танкисты левее и чуть сзади. Колонные пути пробивали?

— Не знаю...

— А знаешь, что было сегодня ночью?

— Говорили, что опять попалась русская разведка. Я спал...

— К сожалению, попалась... Впрочем, так дуракам и нужно: нельзя трижды лазить в одно и то же место. — Курт недоверчиво посмотрел на Андрея. Матюхин усмехнулся: — Неужели ты настолько глуп, чтобы не понять: у нас, как и у вас, разведкой занимаются не только войска... — Андрей презрительно покривился: — Эти, ночные, из войсковой разведки. Как их засекают, не слышал?

— Нет... Там, за дубравой, часто проезжают легковые машины...

— К болоту?

— Да. Наши сейчас собирают имущество, будут передвигаться правее...

— Как правее? Если смотреть отсюда?

— Да. К югу. Батальон с болота снимают. Наверное, туда выйдут мотострелки. Они там все время шныряют. Ребята говорили, что эсэсовцы тоже околачиваются там.

Матюхин на мгновение задумался, нарушив непринужденный тон и темп вопроса. Потом совладал с собой, но отметил озабоченно:

— Ты прав... Удар они нанесут именно через заболоченную пойму — она подсохла. Все сходится. Не ясно одно... У нас есть сведения, что кроме эсэсовцев и мотострелков сюда подошли еще какие-то не то танкисты, не то самоходчики — сведения поступили от партизан, а они не рассмотрели. Мы же их не нашли... Ты ничего не знаешь?

— Точно — нет. Но, по-моему, к нам в дивизию пришли средства усиления — отдельный самоходный полк. И танкистам, которые нас поддерживали, пришло пополнение.

— Ага... Вот теперь все ясно. Где они стали?

— Самоходчики — не знаю. А танки, как и всегда, — в Горячей Буде.

— Спасибо. Ты нам здорово помог. Можно не тащиться в Горячую Буду. Это точно?

— Точно! Я сам там бывал и видел.

— Хорошо. Последнее... — Сзади Штильмайера, из глубины леса, донесся подвывающий звук автомобильного мотора. Сутоцкий обернулся на звук. Матюхин продолжил: — Последнее. Ты не знаешь номера мотострелковой дивизии?

— Нет... Впрочем... кажется, седьмая...

Шум мотора нарастал, и Матюхин коротко бросил Сутоцкому:

— Прикрой.

Штильмайер прислушался и вопросительно взглянул на Матюхина.

— Ну и что? — пожал тот плечами. — Подъедут — поговорим. Если потребуется, прикончим.

— Да, но...

— Послушай, Курт, подошел настоящий экзамен. Выйди, останови, спроси откуда и куда. А я постою — послушаю. — Штильмайер сглотнул слюну и умоляюще посмотрел на Матюхина. — Не труть! Объясни, что ты здесь

потому, что все время рвут линию, и тебе это надоело. Вот и все.

Курт покорно кивнул и поднялся. Матюхин на четвереньках продвинулся за ствол березы и изготовил автомат. Открытая машина-тягач, которыми обычно противник таскал противотанковые орудия, с двумя ведущими осями, подминая деревца и ныряя на старых колдобинах, поравнялась со Штильмайером. Он выпнел из-за кустов и поднял руку. Два сидящих позади автоматчика вскинули оружие.

— Простите, господин обер-лейтенант, это не ваши машины рвут линию? — спросил Курт.

— А что, разве у вас здесь линия? Что-то не видел...

— Нет, она не здесь, а у выхода на дорогу. Мне надоело чинить и получать замечания.

— Значит, нужно подвесить провод повыше, — ответил офицер, которого Матюхин так и не увидел, и скомандовал: — Поехали. — Мотор прибавил оборотов. Офицер раздраженно бросил: — Порядки! Берегут старую цивильную линию, как будто она кому-нибудь нужна, а боевые тянут черт те где...

Машина скрылась и, судя по короткому взрыву-перегазовке, взобралась на шоссе. Курт вернулся и вытер испарину со лба.

— Кто?

— Саперы. Если судить по свеженьким мундирам — из мотострелковой.

Матюхин вынул сигареты и зажигалку, подумал, предложил закурить и извинился:

— Прости, у тебя позаимствовал. Зажигалку возвращаю. Сигареты оставляю... Вот какая просьба: ты можешь отдать мне телефонный аппарат?

— Как же я?..

— Сам говоришь, будете передвигаться. В неразберихе всегда сопрешь другой. Да у вас наверняка есть запасные. А нам пригодится.

— Не думаю...

— Напрасно. Новые части не навели своих линий и не пользуются радио. Значит, они пользуются вашими линиями. Вот мы послушаем по дороге. И еще. Постарайся сдать в плен. Сразу доложи, что работал на лейтенанта разведки Зюзина и Матюхина. Запомнил?

Курт с мягким, картавым австрийским акцентом повторил фамилии.

— Если будут придирааться, стой на своем, требуй, чтобы доставили в разведку. Там расскажешь о нашей встрече. Если с пленом не получится, живи, как жил. Да, если придет кто-нибудь из наших и передаст привет от Зюзина или Матюхина, ничего не спрашивай, только выполняй. И не тревожься: часто беспокоить не будут. Да, вот еще что. У тебя есть бумага?

— Должна быть...

— Доставай.

Курт стал шарить по карманам, вынул солдатскую книжку, письма, бумажник... Достал листок чистой бумаги, самописку и вопросительно посмотрел на Андрея.

— Пиши: «Расписка. Я, Курт-Мария Штильмайер, обязуюсь свято выполнять все приказы и распоряжения советского командования, направленные на благо моей порабощенной родины. И да поможет мне в этом бог!» Подпись.

Штильмайер написал, расписался и протянул бумагу Матюхину. Андрей покачал головой:

— Ты неправильно расписался.

Курт побледнел:

— Я не понимаю.

— Посмотри сам...— Курт долго рассматривал свою подпись, потом едва заметно покраснел и поставил в конце фамилии точку.— Вот теперь все верно,— усмехнулся Андрей.— Кстати, точка в конце подписи, как свидетельствуют графологи, указывает на твердость характера, на умение доводить начатое дело до конца. Верно?

— Возможно.

— Все,— закончил Андрей, пряча расписку в карман.— Можешь идти.

Штильмайер вытянулся, козырнул, но Матюхин протянул ему руку, и Курт с опаской, почтительно пожал ее. Сделав несколько шагов, обернулся. Матюхин уже скрылся за стволом березы. Курт прошел несколько шагов и опять обернулся — он все еще ждал выстрела в спину. Но было тихо. Пели птицы, и поднимающееся солнце ощутимо припекало.

Штильмайер поправил пилотку, вышел на дорогу и с облегчением перекрестился, в душе оправдывая себя, смиряясь с происшедшим и радуясь, что остался жив. Потом подумал, вспомнил о Карле, о семье и решил: «В конце концов, я сделал это не столько ради себя, сколько ради

родины. Если ее мог продать Шикельгруббер¹, то я должен сделать для нее добро».

Он почувствовал себя крепким и умным, выпрямился, осмотрелся. Дорогу перечеркивали следы машин. Курт вспомнил обер-лейтенанта-сапера, все, что с ним произошло, и представил, что произойдет, если русские разведчики будут убиты или, еще хуже, попадутся живыми. У него перехватило дыхание: ведь он теперь связан с ними, связан жизнью и смертью. Он остановился, молитвенно, как истый католик, сложил ладони на груди и склонил сухую, лысеющую голову.

— Господи! — проникновенно произнес он. — Господи! Спаси их и сохрани!

5

Старший по смене виновато ответил:

— Молчат.

Майор Лебедев горестно, уже не играя, а искренне вздохнул и сказал свое обычное «Плохо...»

Полковник тоже вздохнул:

— Надо идти докладывать.

— Хорошо, — кивнул майор, повернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился и сдавленно произнес: — Товарищ полковник... в случае чего... чтобы семья...

— Прекратить! — резко взорвался полковник, и от этого жесткого командирского взрыва майору стало легче. — Получим, что заслужили... Только ведь и мы люди. Разберутся. — Голос полковника сник. — В конце концов, не первый год без страха и упрека... И вообще... не беспокойся.

Командующий, оказывается, уже не спал. У него были начальник «Смерша» и член Военного совета — худощавый генерал-майор, невысокий, в отлично сшитом кителе и мягких сапогах. Когда Лебедев вошел в горницу командующего, он прежде всего отметил неслышные шаги члена Военного совета.

— Засада? — не ожидая доклада, спросил командующий и, словно ему неважно стало держать на венском хилом стуле большое, рыхлеющее тело, оперся о стол кулаками.

— Так точно!

¹ Настоящая фамилия Гитлера, родившегося в Австрии.

— Но ведь время сеанса только что окончилось?

— Разрешите доложить по порядку.

Начальник «Смерша» придвинул к себе папку и устроился поудобнее. Член Военного совета сменил маршрут и шагал теперь за спиной майора. Лебедев точно, коротко, сам удивляясь этой точности и ясности изложения — ему казалось, что мысли у него спутаны, — доложил все, что видел.

— Та-ак. Четвертая потеря, — протянул командующий и, обратившись к контрразведчику, едко отметил: — А вы тут толковали, что проверили все возможное.

Светловолосый, коротко стриженный, с полным круглым лицом и неуловимым взглядом глубоко сидящих глаз полковник каменно молчал.

— Вы, конечно, понимаете, майор, чем все это пахнет? Для вас, меня, всей армии...

— Так точно, — опять не своим, сдавленным голосом ответил Лебедев.

— Вот так... — наливаясь кровью, сердито бросил командующий. — У разведчиков — так точно. У контрразведчиков — так точно. Меня командующий фронтом каждые три часа греет, и я — так точно, а... — Генерал плохо знал немецкий и потому сказал по-польски: — Вшистко в пожонтку¹.

В горнице стало неприятно тихо, и как раз в эту минуту в нее заглянул первый ласковый золотисто-алый луч солнца. Он осветил дорожку-дерюжку у ног майора, потом передвинулся и окреп. Член Военного совета обогнул майора и спросил у него:

— У вас какой пистолет?

— Вальтер.

— Мода? Или бьет лучше?

Командующий и полковник уставились на майора, ожидая ответа на вопрос, вероятно ненужный в этой обстановке, но решающий что-то очень важное, касающееся и майора, и всех, причастных к этой печальной истории.

— Пожалуй, мода.

— После того как увидели свет фар и поняли, что к чему, пистолет вынимали?

Лебедев побледнел. Это увидели все, потому что луч солнца стал ослепительнее. Но все увидели еще и то, что

¹ Все в порядке (польск.).

майор строен и красив. Красив мужественной, не слишком броской красотой. И еще, что он чуть-чуть пижон. Даже не пижон, а отличается тем особым шиком, который приобретают кадровые офицеры, служащие в крупных штабах. Все на нем сидело как влитое, в то же время так свободно, что не мешало движению его худощавого сильного тела. Даже фуражка, надетая самую малость набекрень, и та казалась особенно красивой, ни на какую другую фуражку не похожей.

— Была... мысль, — выдохнул Лебедев.

— Ну что ж... Все правильно... — Член Военного совета вздохнул и опять вышел на свой маршрут.

— Товарищ командующий, — не шевелясь произнес контрразведчик, — разрешите задать несколько вопросов майору Лебедеву?

— Вопросы, вопросы... Что в них толку?! Зюзин погиб — вот что обидно!.. Задавайте.

— Товарищ майор, вы женаты?

— Так точно!

— Детей у вас двое — мальчик и девочка?

— Так точно.

— Семья в эвакуации, в Абакане?

— Так точно.

— Скажите, а связей здесь — я имею в виду интимные связи — вы не заводили?

— Никак нет.

— Верю. Но, может быть, вы все-таки знаете Евдокию Петровну Рожкову?

Майор покачал головой:

— Никак нет.

— А телефонистку на армейском тыловом обменном пункте?

— А разве там есть телефонистки?

— Вам как разведчику это нужно бы знать. Не знаете?

— Никак нет. Виноват.

— Пока что вины не вижу.

Голос полковника — тусклый, ровный — заставлял напрыгаться, и Лебедев не сводил глаз с той папки, которая лежала под рукой полковника. А он, как назло, медленно открыл ее, не торопясь вытащил лист бумаги, проглядел его, да еще и потряс, словно пробуя на вес. Потом протянул Лебедеву и предложил:

— Читайте вслух.

Лебедев шагнул вперед, принял этот листок осторожно, с опаской и в то же время с готовностью, и уже открыл было рот, чтобы произнести первое слово, но запнулся и посмотрел на полковника.

— Читайте, читайте. Это может оказаться и чепухой.

Лебедев пожал плечами и, откашлявшись, начал читать:

— «Приветик, Маша. Дождик прошел?» — «Какой там дождь — попрыскало, и все! А у тебя как? Сказала ему?» — «Ему скажешь! Примчался, машину бросил и убежал. Прибежал, веришь, на нем лица нет. Мне даже страшно стало». — «Наверное, опять неприятности». — «Да, у них служба такая...» — «Так и уехал?» — «Ага». — «И все равно довольно тебе мучиться — он не идет, сама намеки». — «Не знаю, веришь, как увижу, так ноги подкашиваются». — «Вот дура! Неужели рядом других нету?» — «Мало ли других... Слушай, Маша, пришли еще огурчиков. Такие огурчики! И еще, может, капустки». — «Чтой-то тебя, девка, на кисленькое потянуло. Одного любишь, а с другим...» — «Перестань, Машка. Я ж влюбленная». — «Когда ж теперь опять появится?» — «А он как ясный месяц: если у них операция — покажется, а нет — скроется. А я сохну». — «Ох и дура ж ты». — «А ты б на моем месте?» — «Так и я ж, наверное... Присылай своего Ванечку, я у хозяйки и огурцов и капусты выпрошу. А если пришлешь старухе полотенцев — она и на соленые помидорчики раскошелится». — Майор растерянно огляделся и доложил: — Все.

— Знаю. Скажите, майор, как часто вы бывали на армейском обменном пункте?

— Обычно... дважды в день... последнее время.

— Почему?

— Там у нас рации.

— А не в последнее?

— Мы снабжались там. Так что... по потребности.

— Ясно. Где ставили машину?

— За углом школы, в которой размещался штаб.

— К радистам ходили пешком?

— Так точно. И каждый раз старался разными дорогами.

— Но все равно огибая здание школы?

— Так точно. Иначе нельзя.

— У меня все. У вас, товарищ командующий, к майору Лебедеву вопросы есть? Нет? У вас, товарищ генерал?

Нет? Тогда, товарищ майор, я вас попрошу отправиться к моему заместителю и вместе с ним заново проанализировать все операции. Не спеша. Обстоятельно и, я бы сказал, отрешенно. Времени у вас теперь хватит.

Лебедев ушел, а командующий спросил у полковника:

— Думаете, в этой девичьей болтовне и есть разгадка?

— Пока не думаю. Пока только нащупываю. Дело в том, товарищ командующий, что майор ставил машину как раз против здания почты и, следовательно, районного коммутатора. Если учесть, что разговор двух подружек — честно скажу, мы уж куда только не совались со своими подозрениями и контролем — был записан нами минувшим утром, то тут кое-что есть. Именно поэтому я так рано явился к вам. Как вы заметили, без вызова.

— Выходит, эта Дуся или Маша — шпионки?

— Нет, еще ничего не выходит. Пока что ясно, что эта самая Дуся влюбилась в майора и делится об этом с подружкой. Причем, как видите, очень аккуратно, как истая влюбленная, следит за каждым его шагом, за настроением. Если сопоставить все по времени, то...

— В этом есть рациональное зерно, — сказал член Военного совета. — Что собираетесь предпринять?

— Пока будем анализировать провалы, попробуем разработать эту линию.

Командующий помолчал, потом устало махнул рукой:

— Хорошо. В девять — доклад комфронтom. Попробую поспать.

6

Сутоцкий сопел и молчал. Матюхин, казалось, не обращал на него внимания. Как-то незаметно он обогнал напарника и теперь, ловко лавируя между кустарником и стволами деревьев, забирался в глубь леса между странной телефонной линией и той заброшенной дорогой-просекой, по которой проехали немецкие саперы. Его худощавое, острое лицо было озабоченно, губы часто шевелились.

Внезапно он остановился и недобро спросил:

— Ты знаешь, куда мы идем?

— Нет.

— А какого же черта молчишь? Ты что, пешка?

— Ты ж взялся командовать... А я при тебе вроде... персональной охраны.

— Хватит, Николай! Давай договоримся. А то будем злиться друг на друга и провалим дело. Ты знаешь, что нам больше всего нужно?

— А черт его знает, что ты еще выдумал...

— Я сказал — хватит! Нам нужна связь! Понимаешь, связь! И еще — свежие головы. Давай лучше сядем и подумаем.

Они сели, и Сутоцкий спросил:

— Ты думаешь, этот самый Курт не приведет за нами «хвоста»?

— Не должен.

— Почему? Может, объяснишь, о чем ты беседовал с ним, что он тебе писал? Ты действуешь, а я и в самом деле как пешка: в немецком-то я не силен!

— Не злись, Николай! Обскажу, как говорится, все до ниточки.

Андрей передал весь разговор с Куртом и объяснил свое поведение.

— Для тебя, может, все гитлеровцы на одно лицо. А я его увидел, сразу понял: австрияк. Они смуглее и чернее. И наверняка мужик: шея тощая, а руки тяжелые. Мужики и там горбят — будь здоров. Когда прочитал письма, все стало на место. Австрияки, они помягче немцев, чувствительнее. А раз он еще и мужик, то, значит, как всякий мужик, соображать будет туго. Вот я вначале на чувствительность и ударил, пока он не пришел в себя, а потом уж на патриотизм: они ведь не слишком немцев любят.

— Теперь понимаю, но... не верю, что он, очухавшись, не доложит.

— А зачем ему докладывать? Ты одно пойми, мужик, бауэр — хоть немец, хоть австрияк, — он всегда немножко кулак, единоличник. Самому выжить, самому выгоду получить. Я в плену у бауэров работал, психологию их ой-ой как изучил. Он обязательно прикинет: а ему оттого, что он доложит, что будет? И сразу поймет: ничего хорошего не будет. Только плохое. В плен он все-таки попал? Попал! Расписку дал? Дал. Любой следовательно, любой офицер прежде всего начнет допытываться: а что он такое сказал, что его отпустили подобру-поздорову? За признание ему сразу виселица. Не-ет, даже если б он и не австрияком был, и то промолчал бы. А он австрияк.

Он еще немножечко будет гордиться тем, что насолил швабам — так они настоящих немцев-пруссиков называют. А в плен придет — милости просим.

— А если не придет? Если против нас воевать будет?

— Слушай, Коля, скажи по совести: тебе радостно было бы его кончать? Стрелять же нельзя... — Сутоцкий смущенно хмыкнул. — Вот то-то и оно. Неприятно... Давай подумаем о худшем: этот Курт — дурак, доложил, за нами погоня. Что делать?

— Нужна связь.

— А ее нет! И еще. Раз саперы пошли по колонному пути, значит, скоро начнут выдвигаться войска, значит, близко ихнее наступление. Так я понимаю?

— Так. Почему все же ты уверен, что Курт сказал правду? Может, он врал.

— Нет. Он говорил правду. Он не отвечал на мои вопросы, а подтверждал или отрицал их. Такой, как он, быстро ложь не придумает. Правду говорил. А свидетельство тому — саперы.

— Какие предложения насчет связи?

— Погоди. Как ни говори, а проверять Курта нам еще придется. Карты у нас нет, а нам нужно точное расположение новых частей. Поэтому давай определим такой порядок. Сегодня день, до вечера, ведем подслушивание на всех линиях, что попадутся. Одновременно ищем связь. Если подвернется «язык» — берем и потрошим. Кстати, не исключено, что легковые машины, особенно специальные, вроде того тягача, могут иметь радиостанции. Если все удастся, вечером ты уйдешь к своим, а я останусь.

— Опять ты один решаешь!

— Возражай.

— Почему идти должен я и почему в одиночку?

— Нельзя рисковать. Если не пройдешь ты, завтра двинусь я. Почему лучше остаться мне? Я знаю язык. Еще одно: сигнал, что ты вышел к своим, — три красные ракеты в сторону... Нет, вспугивать не годится.

— Кого вспугивать?

— Я хотел сказать, в сторону поймы. Наоборот, на юг, в сторону Радова. Через каждые полчаса. Откуда-нибудь с дерева эти сигналы можно будет заметить.

— Ты говоришь так, словно я уже ухожу.

— Не злись, Николай. Мы сейчас не принадлежим себе. Если по каким-либо причинам первым придется идти

мне, то сигналы у нас с тобой уже отработаны. Замечания есть?

Сутоцкий помялся, улыбнулся и буркнул:

— Жрать хочется.

— Точно! Что там будет впереди — посмотрим, а паек нужно срубить, пока он есть. А потом... Мало ли что будет потом!

Они поели, ополовинили фляжки, закурили.

Сутоцкий перевернулся на живот и задумчиво спросил:

— Послушай, Андрей, а что это за линия такая? На столбах.

— Вот и я думаю. Заметь, немецкий сапер возмущался, что ее нельзя трогать, Курт осматривал... А я, дурак, у него не спросил.

— Если она постоянная, так, может, главные передачи или там переговоры немцы как раз по ней и шпарят?

— Не знаю... Она ж, по-моему, пересекает линию фронта.

— Ну и что? У поймы она, конечно, оборвана — какой дурак ее оставит?! Тем более немцы! Они насчет разрушения народ аккуратный и, отходя, наверняка оборвали провод. А вот дальше они могут подсоединить к ней свои НП, и никакому разведчику невдомек будет, что по старой линии ведутся переговоры. А новых нет. Полная маскировка. По-моему, они поэтому ее так берегут.

— Резонно. Давай начнем прослушивание с нее.

Матюхин открыл телефонный аппарат и нашел в нем запасные мотки кабеля, изоляционную ленту и даже пассатижи.

— Хороший солдат Курт. Службу знает.

Они вышли к просеке, по которой шла линия на столбах, огляделись. Матюхин, срезав длинные ветки орешника, приладил на них кабель и пополз к столбу. Накинув на провода с помощью орешин крючки, он подключил отводы к аппарату и принял к трубке. Послушал озабоченно, довольно ухмыльнулся и передал трубку Сутоцкому.

Где-то вдалеке играло радио. Тихо, иногда прерывисто, как это бывает в районных центрах, где радиотрансляционные и телефонные линии пересекаются неизвестными путями и в телефонных трубках всегда слышится радиопередача.

— Надо же! — усмехнулся Сутоцкий. — Культурно

живут! Ну давай слушай, а я постерегу, поброжу вокруг, может, еще где линия есть.

Он отполз к опушке и скрылся в зарослях. Матюхин лежал, слушал и все больше недоумевал: по немецкой линии, кажется, звучала русская музыка.

7

Майор Лебедев сидел в избе заместителя начальника «Смерша» подполковника Каширина, слушал его рассуждения и не понимал: бессонная ночь, неудачи, мысли о семье — все перемешалось, спуталось, от этого ломило в висках.

Каширин — черноволосый, смуглый, худощавый, с пронзительно-черными глазами — несколько раз удивленно поглядывал на Лебедева и наконец понял, что майор не слишком внимательный собеседник. Каширин недовольно кашлянул, встал и вышел на кухню. Вернулся с начатой бутылкой коньяка, луковицей и солью. Молча налил треть стакана, молча, морщась и смахивая слезу, очистил луковицу, придвинул все к майору и предложил, как приказал:

— Выпейте. Иногда это помогает. — Лебедев рассеянно взглянул на коньяк и отрицательно покачал головой. — Перестаньте! Коньяк расширит сосуды, а лук, как говорят старики, прочистит мозги. Работать-то надо! И мне и вам.

Он был прав, этот, словно обугленный, подполковник. Лебедев выпил коньяк и, макая едкий, злой лук в крупную желтую соль, долго хрустел необычной закуской. Подполковник с интересом наблюдал за ним — слез у Лебедева не выступило. Тогда и подполковник отделил дольку и стал жевать:

— Деликатес... А чеснок, между прочим, не видел уже полгода.

— Да... — рассеянно кивнул Лебедев. — Последний раз чеснок приносил Зюзин.

— Немцы молодцы: и лук и чеснок завозят сверх всяких норм. Полегчало?

— Как будто, — улыбнулся Лебедев. Он действительно оживился. — Знаете, что меня сейчас волнует?

— Примерно представляю, в деталях — нет.

— Странная закономерность. Первая группа попала в засаду на зюзинском маршруте и, по моим сведениям, ве-

ла бой не менее получаса. Вторая, бóльшая по составу на пять человек — в ней был почти взвод, — продержалась почти два часа. Третья, которая дала знать, что попала в засаду, примерно столько же. Четвертая была встречена иначе — с фарами — и продержалась недолго. Вам не кажется, что первая группа попала случайно? А последующие и в самом деле угождали в засады.

— Кажется, — спокойно ответил Каширин. — Вы видели сегодняшнюю сводку ночных наблюдений?

— Нет еще...

— Жаль... Я проанализировал записи наблюдателей на всех участках во время выхода второй, третьей и четвертой групп. И вот вам еще одна закономерность: на всех пригодных для перехода участках передовой, точнее, за ними наблюдатели отмечали шум машин. Мне уже вчера казалось, что противник знает, что пойдет разведка. Но не знал точно, где именно и когда. Поэтому заранее выставлял засады на всех возможных маршрутах.

— Это подтверждает, что шпион или шпионы не знали точного маршрута и времени выхода группы.

— Похоже... Но поскольку это говорю я, а нам выгодно такое поведение противника, это соображение сомнительно. Вы не сообщили нам о группе Зюзина, но я организовал проверку легенды. И вот что получилось: шум моторов был слышен и на зюзинском маршруте, и на маршруте третьей группы. Мало того, шум наблюдался не только сегодняшней ночью, но и прошлой. Похоже, что противник ждал Зюзина в двух местах двое суток.

Лебедев прищурился и взгляделся в карту. Коньяк растекся по жилам, взбодрил, и майор обрел привычную способность мыслить остро и стремительно.

— А на маршруте второй группы шум моторов не обнаруживался?

— Нет. И я думаю, вот почему: он проходил как раз посередине. Моторизованные группы противника в случае нужды могли немедленно перекрыть второй маршрут хоть справа, хоть слева.

— Логично.

— И еще. Вторая группа была самая мощная. Противник имел возможность считать, что мы будем наращивать состав разведывательных групп, поэтому третью и четвертую встречал усиленными моторизованными отрядами. Учтем, что перед нами до сих пор стояли обычные пехотные дивизии, а для создания моторизованных

подвижных отрядов необходимо немалое количество колесных боевых машин. Или хотя бы транспортных. Вы — разведчик. Как, по-вашему, смог бы противник сделать это?

— В принципе, конечно, да. Но это означало бы, что он вынужден был снять, например, арттягачи и транспортные машины с разных участков, сосредоточить их в одном месте и все время держать в состоянии готовности. По крайней мере с вечера. Это означает и другое: боевые части хоть на время, но рисковали остаться без транспорта. Не думаю, чтобы осторожные командиры немецких дивизий пошли на это, они, как правило, свято берегут неприкосновенность своих частей и не терпят передачи боевой техники в чужие руки. А без этого нельзя собрать единой подвижной группы. Да не одной, а по крайней мере двух!

— Вот-вот! Я тоже тут считал и пересчитывал. В принципе, конечно, возможно. Машин у них много. Хотя именно вот это обстоятельство — гонор старших офицеров, помноженный на вполне законную тревогу за боеготовность своих частей, — мне кажется, не столько исключает, сколько затрудняет решение такой задачи. Поэтому хоть и осторожно, но можно предположить, что в зоне неудачных действий нашей разведки и в самом деле появились новые части. Скорее всего, моторизованные или танковые.

— Добавим еще манеру действия: одновременное включение фар десятков машин — прием, доступный только там, где противник не рассчитывает на сопротивление мощной артиллерии. Насколько мне известно, так немцы действовали во Франции, в Югославии...

— У нас на это рассчитывать они не могли. Артиллерии у нас достаточно, — прищурился Каширин.

— В принципе да... Но ведь группы, попавшие в моторизованную засаду, артиллерией не поддерживались. Мы ведь не хотели привлекать внимания. Поэтому, осмыслив нашу тактику, с группой Зюзина противник поступил смелее — включил фары. И еще мне кажется...

— Ну? — подался вперед полковник. — Может быть, наши мысли совпадут. Мне тоже начинает казаться...

— Мне кажется, что на маршруте Зюзина они ждали более мощную группу.

— Верно! Слишком уж много машин и прочесывающего огня. Других догадок нет?

— Нужно подумать...

— Выскажу свою. Мы, контрразведчики, естественно, изучаем тактику гестапо, СД, абвера — наших главных противников. Они занимаются разведкой против нас и карательными операциями. И мне кажется, что вот эта тактика — ослепление противника на маршруте — является тактикой карательных частей. Тех, кто воевал против партизан. Причем наверняка в сильно пересеченной местности: горной, горно-лесистой или что-либо в этом роде. Видите, мы опять подходим к мысли, что действовали свежие части, незнакомые с местными условиями, но имеющие опыт карательных действий. Причем довольно крупных. Где могли быть такие действия? У нас — в Карпатах, еще в Югославии, частично во Франции. Я убежден, что старые, так сказать, местные части противника, такую тактику применить не могли. Она им чужда. У них не родилось бы и мысли включать фары. А эти работали точно. Привычно точно! По схеме: предатель сообщил примерный маршрут, выставили засаду, твердо веря в свою безнаказанность, и по всем правилам карательной науки расстреляли разведчиков, как расстреливали партизан, прочесали лес и удалились — других сведений нет, тактика противника известна. Сделали дело — можно отдыхать.

— Что ж... — усмехнулся Лебедев, — картина впечатляющая и позволяет сделать по крайней мере три вывода. Первый. Существует некий, не слишком осведомленный, но удивительно оперативный шпион. Он следит за нами, наших замыслов в точности не знает, но ухитряется их разгадывать. Хотя бы потому, что наша тактика, надо признать, оказалась шаблонной. Все четыре поисковые группы отправлялись в спешке и примерно на один манер.

— Согласен.

— Вывод второй. Перед нами появились свежие танковые или моторизованные части противника, прошедшие школу карательных операций. Предположительно из Франции или Югославии. Это мы, кстати, проверим и через штаб фронта и через Москву.

— Да. И поскорее. Если это подтвердится, гибель разведчиков в какой-то мере окупится.

— Наконец, третий вывод. Провал первой группы — случайность. Но по каким-то признакам умный немецкий офицер, разведчик или контрразведчик, нащупал в этой

случайности закономерность. Мне кажется, что прибывший этого сделать не мог. Работает тот, кто постоянно следит за нами и кто, с одной стороны, свыкся с нашей тактикой, а с другой — нащупал ее слабые стороны. Значит, между прибывшими частями и давно стоящими здесь установлен прочный контакт.

— Не улавливаю причин.

— Весь район поймы в течение всей минувшей гнилой зимы и весенней распутицы для серьезных боевых действий был практически непригоден. Противник отвел оттуда основные войска. Может быть, на отдых, может быть, в резерв, чтобы в случае нужды вновь занять позиции вдоль поймы. Поздняя весна и начало лета были сухими. Пойма обезвожена. Мне даже кажется, что она выдержит танки, а при незначительной инженерной подготовке — саперы без труда наведут переправы — и колесные машины. Значит, пойма на данном этапе является идеальным местом для внезапного удара — как нашего, так и противника. И я не удивлюсь, если прибывшие танковые или моторизованные части нацелены именно на нее. Они, вероятно, стоят на расстоянии короткого броска-перехода от поймы и ждут своего часа. В этих условиях высылка моторизованных отрядов-засад является прекрасной тренировкой для войск, прибывших на новый театр военных действий, и освоения колонных путей движения на рубеж атаки в ночных условиях.

— Правильно, — согласился подполковник. — В выводах мы сошлись. Что будем делать?

— Вы, видимо, искать осведомителя. Мы — немедленно сообщим и перепроверим свои догадки. Мне кажется, что и командующий фронтом и наш командующий потому так настойчиво высылают разведку, что опасаются именно этого варианта.

— Опять все правильно. Поэтому очень прошу: отвлекитесь от своих прямых дел и подумайте за нас, грешных. Осведомитель, шпион, все-таки существует. Оглянитесь свежим взглядом, проанализируйте. Ведь все мы в нашей жесткой обороне несколько успокоились. И вот результат: противник нас обошел. Дело-то в конечном счете одно делаем.

Майор не успел согласиться, потому что зазуммерил телефон. Каширин взял трубку привычным, даже несколько ленивым жестом, но сейчас же подтянулся и коротко бросил:

— Есть! — Он встал, одернул китель и повернулся к Лебедеву: — Обоих немедленно к командующему.

8

Матюхин слушал немецкую линию и продолжал удивляться: она молчала. Кроме далекого радио, ни одного слова — ни немецкого, ни русского. И вдруг в трубке что-то звонко щелкнуло и девичий голос — тоже звонко и весело — прокричал:

— Нина, передай Маше, что Дуся благодарит за огурцы!

— Передам. Что у вас?

— Тишина. Дуся говорила, что пойдет к старшине и достанет полотенцев для вашей бабки.

— Женья, ты там возле разведчиков крутишься, достала бы у них немецкую самописку.

— Ладно. Звони! Двадцать второй! — Голос телефонистки вдруг стал вредным и злым. — Что вы шумите? Сейчас дам вам Семнадцатого.

В трубке опять щелкнуло, и Матюхин сразу понял все. Так вот почему противник мог знать о проходе поисковых групп! Постоянная гражданская телефонная линия, оказывается, не была разрушена. Она действовала! И действовала в обе стороны! Видимо, немцы, когда отходили — да что там отходили, они же здесь драпали! — забыли или не захотели разрушить ее или хотя бы оборвать. Обычно они такими линиями не пользовались, у них своя, военная связь. Наши, когда заняли село, восстановили коммутатор, а дальше, видимо, не проверили. Зачем? Линия идет через болото, к немцам... Кому в голову придет звонить противнику? А фашисты, когда начали прикрывать пойму, а может, и раньше заметили, что идущая через их оборону линия действует. Вот и решили подслушивать. Правда, действовать линия могла только при определенном переключении на коммутаторе. Конечно, эти переключения учтены противником, и там, в Радове, на таком же коммутаторе сидят телефонисты и аккуратно записывают вот такие, пусть отрывочные, поначалу кажущиеся непонятными переговоры телефонисток. Многого они, понятно, услышать не могли — разговоры велись в основном тыловые: в армии ведь специальные линии, — да и подслушивать они могли только тогда, когда телефонистки выходили напрямую, что бывает редко. И все-

таки кое-какие сведения они, видимо, получили. На столе у опытного, обладающего аналитическим умом разведчика эти отрывочные, беспорядочные разговоры телефонисток, сопоставленные с другими данными, постепенно превратились в точные сведения...

Матюхин был уверен, что именно так, из безобидной девичьей болтовни телефонисток двух разных коммутаторов, немцы узнавали о предстоящих выходах советских разведчиков и принимали свои меры.

На мгновение ему захотелось взвыть от жестокой обиды. Подумать только, из-за того, что какой-то олух не проверил, отключена ли уходящая к противнику линия — а отключить-то ее пара пустяков, — оттого, что не ведающие об этом девчонки-телефонистки в свободную от нудной службы минуту делятся между собой местными новостями и тем скрашивают свою в общем-то суровую жизнь, погибли люди. И какие люди! Ведь для всех групп выбирали самых лучших разведчиков.

Матюхин подозвал Сутоцкого и рассказал ему о своих подозрениях. Сутоцкий взвился, стал ругаться, обещая, если вернется, покалечить и беспечных связистов и болтливых телефонисток. Слушая его, Матюхин понимал товарища, потому что сам был настроен так же. Но Сутоцкий вдруг умолк на полуслове и растерянно произнес:

— Так ведь это же связь!

— Не понимаю...

— А что же тут понимать? Раз немцы слушают наших, то и мы отсюда сможем поговорить...

— Подожди, Коля... Дай отдышаться... Однако если я передам туда, то... то ведь и немцы услышат?!

— Да зачем им слушать?! Отключим на время линию на них — и все дела!

Матюхин некоторое время недоуменно смотрел на Сутоцкого, потом понял его и облегченно рассмеялся:

— Принято! Давай быстренько составлять телефонограмму.

Обсуждая каждое слово, они составили донесение, и Сутоцкий предложил:

— Делаем так: я залезаю на столб, делаю раскрутку стыка. Как только ты услышишь голос этой... девчонки — даешь мне сигнал. Я отключаю линию на них, и ты передашь. Потом опять соединяем...

Прошло не менее получаса, прежде чем неизвестные разведчикам Нина и Женя снова соединились. Матюхин

махнул рукой, и Сутоцкий разъединил провода, идущие на Радово.

— Девочки, — взмолился Матюхин. — Дело крайней важности. Может, и ваша жизнь от этого зависит.

— Кто говорит? — заволновались девчонки.

— Разведчики Лебедева. Если вы комсомолки и патриотки, немедленно запишите, что я продиктую, и передайте начальству. Оно знает, что нужно предпринять. — Телефонистки растерянно молчали. — Девочки, миленькие, родненькие, время не ждет. Ради нашей победы записывайте! — умолял Матюхин, опасаясь, что так неожиданно найденная связь из-за девичьей трусости или несообразительности прервется.

Но телефонистки поняли: если так просят, значит, дело серьезное. По женской логике они, конечно, прикинули, что им будет, если они поддадутся на провокацию, но в то же время решили, что ничего им не будет: слушают и записывают двое.

Почти в один голос они сказали:

— Диктуйте, записываем.

Матюхин продиктовал донесение и добавил:

— Если выберемся, с нас трофеи. Привет Дусе.

Он махнул рукой, и Сутоцкий быстро сделал скрутку на телефонных проводах. Спустившись, он сказал:

— Знаешь, а нам нужно рвать отсюда. Все-таки при разъединении и соединении наверняка были щелчки и шумы. А главное, прекратились радиопередачи. Это может насторожить противника.

— Так или иначе смываться придется: нужно пощупать немцев еще где-нибудь.

Они подхватили телефонный аппарат и пошли в глубь леса, наискосок от Радова, как раз в том направлении, где, как показал Курт, стояли мотострелки, прибывшие из Франции.

В избе командующего армией толпились офицеры, которых ни Лебедев, ни Каширин не знали, — летчики, связисты, танкисты. Они равнодушно посмотрели на майора и подполковника, без особого почтения пропустили их в горницу.

В горнице кроме командующего находились начальник штаба и член Военного совета, начальники «Смерша»,

разведотдела, тыла и связи, командующий воздушной армией, с которой постоянно взаимодействовала общевойсковая армия. Прибывшие доложили о себе и вытянулись у порога. Командующий строго спросил:

— Что придумали?

Каширин незаметно толкнул локтем Лебедева, и майор коротко доложил об их общих выводах. Командующий молча кивнул начальнику штаба, тот протянул Лебедеву бумагу:

— Читайте оба.

Каширин наклонился к плечу Лебедева. Зазуммерил телефон. Авиационный генерал рывком снял трубку:

— Да-да! Я же приказал: немедленно, и всех.

«Товарищ майор Лебедев,— читали Лебедев и Каширин. — Задание выполняется. Северо-восточнее Радова, в лесах, танковая дивизия (бригада) эсэсовцев. Прибыла с юга — крепко загорелые. Юго-западнее Радова — мотострелковая дивизия, прибыла из Франции — меняют французский коньяк, — возможно седьмая. Постоянные жители получили отдельный самоходный полк, откуда — не знаем. Поддерживающие их танкисты получили пополнение техникой. Сегодня саперы проводили рекогносцировку колонных путей в направлении поймы — маршрут Зюзина. Может быть, выйдем разными средствами на связь ночью. Матюхин, Сутоцкий».

Когда Лебедев вернул бумагу начальнику штаба, командующий спросил:

— Вы верите этому сообщению?

— Оно совпадает с нашими умозрительными выводами. Но... В такую удачу трудно поверить.

— Каким образом двое солдат, причем уцелевших от явного разгрома и избежавших отлично организованной засады, могли получить эти сведения? И могли ли вообще?

— Удача не исключается. — Лебедев пожал плечами и попросил обратно донесение. — Но выводы... выводы зрелые. Разрешите посмотреть карту? — Он подошел к столу командующего и прикинул расстояние до Радова, расположение дорог и просек, все, что знал о противнике, и решил: — Полагаю, что, если им повезло, они могли получить эти сведения.

— От кого? Кто именно?

— Скорее всего, Матюхин.

— Тот, что бежал из плена?

— Да. Знает язык, нравы и обычаи. Второй — боксер. Вполне вероятно, что, избежав засады, взяли «языка».

— Какой «язык» может дать такие, подчеркиваю, такие сведения? — вдруг рассердился командующий. — Генерала они взяли, что ли? И дислокация им известна, и откуда прибыли... Недоставало еще, чтобы сообщили численность личного состава и привычки командиров!

Лебедев опять задумался, но ответил твердо:

— Полагаю, они взяли в плен шофера или тылового унтер-офицера, а скорее всего, связиста.

— Обоснуйте.

— Человек, который более или менее свободно передвигается в тылу, должен обратить внимание на появление эсэсовцев — у них приметная форма, а если они загорелые, то все ясно. Обмен коньяка — солдатский телеграф. Саперов они могли видеть сами — ведь те двигались по колонному пути, по просеке, и, значит, могли наскочить на разведчиков. Прибытие пополнения показывает, что «язык» у разведчиков из старой дивизии. Полагаю, что это связист.

— Почему вы не спрашиваете, каким образом донесение появилось у меня на столе?

— Полагаю, вы сообщите об этом. Впрочем, в группе Зюзина было две радиисты. Учитывая строптивый характер лейтенанта, могу предположить, что по выходе в тыл он разделил свою группу на подгруппы. Эти избежали засады и теперь вышли на связь. Хотя... Хотя скрупулезность Матюхина заставила бы его упомянуть имя радииста... Да... радииста не было. Радиист, видимо, погиб, иначе Матюхин не доносил бы: может быть, выйдем на связь.

Лебедев еще продолжал размышлять вслух, до предела напрягая мозг, когда у него мелькнула мысль, совершенно независимая от всего, чем он жил и о чем думал, мысль, что от него, вероятно, пахнет луком. Он мгновенно покраснел, точно так, как несколькими часами раньше бледнел, стоя на этом самом месте.

Член Военного совета, который сидел в углу, у окна, и наблюдал за всем, что происходило в горнице, встал и по привычке начал ходить — легко и неслышно. Командующий с неприязнью посмотрел на него и вдруг подобрался, выпятил грудь и из стареющего, уже рыхловатого генерала превратился в того лихого рубаку-конника, стройного и вместе с тем тяжелого, каким был полтора десятка лет назад.

— Ясно! — властно и зычно произнес он и совсем забыл, что собирался поймать Лебедева на просчете в определении вида связи, с помощью которой разведчики передали донесение.

Сейчас для командующего все это стало прошлым и неважным. Он увидел большее, поверил в него и стал самим собой, то есть человеком, который умеет отбрасывать мелочи, умеет видеть главное и ради этого главного ломать все и всех.

Он резко, почти грубо выхватил из рук Лебедева бумагу с текстом донесения, почти швырнул ее перед начальником штаба.

— Пишите! Вместо «товарищ майор Лебедев» — «получено донесение». В конце, после слова «поймы», сделайте приписку: «Данные подтверждаются анализом ранее полученных сведений. Выдвигаю к пойме танковый и противотанковый резервы, прошу немедленно согласовать возможность массированного ночного авиационного удара по районам дислокации резервов противника». Моя подпись. Зашифруйте и — лично командующему фронтом. Вызовите танкистов. — Подумал и добавил: — И артиллеристов.

В горницу вошли вызванные офицеры. Они увидели, как недвижимо в центре стояли майор и подполковник, как мягко, размеренно кружил за их спинами маленький стройный генерал, и чутьем поняли: дело в этих двух — подполковнике и майоре, опасно, но с уважением покосились на них и стали несколько в стороне.

— Голошубенко! — обратился командующий к танкисту. — Немедленно выдвигай все танки и артиллерию вот на этот рубеж! — Командующий показал на карте. — Двигаться только лесом. Пехоту и спецчасти подтянешь позже. Азарян! Создать противотанковую оборону. Двигаться так же. Позиции занять в сумерках. Идите договаривайтесь.

Командующий, видимо, готовился отдать еще какие-то распоряжения, но его перебил член Военного совета:

— Послушайте, Лебедев, у меня для вас задание самого деликатного свойства.

— Слушаю, товарищ генерал!

— Вам следует немедленно, подчеркиваю, немедленно поехать на обменный пункт, поставить свою машину там, где вы ее обычно ставили, сбегать так, как вы обычно бежали, к своим радистам, потом вернуться и по возмож-

ности нежно объясниться ну если не в любви, то во всяком случае в определенной приязни телефонистке Дусе. Она будет дежурить. Сделайте так, чтобы она поверила. Сказать нужно что-либо такое: давно собирался с вами поговорить, но все недосуг. Теперь пришло время. Сейчас лично — понимаете, лично?! — уйду на задание и, если вернусь, надеюсь... А если не вернусь, не поминайте лихом! Вот в таком плане... Подчеркиваю, все на полном серьезе...

— Иван Харитонович, — побагровел командующий, — ты что это расшутился не вовремя?

— Вовремя, Николай Петрович, вовремя. Так вот, майор Лебедев, это — приказ. Понятно?

— Так точно!

— Действуйте, и — немедленно! Помните, это очень важно. Вам, Каширин, организовать подслушивание.

Майор Лебедев и подполковник Каширин ушли, а член Военного совета сказал командующему:

— Противник тоже думает, Николай Петрович. Подума-ка я проверю, как будут выдвигаться танкисты, а вы тут пораскиньте. Наклеывается вариант.

Несколько секунд командующий смотрел вслед члену Военного совета, потом улыбнулся и спросил у начальника «Смерша»:

— Договорились насчет этой самой Дуси?

— В принципе.

Командующий походил по горнице, остановился возле начштаба, долго смотрел на карту, что-то прикидывал и наконец сказал:

— А что? Вариант и в самом деле наклеывается. Нужно подумать, только быстро.

Начальник штаба, моложавый сдержанный полковник, поднялся и, переглянувшись с начальником разведотдела полковником Петровым, осторожно сообщил:

— Такой вариант мы подготовили. Однако все зависит от резервов. Сами не справимся.

Командующий помрачнел, вопросительно посмотрел на авиационного генерала. Тот улыбнулся — легко и весело.

— Сейчас наши разведчики проутюжат нужные квадраты, проявим пленку и... И если необходимо, подниму всю наличность. Хорошо бы скоординировать действия с артиллерией.

— Особенно с РГК. Он безмолвствует, а при маневре траекториями мог бы перекрыть большие площади...

Когда вот так, не называя варианта, не уточняя его деталей, о нем думают несколько старших офицеров и генералов, когда сама идея варианта, как говорится, витает в воздухе, не задуматься нельзя. И командующий задумался.

Конечно, окончательное решение, как всегда, останется за ним. Только он отдаст последний приказ, правда, если его одобрит член Военного совета. И все-таки главный — командующий. Он знал об этом и думал. Думал мучительно и стремительно, взвешивая и прикидывая все, что знал только он и чего не знали и не могли знать, не могли угадывать все, кто собрался в этот час в его горнице.

Все ждали решения, уже понимая, что член Военного совета не случайно уехал в войска — не хотел сковывать инициативы офицеров, своим присутствием влиять на ход мыслей и решение командарма.

Все это, не писанное, не закрепленное в уставах и директивах, все-таки было той частью сути армейской жизни, не считаться с которой не мог даже командарм. И он ходил по горнице и думал о том, что скажет ему командующий фронтом, как подготовлены к выполнению этого, еще не высказанного варианта боевых действий вверенные ему дивизии, приданные и поддерживающие части, как обеспечены они боеприпасами и горючим; что предпримет противник, если он примет этот внезапно и дерзко вырисовывающийся вариант.

— Хорошо... — наконец произнес он. — Хорошо! Все намеченные мероприятия проводить неукоснительно. И в то же время давайте этот самый вариант. Срочно! Два часа хватит?

— В основном... — уклончиво ответил начальник штаба.

— Разведчики, выкладывайтесь. Еще раз проанализируйте положение на нашем участке, свяжитесь с фронтом и с Москвой. Не исключено, мы рискуем.

Никто так и не сказал, в чем заключается возможный вариант, никто не проронил ни одного лишнего слова, но все — многоопытные кадровые военные — в той или иной степени представили его и почти автоматически, молча подсчитывали свои возможности, прикидывали заявки и даже неизбежные потери.

Незримая, трудная, творческая штабная работа продолжалась...

Парило. Лес стоял разомлевший и пахучий. Надсадно звенели комары, с тяжелым рабочим гулом проносились шмели. Птицы притихли — время шло к полудню.

Разведчики выбрали островок густого ельника, забрались под опущенные до земли ветви и там на мягкой и нежно-колкой подстилке из опавших хвоинок прилегли и закурили.

— Хоть бы карта была! — сетовал Матюхин. — Как тут сориентируешься?

Сутоцкий постепенно освобождался от психологического шока первой неудачи, от неприязни к Матюхину, который так смело взял инициативу в свои руки, и становился самым собой — ловким, быстро и точно соображающим спортсменом. Именно за эти качества Зюзин в свое время взял его в разведзвод.

— Майор тренировал нас и по карте и на местности. Придется вспоминать и хотя бы вчерне нарисовать карту.

— Надо... — кивнул Матюхин, отмахиваясь от неподвижно висящего, как в непроветриваемой комнате, дыма. — У меня, как только понял, откуда немцы узнавали о нас, прямо-таки оборвалось что-то.

— Происшедшего теперь не вернешь. Давай займемся делом.

Похоже, Сутоцкий пытается перехватить инициативу, но это не волновало Матюхина.

Сутоцкий расчистил от хвоинок землю и концом ножа стал рисовать карту-схему местности.

— Значит, примем за основу Радово. Оно вот тут. Теперь пойма, передний край, просека, дорога... А дальше давай вспоминать вместе...

Матюхин молчал. Он смотрел на клубы табачного дыма и о чем-то сосредоточенно думал. Потом вдруг встал, пролез под ветвями, прошел до полянки. Ветер стих — послушавленный палец почти не улавливал движения воздуха. Когда он вернулся, вид у него был довольный, словно он нашел что-то очень важное и нужное.

— Я так рассуждаю, — сказал он, — резервы наверняка станут возле воды. Такую махину напоить, обед сварить, баню организовать, постирушки, то да се — воды очень много нужно. Конечно, можно возить, так это значит дорогу накатать и показать лишние машины. Да горючего сколько потребуется. А его у швабов и так не

густо. Значит, новеньких нужно искать возле речек или ручейков... Так что там было на майорской и лейтенантской картах?..

Они добросовестно вспоминали, прочерчивая линии просек, речушек и дорог, прикидывая, где немцам лучше всего расположить резервы. И когда карта-схема, пусть грубая, пусть неточная, все-таки была воссоздана, Матюхин вздохнул:

— Теперь предстоит проверить то, что мы надумали.

— Факт. Перекурим и полезем дальше.

Матюхин не ответил. Внезапно, кажется, почти над самыми их головами родился раскатистый гул самолетного мотора. Машина промчалась и скрылась, на мгновение блеснув в просветах между еловыми ветвями синеглубым брюхом.

— Донесение получено, — улыбнулся Матюхин. — Пошли разведчики.

— Почему думаешь, разведчики?

— Штурмовик. Один мотор, а мощный. И без свиста, как у истребителей. А штурмовики в бой в одиночку не ходят. Значит, разведчик.

Они прислушались. Далеко вправо прогудел еще один самолет, и гул его мотора смолк как раз в той стороне, где, как предполагали разведчики, расположились эсэсовцы.

— Пожалуй, да, — согласился Сутоцкий, — разведчики.

— Сейчас утюжить начнут. — Матюхин приумолк, словно прислушиваясь к самому себе, и спросил: — У тебя в висках стучит?

— Стучит... вроде, — ответил Сутоцкий. — И как-то тяжело дышится...

— Вот-вот точно. И еще заметь: дым вверх не тянет. Он висит, даже чуть прижимается к земле, спускается.

— Ну и что?

— Во-первых, это к дождю, а может, к грозе. А во-вторых, немцы должны своих кормить? Должны. Значит, обязаны кухни растапливать. А куда дым от кухонь уходит?

— Как это... куда? Рассеится!

— Вообще-то да. А сегодня?

— А что сегодня?

— Давление... Понимаешь, изменилось давление. Значит, дым от кухонь будет не рассеиваться, а висеть над самым лесом. Надо немедленно взобраться на деревья и

понаблюдать за дымом. Там, где увидим сизые пятна дыма, там наверняка есть воинские части.

И сразу обоими овладело деятельное нетерпение. Они углубились в лес, разыскивая высокие деревья.

Через несколько километров разведчики наткнулись на старую вырубку, и Сутоцкий сказал:

— Теперь надо искать деревья-семенники.

— Не доходит...

— Ты ж человек южный, степной... Так вот, когда вырубают делянку, то оставляют несколько самых высоких и здоровых деревьев — семенников. Они растут, приносят плоды, и семена рассыпаются по вырубке, прорастают, и опять вырастает лес. И здесь должны быть такие семенники.

И они нашли две огромные, заматерелые бронзовобокые сосны. Сучья у них начинались высоко вверху. Пришлось снять сапоги, из телефонного кабеля сделать пояса-перехватки, как у монтеров, и, царапая о кору отвыкшие в сапогах от живой земли ступни, карабкаться враскоряку, обхватывая толстые стволы и перебрасывая вверх пояса-перехватки.

Лес раскинулся широко и привольно. Он перемежался пологими взгорками-гивками, в нем угадывались дороги и просеки, врубившиеся в чащобу, поля. Слева маячила колокольня Радова, от нее легко было вести отсчеты.

Как и предполагал Матюхин, над верхушками разомлевших от жары деревьев сизо-бурыми пятнами висели призрачные островки дыма, почти сливавшиеся с сизо-зелеными вершинами, и, если бы разведчики не искали эти дымы, они бы не обратили на них внимания. Но они искали их. А когда нашли, то мысленно, по запечатленной в мозгу карте-схеме, привязали их к местности и постепенно разобрались в окружающем.

Дымы растекались вдоль речных долин, которые не так уж трудно было различить: зелень деревьев вдоль рек и речушек была темнее.

Вот так, обнаруживая во впадинках-долинах дымные пятна, разведчики еще примерно, еще весьма приблизительно, но определили, где располагаются резервы.

Они уже собрались слезать со своих наблюдательных пунктов на прогретую землю, пахнущую входящей в сок земляникой, когда над ними вновь промчался штурмовик, и Матюхин, не удержавшись, радостно помахал ему вслед.

На штурмовиках, как известно, в центре фюзеляжа сидел в блестящем колпаке воздушный стрелок. В его обязанности входила охрана самолета с тыла, с хвоста. И смотрел стрелок не вперед, как летчик, а назад. Этот стрелок, молодой и веселый младший сержант, увидел приветственный жест Матюхина. Увидел и вначале не поверил, а потом все-таки поделился сомнениями с пилотом. Тот развернул машину и еще раз прошелся над соседями-семенниками. Теперь Матюхина разглядел и пилот и хотел было скомандовать «Огонь», чтобы срезать фашистского наблюдателя, но вовремя удержался: не будут же гитлеровцы приветствовать советский самолет-разведчик! И летчик, чуть качнув крыльями, ушел на свою сторону.

11

Майор Лебедев, покачиваясь в машине, тщательно продумывал свое поведение. Ему, прямому и мужественному армейскому офицеру, в общем-то претило выполнение такого приказа. И не потому, что он противоречил его отношению к жене, семье: они были далеко и повредить им ничто не могло. Как большинство сильных мужчин, он даже не задумывался, любит жену или нет. Просто она была его частью, и жизни без нее он не представлял. Его смущало другое: и до войны он никогда никому не говорил нежных слов, не умел ухаживать, «оказывать внимание». Учиться этому в войну ему, естественно, не приходилось. Теперь требовалось лгать, подыскивать чуждые ему слова. Майор понимал, что без особой нужды такие приказы не отдаются. Тем более в данном случае. Он знал, что обязан помочь найти истинных виновников гибели нескольких разведгрупп.

И он приехал в село, поставил машину на обычном месте; сходил к радистам, провел с ними почти ритуальный разговор и вернулся к нужному окну.

Оно было приоткрыто, и майор увидел чуть курносый девичий профиль и прядь светлых волос, выбившуюся из-под металлического держателя наушников. Вздохнув и мысленно выругавшись, он подошел к окну и, решительно отворив его настежь, навалился грудью на подоконник.

Телефонистка испуганно отодвинулась, но, узнав Лебедева, покраснела. Лебедев забыл о задании и с глуповатым, неизвестно откуда взявшимся чувством самодовольства — все-таки приятно, когда ты нравишься! —

улыбнулся и вдруг понял, как все это пошло и нехорошо, и от этого тоже покраснел и смутился.

Именно эта мгновенная смена настроений на его красивом, но грубоватом лице заставила Дусю поверить в то, о чем потом говорил Лебедев. А говорил он плохо — сетовал на себя, на приказ, который он выполнил, конечно, в точности, сообщив, что уходит на задание и, если вернется, они должны будут поговорить «как следует».

Выговаривая эти чуждые ему, несправедливые слова, он старался не смотреть на телефонистку и именно поэтому все время коротко взглядывал на нее, все чаще и чаще и все с большей остротой сознавая, что она — хорошенькая, даже не просто хорошенькая, а обаятельная. Вычитанное это слово все время вертелось у него где-то в подсознании, и он все яснее понимал то, что стояло за этим выходящим из употребления словом.

Уже не в силах лгать, почти со страхом ощущая, что эта не известная доселе телефонистка нравится ему не по приказу, а просто потому, что она такая, какая она есть, и еще потому, что он нравится ей, майор окончательно смутился и с новой, доброй и растерянной полуулыбкой мягко сказал на прощание:

— Вот так... Может, увидимся...

Она кивнула, и он, отходя от окна, понимал, что уходить ему не хочется. И пока ехал в штаб, думал о ней, о войне, и все то страшное и, как ему казалось, неизбежное, которое он прочувствовал, когда увидел отсветы гибели группы Зюзина, стало казаться совсем не неизбежным. Он уже поверил, что все обойдется и даже, пожалуй, уже обошлось и что нужно все начинать сначала, потому что война идет, а на войне никогда не бывает без того, чтобы не побили и тебя. И то внутреннее жуткое напряжение, которым он жил эти несколько часов, стало спадать и рассасываться. Оно уступило место подспудной мягкой грусти, тоске о невозможном тихом счастье — пусть недолгом и неверном, но все-таки счастье — и в то же время какой-то новой, просветленной и все укрепляющейся уверенности в себе, рождающей жажду деятельности.

Таким он вернулся в отдел и сразу втянулся в бумажную и телефонную суету — поступали новые данные и донесения. Они требовали анализа, работы с картами, уточнений на местах. И он связывался со штабами дивизий и полков, приданных и поддерживающих сил и

средств, которые имели свои наблюдательные пункты на переднем крае или вблизи него.

Постепенно, как-то даже незаметно проникая в замыслы противника, он так же незаметно и постепенно проникал и в замысел своего командования. Похоже, началась борьба за плацдарм. Тот, кто успеет захватить этот плацдарм, форсировать пойму, тот получит возможность если не развить оперативный успех в глубину, то хотя бы рассечь утончившуюся за зиму оборону противника, а потом и нависнуть над ее флангами. Все это потребует дополнительных усилий от прозевавшего, его резервов и, значит, повлияет на основные, стратегические замыслы.

Во второй половине дня он прилет на застеленную плащ-палаткой деревянную скрипучую кровать. И хотя очень устал, он был уверен, что, полежав, обдумает как следует все, что стало ему известно за последние часы, и выстроит стройную схему... Но он сразу же уснул спокойным, глубоким сном сильного, здорового человека.

Несколько раз его вызывал начальник отдела, но писарь докладывал, что майор отдыхает, и полковник, вздыхая, решал не тревожить.

Проснулся майор только перед вечером, почувствовал себя крепким, собранным и в то же время каким-то новым — умиротворенным и даже ласковым. Это непривычное на войне состояние удивило его, и он весело подумал: с чего бы? Но тотчас же вспомнил курносенький профиль телефонистки, ее большие, почему-то умоляющие глаза, смущенно улыбнулся, потом нахмурился: недоставало еще влюбиться.

Он вскочил, усилием воли заставил себя задуматься о событиях последних часов, насильно втягивая себя в ритм армейской жизни. Это ему почти удалось. И тут зазуммерил телефон. Его вызывали к начальнику отдела.

У полковника Петрова сидел начальник «Смерша». Он молча протянул Лебедеву лист бумаги с записью беседы все тех же Маши и Дуси.

Лебедев сразу понял это. Он вспомнил милое девичье лицо, и ему стало нестерпимо стыдно и грустно, как человеку, который заглянул в чужие тайны. Он покраснел, но, сдерживая дыхание, прочитал запись до конца.

«Машенька, спасибо за огурцы и капусту. Старшина обещал дать пару полотенец. Я перешлю их твоей бабушке». — «А ты что такая грустная? Опять беда?» — «Ой,

Машка, не знаю, что и говорить. Я так и не набралась смелости. Он сам подошел и сказал, что, если вернется с задания, нужно поговорить серьезно». — «Ну так чего же ты ревеешь?! Видишь, как все хорошо складывается». — «А если не вернется? Сколько их не вернулось?» — «А что? Опять в тыл?» — «А куда же еще? У них судьба такая...» — «Ну что ж... Желаю удачи и тебе и ему».

— Вы понимаете, зачем мы проделали эту... не слишком ладную мистификацию? — спросил полковник.

— Догадываюсь.

— Попробуем извлечь выгоду из недосмотра связистов: линию на Радово, как они говорят — кроссировку, они отключили, но на защитной полосе — есть у них, оказывается, такая — износилась изоляция (линия-то старая) и по чистой случайности провод соприкасался с другим. Так сказать, перекидка. Рассуждали наши специалисты еще и насчет индукции... но так или иначе, а в тот час, когда телефонистки говорят между собой напрямую, их слышат и немцы. Разумеется, противник воспользовался этим и, ничего толком не зная, но сопоставляя пустячные разговоры с другими данными — например, маршрут вашей машины, действия наблюдателей и саперов и так далее, — довольно точно разгадывал наши замыслы. А теперь мы продолжим эту игру...

— Скажите... эта... Дуся ничего не знала?

— Нет, конечно! Я понимаю, что вас волнует... Отвечаю: и ничего не узнает. У вас нет вопросов ко мне?

— Нет. Меня волнует... Матюхин. Если он вернется...

— Он должен вернуться! Мы его проверили. Вот данные. Курсант артиллерийского училища, помощник командира взвода, в котором учился и будущий лейтенант Зюзин. Этим и объясняется риск Зюзина: вера в старого товарища. Попал в плен в 1941 году под Красноградом, или, как его еще называли, Конградом. Был ранен во время корректировки огня и выпил, чтобы заглушить боль. Уснул. Сонным его и взяли. Искупил вину кровью в штрафной роте. Следовательно, в будущем по отношению к Матюхину исходите только из его конкретных деловых качеств.

Контрразведчик ушел, а начальник отдела походил по избе и усмехнулся:

— Как видите, гроза миновала и... гроза начинается. Командующий принял решение: внезапно атаковать противника в районе поймы и захватить плацдарм. Упредить

противника. Вы спали, и я не хотел вас беспокоить. Поэтому всю подготовительную работу провели без вас. Группы, предназначенные для заброски в тыл, сосредоточены на переднем крае в районе всех трех маршрутов и соответственно проинструктированы. Уже поступило сообщение, что противник усилил наблюдение за этим районом — появление разведгрупп им, следовательно, засечено.

— Опять бросать на засады?

— Нет. Вернее, не совсем так. Им в помощь должны подойти еще несколько групп из дивизий. Кроме того, подойдет мотопехота из танковой бригады. На подходе еще одна бригада из резерва фронта. Связь наводится. Вам необходимо немедленно выехать на передовую и скоординировать действия всех этих групп.

— Каков общий замысел?

— Пока что следующий: противник, как и прежде, должен выдвинуть мотозасады. Поскольку разведгруппы высланы на исходные старых маршрутов, есть уверенность, что засады развернутся в прежних местах. Туда сейчас нацеливаются артполки — и наши и РКК. Подготовка данных идет только по карте и визуально. Пристрелки не будет: нельзя вспугнуть противника. Одновременно вся авиация воздушной армии и часть фронтовой нанесут удар по районам немецких резервов — фронт и Москва, сопоставив данные, считают, что наши разведчики засекли противника правильно. Это — огромная удача. Но еще вот что важно: как только ваши разведчики выйдут на связь, поставьте им задачу: от линии не отключаться, вести корректировку артиллерийского огня и, если будет возможно, ударов авиации. Подождите, не удивляйтесь. Матюхин — почти готовый офицер. Мыслит он, вероятно, соответственно. Поэтому, я думаю, и корректировка ударов авиации ему будет по плечу. Я убежден, что он уже прикидывает и эту возможность, он поймет, почему летают наши штурмовики и почти не бомбят.

— Но это же поняли и немцы!

— Разумеется. А что они могут предпринять? Менять дислокацию резервов днем? Да еще в условиях, когда им ясно, что они разыскиваются и с воздуха и с земли?! Слишком большой риск. Наоборот. Они затихнут до вечера. А вот вечером, возможно, начнут выдвижение: наша разведка заставит их ускорить развитие операции. Вот почему, я подчеркиваю, все решают время, внезапность

и точность. Я бы еще сказал — и дерзость. — Полковник усмехнулся. — Если бы наш командарм и член Военного совета не были бы в гражданскую кавалеристами, они бы, скорее всего, не приняли этого варианта. В данном случае, и правда, требуются казачья удаль и дерзость.

— А если противник окажется таким же дерзким, получится редкий в этой войне, по крайней мере до сих пор, встречный бой!

— Конечно! И этот бой навяжем мы! А за нами авиация почти всего фронта — немцы вряд ли успеют поднять свою. Они сделают это несколько позже. И артиллерия. Наконец ночью подойдут фронтовые резервы. Таким образом, даже если бой по форсированию поймы будет не слишком удачным для нас, для противника он будет неудачным наверняка: его-то замысел, его ставка на внезапность будут биты. Если бы не это, вряд ли командуя фронтом и Москва дали бы «добро» на столь стремительное проведение такой в общем-то рискованной, молниеносной операции. Сомнения еще остались?

— Пожалуй, нет... Просто... просто неожиданно.

— Для нас неожиданно. Но ведь, в сущности, это и есть современная война: резкое изменение обстановки, маневр и контрманевр наличными силами и средствами. Мы пообжились в обороне, а впереди — наступление. Значит, нужно привыкать к действиям вот в такой, быстро и кардинально меняющейся обстановке, где встречный бой, удары с ходу — явления обычные и даже, я бы сказал, основополагающие. Словом, действуйте, майор. И благодарите Зюзина. Он молодец! Видимо, что-то придумал, что обеспечило выполнение задачи.

Собственно, все, что услышал Лебедев, не было для него новым или необычным. Он чувствовал обстановку, как чувствуют ее настоящие военные люди. Мелкие и мельчайшие намеки, поведение вышестоящих командиров — все создает определенное ощущение, которое постепенно крепнет. Сейчас Лебедеву подтвердили то, что он ощутил и понял сам, набросали план будущего боя, который майор, работая над материалами, как бы продумал сам, и потому все его вопросы и внешние искренние колебания были лишь не вполне осознанным стремлением вывести от начальника как можно больше подробностей, подтверждений собственной правоты, чтобы через них окончательно укрепиться в сознании правильно выполняемого долга, в том, что миновали все беды, которые в минуту отчая-

ния реально и выдуманно нависали над ним в страшную, теперь уже прошедшую ночь.

Лебедев поехал в район поймы, уже не думая о маскировке, хотя многолетняя привычка к этой самой маскировке все-таки заставила его выбрать такой маршрут, на котором противник нечасто видел его машину, и проехать по возможности в таком месте, где ее не сразу накрыло бы артиллерийским налетом. Наблюдатели противника, конечно, засекли уже знакомую им машину, но особых изменений в ее поведении — как и всякие наблюдатели, они одушевляли машину — не заметили. Однако запомнили ее маршрут.

Когда этот маршрут лег на карты соответствующего штаба и работники разведки и контрразведки противника сопоставили его с сотней подобных или противоречивых данных, они не без некоторого колебания — всегда ведь есть вероятность обмана — решили: русские нервничают, стараются любой ценой разведать противлежащую оборону на всю ее глубину.

Вопрос о механизированных засадах был решен, но решен уже не так стандартно, как бывало раньше. Дело в том, что соседи слева сообщили, что на их участках русские тоже усилили воздушную разведку и, по-видимому, готовят разведку боем. Вот почему было решено ускорить события, о чем и сообщили вверх, по инстанции. В ожидании утверждения этого решения приняли кое-какие предварительные меры.

Естественно, на противоположной стороне поймы, в советских штабах, об этом ничего не знали, хотя, может быть, и догадывались: действия войск, особенно крупных группировок, подчинены определенным, родственным всем армиям мира законам.

12

Неожиданно очень захотелось есть, и разведчики, немного стыдясь этого и потому посмеиваясь, доели сухой паек. Несколько ословев от еды, стали клевать носом.

Вероятно, они бы уснули, если бы не странный, слитный шум, похожий на гул отдаленного штормующего моря. Гул шел со стороны Радова и вначале не показался опасным, но его настойчивость и переливчатость заставили прислушаться: похоже, где-то в стороне проходили моторизованные войска.

— Что-то они замышляют, — покачал головой Сутоцкий, — как бы не прозевать.

— Видишь ли, если наши... Впрочем, без «если». Наши, конечно, получили донесение и выслали воздушную разведку. Теперь всполошились фрицы. Так что... Так что нужно еще подумать, что они могут предпринять.

— Я бы на их месте прежде всего дал драпака: авиационная разведка есть авиационная разведка. Хоть в лесу, а что-нибудь да засечет. И если потом наведет бомбардировщиков — будет скучно.

— Значит, считаешь, что они меняют стоянку?

— Как пить дать.

— А если хуже? Если выходят на исходные?

— Рано. Светло.

— Лесом можно пройти незаметно.

— Ладно, допустим, прошли. А как на передок выйдешь незамеченным? Наши наблюдатели тоже ведь сидят не в тенечке.

Прислушиваясь к гулу моторов, почему-то не приближающемуся и не удаляющемуся, они прикинули с десятков вариантов поведения противника и углубились в лес, чтобы выйти к дороге и к линиям связи.

Дорога оказалась пустынной. Когда подключились к шестовой линии связи, то поначалу тоже ничего подозрительного не услышали: кто-то беспокоился о продуктах и бане, возмущался задержкой почты, передавал шифрованное донесение. Потом наступила пауза, и телефонисты перебросились ничего не значащими фразами о погоде и полковых новостях. В пору было отключать аппарат и попытаться захватить еще одного «языка». Но как раз в это время по дороге промчалась длинная, приземистая, словно выгнутая в середине, легковая машина, а за ней, скрипя гравием, — две другие, открытые, с автоматчиками. Машины скрылись за поворотом и, судя по тому, как шоферы поочередно давали «перегазовки», чтобы перейти на низшие передачи, свернули с главной дороги на лесную.

Почти сейчас же чей-то властный, хорошо поставленный начальственный басок вызвал Седьмого и приказал:

— Через два часа закончить все! Понятно?

Ему ответили быстро и несколько подобострастно:

— Будет сделано...

После этого переговоры уплотнились: вызывались машины, уточнялись ориентиры, кто-то что-то требовал не-

медленно выслать и, если не найдется на месте, выписать со склада. Что именно потребовалось, Матюхин не понял. Но уяснил главное: противник ускоряет события. Это его взволновало.

Он, конечно, не знал, что гул моторов всего лишь одна из предварительных мер, которые предприняло командование, пока ожидало утверждения своих действий высшим штабом,— приказало проверить моторы и материальную часть. А поскольку мотострелки стояли в тылу достаточно долго, то к исполнению приказа шоферы отнеслись с присущей немцам точностью, и главное — все вместе.

Не знал Матюхин, что подслушанный им приказ, произнесенный начальственным баском, ускорял свертывание левофланговых, охранявших пойму подразделений и вывод их в резерв. Противник был уверен, что русские не начнут наступление днем или вечером: у войны выработались свои штампы. Наступают или утром, или в крайнем случае в первой половине дня. Бывает ночное наступление, но не вечернее. Поэтому, рассчитывал противник, готовые к выходу части в сумерках успеют занять предназначенные им позиции. Но если решение командования не будет одобрено — все равно вперед выдвинутся засады, которые потом, уничтожив неумных русских, частью сил останутся для охраны поймы.

Матюхин не знал многого, но он воевал, видел противника изнутри, знал его характер, его размеренность, четкость и понимал, что все эти мелкие, сами по себе ничего не значащие распоряжения и факты в совокупности говорят о главном: противник спешит и, если он успеет, нашим войскам придется туго...

Матюхин жестом подозвал лежавшего поодаль Сутоцкого и сказал:

— Понимаешь, похоже, начинается.... Скорее всего, к вечеру.

— Точно или предположение? — как-то слишком строго, почти по-командирски спросил Сутоцкий, и Матюхин усмехнулся:

— Мне генерал не докладывал. Приблизительно кое-что сообщил.

— Ладно. Не до шуток.

— Вот именно. Нужно выходить на линию и попробовать донести о нашей с тобой схеме и о том, что противник готовится.

— К чему?— вдруг рассердился Сутоцкий. — Ты знаешь, к чему он готовится? Вот «языка» бы взять...

— Нет. «Язык» сейчас не нужен.

— А кто же тебе скажет, что делает противник?

— Пойми, то, что будет происходить через час, два или три, может знать только генерал. А взять его в плен нам не удастся: охрана большая. Сам видел, какие проследовали. Солдаты и даже офицеры ничего не знают...

— Откуда же ты знаешь? — злился Сутоцкий.

После первых удач ему поверилось, что все обойдется, и, как истый разведчик, он был убежден, что настоящие сведения может дать только пленный, «язык».

— Понимаешь, учился. Так вот о замыслах командования информируется как можно меньше людей. Больше того. Даже те, кто сейчас поехал к пойме, может быть, не ведают, какая роль отводится им в дальнейшем. И правильно, что не знают.

— Что ж они, по-твоему, тупаки?

— Еще, кажется, Суворов говорил, что, если бы он узнал, что его шляпа знает о его планах, он бы ее немедленно сжег.

— Шляпа, шляпа... У Суворова и... шляпа. Ты хоть думай, о чем говоришь?

— Знаешь, Сутоцкий, демократия — вещь хорошая. Но, видно, не в армии. Давай решим сразу, кто из нас командир. Иначе из-за пустяков можем погубить дело. — Сутоцкий передохнул и обмяк. Командовать он не решался. — Ты пойми главное: сейчас нашим важно знать малейшие детали поведения противника. Может быть, мы ошибемся. Может быть. Но зато не допустим лишних жертв. И потом, если они знают, что мы здесь, может быть, после полетов авиации у майора Лебедева есть нам особое задание. Мы же с тобой не просто так... не на свободной охоте. Мы в строю, хотя и тут.

— Тебя не переспоришь, — махнул рукой Сутоцкий. — Пошли к линии.

Они молча вышли к линии. Как и прежде, Сутоцкий влез на столб, подсоединил провода.

Выхода телефонисток на прямую линию пришлось ждать долго. Торчащий на столбе Сутоцкий изошел потом. Отсюда, сверху, он видел, как вдалеке показались и скрылись в кустарнике немецкие связисты — они явно наводили новую линию связи. Вот куда следовало двинуться! Вот где могут быть настоящие разведывательные

сведения! А Матюхин, как сурок, притулился за пнем и сидит не шелохнувшись.

Когда на линии раздался уже знакомый голосок, Матюхин махнул рукой, и Сутоцкий разъединил линию.

— Девочки! Девочки! — почти закричал Матюхин. Нетерпение, опасность, постоянные раздумья, правильно он поступил или нет, накалили его до предела. — Немедленно принимайте телефонограмму.

Ответили ему не девочки. На линии что-то слабо щелкнуло, радио пропало и густой мужской баритон пропел:

— Рядовой Матюхин, слушаю вас по поручению майора Лебедева.

Матюхин осекся. Он с мгновенной надеждой посмотрел на Сутоцкого: отсоединил ли тот идущий на противника провод? Но Сутоцкий свое дело знал: провод он держал в руках разъединенным.

Мысли текли стремительно. Неужели кто-то из ребят попал в плен и, не выдержав пыток, выдал? Если так, то неизвестный голос мог принадлежать немцам, и они теперь знают о Матюхине и Сутоцком все или почти все — ведь их не нашли среди убитых и пленных, — и о Лебедеве. А провокаторы фашисты первостатейные. Матюхину это отлично известно. Значит, нужно немедленно отключаться, уходить от ставшей опасной линии и пробовать найти другие каналы связи.

И все-таки что-то держало Матюхина. Он молчал и, разом вспотев, думал. Ни одной ценной мысли в голову не приходило. Тогда на линии вновь раздался уверенный баритон:

— Помкомвзвода артиллерийского училища Матюхин, напоминаю, что ваш бывший подчиненный, курсант Зюзин, любил умыться снегом... Докладывайте.

Да, этого не выдумаешь. И Матюхин заговорил:

— Точка отсчета Радово. Северо-западнее, вдоль безымянного ручья...

Он докладывал точно, ясно, как бы читая стоявшую перед глазами составленную ими карту-схему, а кто-то неведомый, не перебивая, видимо, записывал его слова, потому что сквозь потрескивание иногда пробивалось старательное сопение, а иногда раздавалось короткое «Так». Потом Матюхин сообщил обо всем замеченном и свои соображения.

— Очень хорошо, — ответили с линии. — Теперь слушайте приказ...

Человек на той стороне, как всякий истый военный, прежде чем передать приказ, набрал воздуха, и эта его привычка спасла разведчиков и многое другое.

Линия вдруг ответила треском, сбивчивой речью, опять треском и, наконец, явственным:

— Генрих, как связь?

Матюхин махнул рукой, и Сутоцкий дисциплинированно и потому мгновенно соединил провода.

— Пятый! Пятый! — заговорила линия на немецком языке. — Как слышите?

В ответ раздался набор ругательств. Тот, кого назвали Пятым, ругал привязавшегося к линии абонента, напоминая ему приказ ни в коем случае не подавать голоса.

Потом линия стихла, и сквозь эту тишину пробилось далекое радио. Тонко пела скрипка, и серебряно перезванивало фортепиано. Матюхин послушал музыку, вздохнул, стер пот со лба. Он очень устал. Сутоцкий снял провода и спустился вниз.

— Ну что?

Матюхин рассказал ему, в чем дело.

— Очевидно, к линии подсоединились те, кто проехал в машинах.

— Не иначе... А приказ?

— Приказа я не получил... Выдал бы себя...

— А нам что делать?

— Не знаю, Коля, не знаю... Думается, нужно крутиться поблизости от линии и от... поймы.

— Почему? Я, когда сидел на столбе, видел, как связисты тянули новую линию. Может, прослушаем?

— Можно... Только позже... Когда они подсоединят ее и освоятся. Отрываться нельзя, потому что вечер... Видишь, солнце садится.

— Ну и что?

— А то, что, если они начнут выдвигаться в район поймы, нам в самый раз посмотреть, сколько их. И тогда... тогда можно будет рискнуть взять «языка». В суматохе, глядишь, и выберемся.

Они посидели в кустарнике, покурили и уже собрались было уходить к новой линии, когда услышали нарастающий шум автомобильного мотора. Далекая машина пересекла просеку, по которой шла линия, и скрылась, видимо в дубраве. Матюхин задумался, потом приказал:

— Прикрой! Я слажу посмотрю, что к чему.

В лесу сгущались сумерки — прозрачные, зеленовато-

розовые. В ближних кустах, словно примериваясь, поцеловал соловей. Ему издалека ответил другой. Сутоцкий удивился: оказывается, в лесу поют птицы, а они и не слышали их. Птицы пели весело, разноголосно и самозабвенно. Сутоцкому вдруг стало жалко себя, погибших солдат и саму дубраву — ему отчетливо представилось, что скоро в ней опять будут рваться снаряды и мины, крошиться кора, ветви и листву. Он вздохнул, прогоняя несвойственную ему жалость, и пробурчал:

— Никому покоя нет. Ни людям, ни лесу.

И потому что он знал, от кого никому нет покоя, то почти сразу успокоился и невольно прислушался. Далекий автомобильный мотор фыркнул и смолк.

Высоко в небе, серебрясь в закатных лучах уже невидимого солнца, медленно плыл самолет — одинокий и неторопливый, уже привычный немецкий разведчик.

Матюхин спрыгнул с сосны. Он был озабочен.

— Понимаешь, что-то начинается. Над лесом, где стоят мотострелки, кружатся птицы.

— Вспугнули.

— Вот-вот... Давай-ка опять восстановим карту-схему. Нужно сориентироваться.

Разметав хвою и веточки, они опять начертили по памяти карту местности, и Матюхин с удовлетворением отметил:

— Все правильно! Одиночная машина прошла просекой к дубраве.

Охваченный тревогой, Сутоцкий спросил:

— Ты думаешь, наши опять пойдут в разведку?

— Боюсь, что пойдут...

— Неужели наших сведений им мало?

— На первый случай, может, и хватит. Но ведь нашим нужно поподробней знать... о замыслах противника.

— Так неужели опять в том же месте?

— Ну а где? Сам подумай, Коля, где еще? В пойме и войск мало, и хорошая маскировка. Что же им, на траншеи лезть? А их, сам знаешь, не одна и не две. Три! Пройди все... Тоже задумаешься... И еще, наши могли и так решить: неужели немцы могут себе представить, что русские разведчики такие дураки, что снова полезут там, где их уничтожали? Этот расчет тоже не сбросишь.

— Но, выходит, что девчонки ни в чем не виноваты...

— В каком смысле?

— Ведь наши уже знают, что линия уходит к немцам.

Они теперь не допустят... девичьей болтовни. А немцы все равно ставят засаду!

— Верно... Выходит, либо у нас сидит шпион, сообщающий о действиях разведчиков, либо... либо противник выходит на позиции.

Они думали-гадали, что делать, и ничего толком не придумали. Совсем неподалеку пролетели две сороки, истошно и противно крича. На мгновение разноголосый птичий хор смолк, потом опять стал налаживаться. Вдруг в хор как басовые подголоски, как звуковой фон вплеся ровный гул моторов. Он постепенно креп, и вскоре стало ясно, что к передовой движется моторизованная колонна.

Шум моторов удалялся в сторону дубравы, и оттуда вдоль просеки с телефонной линией вновь пронеслись несколько отчаянно орущих сорок.

Разведчики переглянулись. Андрей поправил автомат.

— Ну вот, кажется, начинается еще один наш сеанс. Фрицы организовали засаду на старом месте.

— Похоже... Что будем делать?

— Знаешь первую заповедь разведчика? Идти туда, где враг. Пошли...

— А дальше? Что там будем делать?

— Еще не знаю. По дороге обдумаем.

13

Майор Лебедев быстро втянулся в деятельность новой, только что созданной группы. Он сам побывал на рубеже встречи танков с будущими десантами разведчиков, сам проинструктировал минеров, которые готовились проверять пойму, сам принимал доклады от наблюдателей.

Все шло так, как и должно было идти. Даже когда нарочный привез данные авиационной разведки, майор поначалу не увидел в них ничего нового или необычного: войска противника находились именно там, где предполагалось. И все-таки эти данные насторожили майора.

Что-то не совсем естественное усмотрел он в расположении обнаруженных танков. Они стояли группами невдалеке от дорог-просек, правда замаскированные, но он бы их так не расположил. Он бы упрятал их понадежнее.

Однако эти сомнения, не забываясь, отошли в сторону: слишком много появилось иных забот. И только к вечеру, когда к дзоту, который был выбран командным пунк-

том командарма и где пока разместился Лебедев, были подтянуты линии связи и подполковник Каширин передал ему донесение разведчиков, майор опять вспомнил о своих сомнениях.

Да, противник располагал войска именно так и именно там, где расположил бы их и сам Лебедев. И совсем не потому, что майор был таким уж проныцательным. Просто он был военным, знал и чувствовал потребности войск, их возможности и, исходя из всего этого, решал за них задачи.

Конечно, они должны расположиться вдоль рек. Но не у самой реки или ручья — медсанслужба обязательно найдет какой-нибудь опасный для войск очаг инфекции или еще что-нибудь подобное, — а несколько поодаль, на сухом взгорке, только обязательно неподалеку от воды. Матюхин и Сутоцкий поняли это.

Значит, авиаразведка неточно указала месторасположение врага. Скорее всего, за действительные танки приняты макеты. Отлично замаскированные макеты! Отлично потому, что они были чуть-чуть размаскированы. Ровно настолько, чтобы авиация противника могла разыскать их с некоторым трудом. Лебедев даже усмехнулся: он представил себе, как эти макеты «облетывали» немецкие летчики и требовали то убавить, то прибавить маскировки.

Майор позвонил своему начальнику и сообщил о своих подозрениях.

— Согласен, — ответил полковник Петров. — Пожалуй, твой Матюхин прав, его целеуказание точнее. — Полковник помолчал и вдруг мягко добавил: — Хороший разведчик из него выйдет. Очень хороший.

В штабе воздушной армии заново расшифровывали снимки, и кто-то, получив нагоняй, с лупой в руках делал новые открытия. И эти открытия ложились на планшеты начальников штабов авиационных полков, и они ругались: «Опять новые целеуказания. А промахнемся, нас долбать будут».

Теперь они уже не очень верили и наземным, и своим, воздушным разведчикам, и сами корпели над аэрофотоснимками и картами, советовались со своими коллегами из соседних полков, почтительно поругивались с вышестоящим штабом. А пока шла эта работа, на аэродромы подвозились бомбы. Экипажи бомбардировщиков, понимая, что их ждет боевой вылет, еще шутили и смеялись,

еще стучали костяшками домино и ухаживали за девчонками из батальона аэродромного обслуживания.

Только к ночи, к зеленым неверным сумеркам, встречные потоки информации, предположений и возражений наконец улеглись в строгие строки приказов. Тысячи людей посерьезнели, а многие и вздрогнули, потому что приближалась минута, после которой начинался новый отсчет их жизни.

Отсчет на минуты, на секунды. Выживешь, выполнишь приказ — будет новый день, новая жизнь. Нет? Пеняй на себя...

Тысячи были поставлены в одинаковые условия, и, если они выживали, выполняли свой долг, приказ, а ты — нет, значит, ты сделал что-то не так. Где-то ошибся, просчитался. Не проскочил простреливаемый участок, не довернул штурвал во время противозенитного маневра, не прибавил газа, ведя машину в атаку.

И всегда так. Мог бы проскочить, довернуть, атаковать первым... но не успел. Не сообразил.

А может быть... может быть, тебе просто не повезло... Бывает и так. Бывает, не везет — и все тут!

Но обо всем этом стараешься не думать: пока живой и крепкий, думаешь о жизни, а значит, о бое.

Думал о нем и Лебедев, все надежнее втягиваясь в сложную, напряженную предбоевую суетню и все чаще ощущая приливы тревоги, сомнений: как она обернется, эта непредвиденная операция?

По опыту зная, что в разгар боя часто гибнут нужные документы и карты противника, пропускаются великолепные возможности для взятия необходимых «языков», Лебедев все чаще и чаще, представляя свою роль в будущем бою, придумывал причины, по которым можно было бы достойно и незаметно для окружающих освободиться от пассивной роли наблюдателя и пойти с десантом, чтобы там, на поле боя, взять то, что могли просмотреть или не оценить другие.

Конечно, он понимал, что это — риск, что гораздо безопаснее сидеть здесь, на КП, на виду у командарма. Но Лебедев начинал службу красноармейцем, был сержантом и невольно впитал солдатскую привычку держаться подальше от начальства. Лучше уж рискнуть. В бою он будет отвечать прежде всего за себя и свое дело. А здесь, на КП, связанный по рукам и ногам, должен будет отвечать за то, на что в бою не сможет влиять.

Придумать веские причины, позволяющие ему улизнуть в бой, майор не успел. На КП неожиданно, раньше предусмотренного, прибыл командарм. Большой, грузный, он сразу заполнил тесный дзот, и из него бочком выбрались офицеры связи.

— Как дела? — спросил командарм у Лебедева.

— Все идет по плану, — вытянулся майор.

— Корректировщиков бы туда забросить... Твои молчат?

— Молчат.

— Правильно. В этом случае рисковать нет смысла. Надо думать, выберутся.

Командарм подошел к амбразуре дзота, взглянул в нее, потом в стереотрубу, повздыхал и опять устоялся в амбразуре. Лебедев стоял сзади, все еще придумывая, теперь уже, кажется, запоздало, причину, которая позволила бы ему удрать с КП. И командующий словно понял его.

— С десантом наладился? — спросил он не оборачиваясь.

— Следовало бы... Возможны интересные варианты.

— Не отпущу. — Командарм вздохнул и оглянулся. В дзоте, кроме них, никого не было. Только в углу склонился связист. — Не отпущу! — повторил командарм. — Предчувствие у меня плохое. Потому и приехал раньше времени. — Он опять отвернулся к амбразуре. — И ты не порадовал: «Все по плану». Вот из-за этого и предчувствия. Уж больно правильно все выходит. Как по писаному. «Все по плану»! — снова передразнил он Лебедева. — А план-то недоношенный!

Лебедев смотрел на темный силуэт его большой головы, закрывшей пол-амбразуры. Следовало что-либо ответить, может, польстить, но Лебедев молчал, потому что в душе он тоже побаивался этого скоропалительного боя. Не к такому привык за годы войны с хитрым и сильным противником. Прежде к бою готовились долго, тщательно, сколько мук принимали, и то далеко не всегда получалось как нужно. А если и получалось, так с кровью, с потерями, с явными просчетами. И майор молчал.

— А впрочем... черт его знает... Может, мы просто... ожирели? А, Лебедев? Может, привыкли, что все дается с болью? Как при родах? Может, и нужно вот так — нахально, мгновенно, чтоб на раздумья не оставалось времени? А? Как думаешь?

— Не знаю... Не знаю, товарищ командующий, — выдохнул Лебедев. — Впервые вот так... сразу.

— То-то и оно... Словом, я тебя не отпущу. Вместе мы кашу заварили, вместе и расхлебывать будем. Теперь, правда, все на меня ляжет. Ты-то теперь в стороне.

— Разве в этом дело, товарищ командующий?

— И в этом, Лебедев, и в этом.

Он шумно и тяжело вздохнул. В узкую прорезь амбразуры виднелось зеленоватое небо и темный, почти черный, абрис лесных верхушек уже на той, немецкой стороне. И там, над верхушками, вдруг проплыла одинокая трасса. За ней — целый фейерверк трасс, явственно вспыхнули и погасли сильные, почти прожекторные, огни. И уже потом, приглушенная стенами дзота, донеслась нестрашная, далекая дробь выстрелов.

— Что это, Лебедев? — почти в ужасе отшатываясь от амбразуры, быстро спросил командарм. — Твои, что ли?

— Не знаю, товарищ командующий.

Майор выскочил из дзота на взгорок, стал всматриваться в даль. Там, за дубравой, в обычном и уже до проклятости знакомом месте немецкой засады сверкали огоньки выстрелов, слышалась отчаянная трескотня. Поднять такую трескотню мог только солидный отряд. А никого, кроме двух разведчиков, там не было. Никого!

Из дзота вышел командующий, спросил:

— Что это? Выходит, не по плану? Не по плану?

Там, за дубравой, бой все разгорался и, словно от искорок трассирующих пуль, стал заниматься невидимый пожар. Через несколько секунд, а может, минут — время сирессовалось и шло как бы рывками — за аспидно-черной линией вершинок что-то багрово высветилось, вырисовывая могучие дубовые ветви. Потом пламя сразу, взрывом, метнулось вверх, дубраву просквозило ярким светом, и над лесом помчались веера искорок, чтобы далеко, почти у самого неба, стать темным столбом дыма.

Может быть, потому, что Лебедев последние часы все время думал о том, как бы ему уйти в бой вместе с разведчиками, и, значит, невольно готовил себя к бою, он первый догадался, что произошло там, за дубравой, но не успел высказать своей догадки, как связист из дзота крикнул:

— Товарищ майор! К телефону! Срочно, говорят!

Майор сбежал в дзот, на ощупь, по привычке, нашел протянутую трубку.

— Докладывает Тридцать третий. «Слухачи» доносят: слышны отдаленные звуки танковых моторов. — Докладывавший уловил что-то неверное, неграмотное в своих словах и добавил: — Вроде как заводят... Взрывами...

— Следите! — крикнул Лебедев и устало отпустил клапан трубки.

Командарм, кажется, прав. Операция может оказаться неудачной. Немцы, по-видимому, выходят на исходные. До начала нашего удара еще больше часа. Только после артналета на засады должна начаться бомбежка. Значит, бомбить будут по пустому месту.

На мгновение Лебедевым овладело тупое безразличие: да пропади оно все пропадом! Ничего не получается! Силен немец, его не перехитришь! Но затем пришла деятельная ненависть: черта с два сильней! Черта с два! Мы еще поглядим. Поглядим...

И в этой яростной, деятельной ненависти все как бы стало на свои места. Лебедев окончательно понял своих разведчиков и уловил общее положение дел. Выскочив в два прыжка из дзота, он обратился к командиру:

— Полагаю, необходимо немедленно передвинуть время «Ч».

Время «Ч» — условный час начала атаки... Начала артналета... Начала бомбежки. Для всех оно, это самое время «Ч», разное. Но оно увязано по времени в общем плане, и если его передвинуть сразу, то...

— Вы думаете, успеем?

— А что, собственно, изменилось? Только то, что кто-то, может быть, партизаны, а может, и Матюхин с Сутоцким, напоролся на засаду или, наоборот, решил вскрыть ее, предупредить нас об изменении обстановки? Вот и все. Остальное идет по плану.

— Ты думаешь, Лебедев, это твои разведчики подняли такое? — спросил командарм.

— Уверен. «Слухачи» только что передали: на немецкой стороне слышны танковые моторы. Взрывами. Значит, заводят машины. Мои люди могли услышать это раньше «слухачей». Услышать и предупредить, вызвав огонь на себя.

Командарм помолчал, потом тихо произнес:

— Если... если народ они толковый, то... все правильно.

— Они уже доказали, кто они. Надо переносить время «Ч».

— Такой вариант возможен... Тем более что он предусмотрен. Передайте: время «Ч» по третьему варианту. — Командующий не сказал, кому передать, и Лебедев переспросил его. Командующий мгновенно рассердился: — Передай начальнику штаба и офицерам связи. Что, забыл, как это делается?

Вот этого-то и боялся Лебедев, вот от этого и хотел сбежать! В самые глубины плана его не посвятили, а командарм, убежденный, что Лебедев все знает, обрушился на него. Признаваться в своем неведении боязно: либо сам попадешь под его гнев, либо других подведешь. А переспрашивать неудобно. Получился заколдованный круг. Еще не решив, как поступить в этой сложной ситуации, майор Лебедев, привычный к воинской дисциплине, крикнул:

— Третьего на провод! — и, когда связист подал ему трубку, передал приказ командарма.

Начальник штаба не удивился, поблагодарил — такой вежливости Лебедев за ним ранее не замечал — и отключился.

Майор выскочил из дзота, но офицеров связи уже как ветром сдуло. Далеко, в кустарнике, чей-то приглушенный голос передавал приказ командарма, а справа и слева уже слышалось тарахтение мотоцикла и машины.

Майор подумал, что командующий, кажется, ошибается: операция, может, удастся. Уж больно все четко получается. Но именно эта четкость, продуманность вариантов опять остановили его и заставили вспомнить о главном: своим-то разведчикам он ничего не сообщил! Но он сейчас же остыл: они приданы танкистам и должны действовать согласно их планам.

И вдруг стало пусто. Он оказался не у дел. Все пошло по плану. Пусть новому, по плану. И в этом плане места для него не нашлось. Лебедев понял это и обиженно усмехнулся.

Командующий, сняв фуражку, расстегнув крючки и верхние пуговицы кителя, сидел возле дзота. Далеко вправо, за дубравой, полыхнул багровый отсвет разрыва. Потом слева и справа загудела и заревела страшными орудийными голосами артиллерия. Небо высветлилось частыми всполохами выстрелов, но шелестящего, шелковистого полета снарядов так никто и не услышал: прошли стороной. За дубравой стали рваться тяжелые снаряды артиллерии резерва Главного Командования.

Командарм смотрел в ночь. Лебедев хотел подойти к нему и еще раз попросить разрешения уйти с десантами, но понял, что опоздал с просьбой: сзади, нарастая, гудели танковые моторы. И еще он понял, что командарм тоже не у дел. Сейчас, в эти минуты, он не в состоянии руководить боем. Пришел в движение план. Ни остановить его, ни изменить не может никто. В мелочах — можно. В целом — он уже живет сам по себе, жизнью сотен и тысяч людей. И только потом, когда командарм разберется, что к чему, увидит, как развиваются события, он сможет влиять на эти события резервами, огнем, приказом или еще чем-либо из своего в общем-то не такого богатого арсенала...

А сейчас командующему оставалось только смотреть, оценивать, проникаться духом боя. Лебедев понял это и отошел в сторону.

— Лебедев! — вдруг окликнул командарм. Майор подскочил к нему. — Ты мне врал, что их там двое?

— Что докладывали...

— Странно... Как же они вдвоем — понимаешь, вдвоем! — такой громидор устроили? Очень странно... — Он помолчал, расстегнул еще пуговицу на кителе и пошарил пухлой рукой по груди. — Ну ладно. Потом разберемся.

14

Они шли осторожно, прислушиваясь и примериваясь к каждому шагу. Ничего подозрительного: ни пороха, ни треска ветвей, ни чужой речи — не слышалось. Все глушил, забивал неистовый птичий щебет. И чем ближе подходили они к опушке разнолеска, что стоял за полем, возле которого попали в засаду разведчики, тем сложнее, прекраснее и громче разливался птичий хор. Стараясь проникнуть сквозь эту звуковую стену, они напрягали слух — от этого болело в висках и звенело в голове.

— Нет, не могу! — рассердился Сутоцкий. — В глазах... темнеет.

Андрей приостановился, встрепенулся.

— Слушай, и запах какой-то уж... слишком.

Странно, блуждая в прифронтовых лесах, готовясь к выходу в тыл, они ни разу не отмечали сложных запахов входящего в силу леса. А здесь, в густой, влажной, низинной чащобе, необыкновенно сильный, сладкий, мутящий сознание аромат припозднившейся черемухи и ка-

ких-то цветов, может папоротников, вызывал головную боль. В других местах черемуха давно отцвела, а тут она еще кружила пьянящей метелью, как остаток тех, зимних метелей, что застряли в этом сыром разнолесье и задержали зиму недели на две.

— А знаешь, — тряхнул головой Андрей, словно освобождаясь от пахучего наваждения, — швабы, в принципе, тоже люди...

— Ну и что?

— А то, что они тоже слушают... Больше того, они ждут нас с фронта и не прислушиваются, что в тылу...

— Ну и что?

— А то, что можно действовать посмелее. Не так уж затаиваться.

Аромат черемухи дурманил голову, и Николай Сутоцкий с трудом понимал Матюхина. Они пошли быстрее. Постепенно ломота в висках прошла. Может быть, поэтому они не услышали, а увидели врага — рассеянный вечерний свет преломился на кристалликах автомобильных фар. Они постояли, прислушиваясь и присматриваясь. Потом юркнули в чащу и стали выползать к опушке.

В тылу моторизованной колонны они осмотрелись. Машины, большие, с могучими поднятыми задами — рессоры, наверно, новые, — под брезентом, стояли полукругом. Некоторые из них забрались в кустарник возле опушки, выставив из него ребристые радиаторы и фары, другие скрылись в дубраве, и только пять машин маячили среди поля. Шоферы там, видно, попались опытные, потому что прикрыли машины срубленными деревцами, и теперь, в сумраке, они казались кунами деревьев.

Позади полукружья засады маячила командирская машина — зеленое небо четко рассекалось вздрагивающей на неслышном ветерке антенной.

Дисциплина в немецкой армии всегда была крепкой. И сейчас разведчики не увидели ни бесцельно бродящих солдат, не услышали говора или смеха, почти обязательных там, где собирается столько молодых и здоровых мужчин. А собралось их здесь, судя по машинам, не менее батальона. Не видно было ни одного огонька, хотя наверняка многие солдаты курили. Только едва слышно, то затихая, то возникая вновь, над засадой проплывал сдержанный, чуть картавый шумок: говорили шепотом. Этот шумок можно было принять за шелест леса, перекрытый неистовым птичьим пением.

Матюхин и Сутоцкий лежали в густых зарослях не то орешника, не то жимолости, прислушивались и приглядывались, прикидывая, что сделать, чтобы предупредить идущих на верную смерть своих ребят-разведчиков: они были убеждены, что командование обязательно пошлет в тыл разведывательные группы. И как ни прикидывали, приходили к одному выводу: нужно завязать бой. Обстрелять мотострелков, поднять заваруху, а потом сбежать в глубь леса. У них было одно преимущество — внезапность. Пока противник очухается, пока развернет боевые порядки и начнет преследование, сделать можно немало. Тем более что первый удар будет наноситься с тыла, из-за машин, по которым немцы стрелять не осмелятся.

Когда решение было принято, Матюхин и Сутоцкий успокоились. Теперь главное не упустить время.

Они рассчитали правильно: разведгруппы пойдут через несколько часов. Когда в лесу сгустится зеленая тьма. Но они не знали, что сложный путь, по которому шло на утверждение решение командования немецкой группы убыстрить события, уже подходил к концу. Пока Матюхин и Сутоцкий лежали и переживали одну, вернее, две неприятности — комаров, забивавшихся даже под капюшоны маскировочных курток, и страстное желание закурить, чтобы хоть как-нибудь отогнать дремоту, — пришел утвержденный новый план немецкого командования. И когда сквозь птичий хор издали донесся первый взрыв танкового мотора, они не то что не услышали, просто не обратили на него внимания. Раз есть войска, значит, хоть где-то да должен время от времени взрывать двигатель. Может быть, механик проводил регулировку или профилактику и теперь, окончив работу, проверял машину. Но когда фыркнул другой двигатель, потом сразу два, разведчики насторожились. Гул моторов приближался. Он слышался позади, где-то справа и слева.

Работу вот этих, уже более близких двигателей и засекли «слухачи», которые выползали к переднему краю противника, чтобы наблюдать, что у него делается. Спустя некоторое время они доложили об этом своим командирам, и пошло их донесение по инстанциям наверх, к командарму...

Не зная об изменившейся обстановке, Матюхин и Сутоцкий одновременно поняли значение и опасность моторных взрывов, потому что весь этот длинный день то и дело думали за противника, становились на его место, на-

сколько позволяли их военные знания и опыт. Что-нибудь предпринять, чтобы помешать этой, теперь уже, казалось, неотвратимой машине, что разворачивалась далеко позади, они не могли, но оба, не сговариваясь, лихорадочно перебирали варианты и отбрасывали их. Последний шанс — пробиться к линии связи и нахально предупредить своих — отпадал: услышав первые их слова, враг наверняка отключит линию и сообщит, что в тылу бродят русские.

В разгар этих лихорадочных поисков, когда оба понимали, что никто их не упрекнет, если они ничего не придумают, Сутоцкий заметил, как от командирской машины отделилась тень и бросилась к засаде.

Потом произошло что-то непонятное: к командирской машине метнулись уже три тени, затем две из них вернулись обратно и вокруг них собрались другие. Потом все разбежались, и безмолвные, дисциплинированные солдаты поднялись с земли, вышли из своих укрытий и растянулись в четкую, довольно густую цепь. Фланги этой цепи скрывались в темноте, и поэтому цепь казалась особенно длинной и опасной.

Немцы, по-видимому, получили приказ прочесать дубраву и выйти к переднему краю, чтобы занять исходные позиции для броска вперед.

Значит, начиналось...

Аналитический ум Матюхина сработал быстрее, чем ум Сутоцкого. Время не терпело, и Андрей не столько посоветовал, сколько приказал:

— Я забегу вперед, в сумятице не заметят, решат, что связной, и ударю по флангу, потом переберусь в центр. Бой обязательно завяжется, если... не срежут. Думаю, сразу не срежут: сейчас солдаты как в шоке, понимают, что вместо засады пойдут в атаку на русские позиции. Внутренне они к этому не готовы, и, значит... значит, пробьюсь. А ты, как только я завяжу бой, постарайся поджечь машины. Тебе с тыла будет легче: шоферы тоже будут поначалу следить за боем. Если подожжем, наши поймут, что неспроста. Поймут и, может быть, успеют принять меры. Хоть резервы подтянут, хоть... Ну не знаю что, но, может, успеют. А если промолчим, наверняка не успеют. Понял?

— Да.

— Держи мои гранаты. И еще. Как только подожжешь, меня не жди, самостоятельно пробивайся через пойму. Может, доберешься...

Они не попрощались. Матюхин бросился вперед, от задка машины к задку, под их прикрытием выскочил в дубраву и тут, видимо, изменил свое решение выходить во фланг: цепь все-таки была слишком длинной. Он поднялся на ноги, спрятался за дубом и, тщательно прицелившись, дал первую очередь.

Она была страшной, эта первая очередь по еще стоящей в ожидании команды дисциплинированной немецкой цепи. Страшной потому, что была кинжальным огнем. А Матюхин, все так же стоя, ударил в другую сторону от дуба.

Он ждал ответного огня и потому упал на землю и ползком, яростно отталкиваясь локтями, коленями, всем телом, пополз в сторону. Правда, в глубине души он был уверен, что немецкие солдаты не будут бить по земле: они должны были видеть пульсирующий огонек его автомата над землей и, значит, по закону боевого шока вначале будут стрелять поверху, на уровне человеческого роста.

Но они не стреляли вовсе. Сработала великолепная, всем на зависть дисциплина: команды открыть огонь не прозвучало.

Вот почему Матюхин успел выпрямиться за другим дубом и дать две длинные косоприцельные очереди. Он увидел, как упали несколько солдат... И тут услышал хриплые команды:

— Фойер! Форвертс! ¹

Он опять упал на землю и пополз к следующему дубу, забирая все вправо и вправо, не подозревая, что приближается ко второй, еще безмолвствовавшей засаде, тоже получившей приказ прочесать местность и занять исходные позиции в траншеях. Он сам лез в засаду, но не знал об этом и в рамках своего замысла действовал безукоризненно.

После четвертой его очереди противник действительно открыл огонь, пули попли так густо, что воздух над ползущим Матюхиным ощутимо завибрировал и стал горячее. Матюхин добрался до следующего дуба и опять дал несколько коротких очередей. И пока противник разобрался, откуда бьет автомат, прошло несколько мгновений, достаточных для того, чтобы разведчик бросился на землю и пополз дальше.

¹ Огоны! Вперед! (нем.)

Теперь дело осложнилось: первая растерянность врага исчезла, солдатами овладела злость. Она подсказала, что стрелять поверху не стоит, потому что пули, срезая корье и ветки, проходили над стрелявшим, вшивались в землю вокруг него.

А Андрей полз, понимая, что долго это продлиться не может, что противник обнаружит и окружит его. Тогда хана. В трескотне выстрелов он не слышал взрывов гранат позади, не видел, как вначале нехотя разгоралось пламя — солярка воспламеняется медленно. Но он почувствовал, что сзади, вернее, сзади и слева что-то происходит, потому что огонь стал ослабевать. И как раз в этот момент его настигла первая пуля. Она полоснула по бедру, ожгла и улетела. Андрей почувствовал медленно стекающую по округлости ноги теплую кровь и выругался: теперь, кажется, и в самом деле хана...

Но нога действовала, значит, кость не задета, и боль почти не беспокоила. Андрей быстро перебрался к очередному дубу и дал несколько коротких очередей лежа: патроны следовало экономить. Ответный огонь явно ослаб, и он поначалу не совсем понял почему...

Николай Сутоцкий дождался первой очереди Андрея и, выскочив из укрытия, побежал к средней, стоявшей в центре невспаханного поля машине, обогнул ее и, сообразив, где баки с горючим, швырнул на них гранату. Баки оказались добротными. Они только покособились от взрыва и дали незначительную течь. А Николай надеялся, что огонь вспыхнет сразу. Поэтому он растерялся и бросил в ту же машину вторую гранату. Начался пожар.

Тогда Николай метнулся к другой машине. Теперь, сорвав автомат, он вначале прострочил баки. Горючее прыснуло пахучими струями. Николай, обогнув машину, прострочил баки следующей. Шоферы выскочили из кабин и бросились тушить ту, первую машину, занимавшуюся вяло и натужно. Николай перебросил гранату через вторую, надеясь, что взрыв зажжет растекшееся горючее и перебьет сбежавшихся шоферов. Убедившись, что так и случилось — помог пропитанный горючим прошлогодний бурьян, — поджег и третью.

После этого Николай дал очередь с тыла по развернувшейся в сторону Андрея цепи. Николай бил из-за ма-

шин, постепенно приближаясь к дубраве. Бил довольно точно. Немцы сначала принимали его очереди за свои, но потом разобрались, что к чему, и стали, озираясь, отстреливаться.

И тут Сутоцкий увидел пулеметчиков. По всем правилам военной науки они лежали позади атакующей цепи и не стреляли, были как бы в резерве. Вот они-то первыми заметили Сутоцкого и поняли, кто это. Николай увидел, как они разворачивают пулемет, и сразу, не раздумывая, даже не радуясь собственной предусмотрительности, швырнул в них последнюю гранату.

Пока она летела, ему пришла другая счастливая мысль. Он упал в бурьян, нащупал нож за голенищем и пополз на взрыв. Добивать немцев не пришлось. Сутоцкий развернул пулемет и стал бить по тому флангу цепи, который заворачивался, чтобы окружить Андрея. Пулемет работал исправно, и цепь вынуждена была залечь.

Вероятно, и в этой ситуации можно было сделать что-либо такое, что позволило бы быстро ликвидировать русских разведчиков, но в сумятице ночного боя хорошие мысли приходят не сразу. Вот почему, увидев разгорающийся пожар, уловив, что из тыла по своим бьют пулемет и автоматы, один из ротных командиров левого фланга цепи справедливо решил, что нужно прежде всего уничтожить тех, кто стреляет им в тыл, и отдал соответствующую команду. Солдаты развернулись и открыли сильный огонь по опушке леса и по бурьяну. Трассы их автоматов показались тем, кто уже загнул свой фланг справа, чужими. Ведь по расчету, по плану боя в тыл стрелять не должны. Потому они открыли ответный огонь, отсекая «противника», двигавшегося к подожженным машинам.

В этой сумятице Сутоцкий расстрелял все ленты, бросил пулемет и где ползком, где перебежками стал углубляться в дубраву.

Где-то далеко, в расположении второй засады, разорвался тяжелый снаряд. Николай не придал этому значения: он ведь не знал о существовании второй засады. Он только возмутился: почему молчат наши? Почему они такие тугодумы? Неужели не понимают, что происходит?

Он перебегал, полз, но уже не стрелял, потому что впереди можно было встретиться с противником и еще потому, что считал сейчас главным пробиться к своим и доложить обстановку.

И вдруг сзади и сбоку сразу, как шквал, родился страшный свист, разразившийся грохотом и синевато-багровыми всполохами: первая серия советских снарядов легла довольно точно. По дубраве прокатилась волна по-свистов, шипения и фырчанья — летели осколки. Николай пополз быстрее: а ну как какой-нибудь наводчик собьет прицел и снаряд взорвется не там, где нужно?!

А в это время Андрея Матюхина достала вторая пуля, дурная, глупая, почти излетная. Ударила в бок, в ребро, и скользнула куда-то внутрь. Андрей почувствовал, как все внутри опалилось горячим, вздохнул, хотел что-то сделать — и потерял сознание...

15

Командарм сидел возле дзота и молчал. К нему подошел адъютант, или, как их иногда называли, порученец, и почтительно доложил, что на проводе командующий фронтом.

Третий — начальник штаба, конечно, сообщил наверх о смене варианта, и там потребовали объяснений. Но ни у представителя штаба фронта, ни у самого Третьего достаточного обоснования смены решения не было — только приказ командарма. И командующий фронтом вызвал командарма. А тому не хотелось объясняться. Ему хотелось смотреть и думать. Поэтому он буркнул:

— Передай, что меняю КП.

Адъютант недоуменно покосился на генерала, но промолчал: командарм не раз применял такой маневр, когда не хотел подходить к аппарату. Что докладывать, если самому не все ясно.

Так он и сидел, пока мимо него не прошли танки с десантом на броне, а в небе, почти незамеченные в общем гуле, проплыли бомбардировщики. Обостренным слухом командарм услышал их рокот, немедленно представил, как ведет себя противник — наверняка форсирует выдвижение ударных частей, — и подозвал адъютанта.

— Передай Третьему, чтобы попросил авиаторов, во-первых, повесить побольше «люстр», во-вторых, выслать легкие бомбардировщики: пусть щелкают по маленькой.

Так генерал говорил по привычке, а сам очень надеялся, что легкие почные бомбардировщики — «кукурузники» — сумеют нанести потери выдвигающимся по лесным дорогам частям противника.

Гул танков слышался уже за поймой, а бой, что разгорелся на месте засады, ослабел. Но машины горели ярко, и командующий принял первое решение.

— Передай танкистам, чтобы включили фары. Пусть не боятся: резервы противника еще далеко.

Через минуту-две между дубами заметались столбы света, и танковый гул стал удаляться. Командующий удовлетворенно пробормотал:

— И артиллерии легче переносить огонь.

Он уже начинал верить, что все обойдется, и вдруг увидел жирную огненную трассу, перечеркнувшую едва различимое поле боя в дубраве, за ней промелькнула вторая, третья.

За гулом боя услышать подход танков противника было невозможно, определить по трассе, кто бьет — противотанкисты или танкисты, — тоже. Важно одно: танки получают отпор. И если им сопротивляются танки противника, то... то лучше не думать, а ждать.

Он опять сидел и ждал, и все в нем то холодело, то набухало горячечной тяжестью. В такие минуты ему казалось, что по коже головы и в волосах ползают муравьи. Но все было проще. От чрезмерного и тщательно сдерживаемого напряжения у него стали привычно сидеть волосы. То один, то другой свертывался, как еще зеленый листок, тронутый внезапным жестким морозом, и тревожил соседние. Потом он чуть распрямлялся, укладываясь в пряди, и опять шевелил соседние.

От поймы донесся шум автомобильных моторов, нутужные крики солдат, и командарм понял, что артиллеристы начали форсирование поймы.

Далеко впереди светлыми мотыльками вспыхивали разрывы зепитных снарядов, а несколько ниже переплетались — медленно и красиво — трассы эрликонов и пулеметов. Всю эту нестрашную красоту подсвечивали снизу и как бы изнутри багровые вспышки разрывов авиабомб и занимающиеся пожары.

Все шло по плану, хотя многое не правилось командарму. Когда ему доложили, что танки вышли на рубеж непаханого поля, что разведчики захватили пленных и они подтвердили свое «французское происхождение», а также наличие зсэсовской танковой дивизии, которая по расчету времени должна прибыть на исходные для атаки позиции через час-полтора, командарм поднялся и попросил связиста вызвать командующего фронтом.

Его соединили довольно быстро, уже в тот момент, когда новые партии самолетов вывели в небе САБы, или «люстры» — осветительные бомбы, и тени от их резкого желтоватого света поплыли в узкой прорези амбразуры. Командарм коротко доложил:

— Дополнительные сведения разведчиков заставили ускорить операцию, дальше все прошло по плану. Сейчас выдвигается танковая дивизия. Полагаю, что дальнейшее развитие успеха в глубину преждевременно.

— Почему?

— Пока прошли практически без потерь или почти без потерь. Встречный бой с танкистами заставит втянуть резервы. А ведь плацдарм занят.

— Тем более. Надо двигаться дальше...

— Танкам нигде развернуться — кругом леса и болота. Думается, на будущее пригодится...

— Не понимаю, почему на будущее, если боишься сегодня.

— Я-то не боюсь. Но пусть он думает, что мы трусили. Пусть считает, что все резервы выплеснули. А когда он нас начнет спихивать, тут мы его еще и обескровим.

Командующий фронтом долго молчал, видимо рассматривая карту, потом вздохнул:

— Слушай, а ты не стареешь?

— Вот те на!.. — притворно удивился командарм. — Я ж эту авантюру затеял. Так что ж, и затея, выходит, от старости?

Командующий фронтом невесело рассмеялся:

— Ты вывернешься... — Опять подумал и недовольно закончил: — Ладно, будем экономить силы.

Командарм медленно протягивал трубку связисту, но внезапно опять прижал ее к уху.

— Третьего! Срочно! — Подождал, пока соединили, и приказал: — Разведку боем отменяю. Передай соседям. Закрепиться! Выдвигай пехоту и саперов. Мины — прежде всего. — Он отдал трубку и, выходя из дзота, коротко приказал: — Машину! Лебедев, со мной!

Танки шли ходко, маневрируя между дубов. Передовой танк заметил отсветы горящих машин, мельтешащие фигурки, и командир приказал «сунуть» туда пару оско-

лочных — артиллерия уже перенесла огонь и без толку крушила теперь черемуховый и птичий разнолесок.

В зеленовато-сизой темноте детали не различались, и механики вели машины, ориентируясь по следам впереди прошедших машин: боялись мин. А если прошел один танк, так по его следу пройдут и другие.

Метрах в пятистах от опушки дубравы механик головной машины дал газ, и десант дернулся. Когда командир орудия выстрелил, гул от выстрела больно ударил по нервам, кое-кто из молодых, прибывших с последним пополнением, приник к вздрагивающей броне и ощутил, как бешено колотится сердце и сохнут губы. Командир выстрелил вторично, и стало совсем плохо, потому что издалека над машиной пронеслась гудящая стремительная болванка, роняя искрящуюся трассу. И в это время рядом с машиной, прерывая все звуки боя, раздался необыкновенно высокий, наполненный смертной тоской человеческий крик.

Какой-то парнишка из пополнения потерял контроль над собой и, спрыгнув с брони, метнулся было назад, но споткнулся о распластанное на земле тело, упал, перевернулся и с ужасом уставился на мертвеца. Но мертвец дергал ногой и медленно поворачивал голову. На его губах пузырилась розовато-желтая от дальних САБов пена, и сами САБы играли в каждом пузырьке. Играли и попадали.

Это показалось парнишке очень страшным. Увидев, что прямо на него движется тяжелая серая громада танка, он вскочил и истошно заорал:

— Стой! Стой! Стой!

Механик, конечно, не слышал его голоса, но увидел мечущуюся фигурку, а тут еще десант заколотил прикладами по броне. Механик сбросил газ, танк резко встал.

И тут — впереди, с боков и сзади — на танках стали вспыхивать фары. Механик тоже включил свет и только тогда увидел за парнишкой распластанное тело. Он пробормотал: «В такой темени и в самом деле своих подавишь», поработал фрикционами и вывернул машину в сторону от лежащего тела.

Парнишка стоял возле Андрея Матюхина и не знал, что делать. Он впервые попал в бой, да еще в ночной, да еще в десанте, и растерялся. Постепенно мальчишеская жалость пересилила страх, парнишка припомнил, чему его учили в запасном полку. Он расстелил плащ-палатку,

осторожно подвинул на нее раненого и отволоч за ствол дуба. Мимо проходили танки, и он прыгал возле них, кричал:

— Раненый тут! Раненый!

Но машины проходили мимо, и он, опять-таки еще по-мальчишески, не мог понять, как же это так: лежит раненый солдат, а люди проезжают и никто не остановится, никто не спрыгнет на помощь. Это же противоестественно!

И, распаляясь от явной, страшной по его понятиям несправедливости и жестокости, он все яростнее бросался на машины, а они уходили и уходили в темноту, туда, где рвались снаряды артиллерийского вала, где полосовали открытые пространства парные лучи фар.

Вдруг из-за тяжелых машин вынырнул юркий «виллис» и, чуть не наехав на паренька, резко остановился.

— Чего мечешься? Опуел со страха?! — заорал шофер.

Паренек уже пришел в себя, уже внутренне восстал против всего того противоестественного, чего он не видел в кино и о чем не читал в книгах, и заорал — иступленно, и потому визгливо:

— Раненый тут! Понимаешь, дурак? Раненый!

— Ну и что, что раненый?! — взорвался шофер. — Сзади санитары! Подойдут! А ты вперед шагай... пока не шлепнули.

Что-то опять свершилось в пареньке. Он вспомнил приказ о том, что самовольное сопровождение раненых запрещено, и, растерявшись, отступил в сторону.

— Подожди, — вдруг сказал офицер, что сидел рядом с шофером. — Из какой части?

— Я? Из отдельной разведроты. А раненого здесь нашел. Его наш танк чуть не переехал... Я оттащил.

Офицер выскочил из машины, нагнулся над раненым, осмотрел и покачал головой.

— Тяжелый... Надо немедленно...

— Товарищ генерал-майор! Там у переправы ПМП¹ развертывается, — подсказал шофер.

Мимо проходили машины, потом показалась пехота, все больше и больше становилось одиночек — связистов, связных, просто отбившихся от своих солдат. Последних можно было сразу узнать: заметив группу возле машины,

¹ Передовой медицинский пункт.

они резко сворачивали в сторону и пропадали в общем потоке. Но один из бойцов остановился, заглянул через плечо генерала и непочтительно тронул его за плечо:

— Кто он, браток? Разведчик?

Генерал — это был член Военного совета — не удивился, кивнул:

— По-видимому.

— Так это ж его, наверно, тут парень ищет! — Боец пронзительно свистнул и заорал: — Сутоцкий! Колька! Сюда! Эге-гей!

Мокрый от пота, взъерошенный Сутоцкий подбежал, очень ловко юркнул между людьми, услышал хриплое дыхание Андрея и закричал:

— Да что вы столпились? Воздуху дайте!

— Не шуми, — строго остановил его член Военного совета. — Это кто, Матюхин?

Сутоцкий рассмотрел лампасы и вытянулся.

— Так точно!

— Лукьянов! — приказал член Военного совета шоферу. — Отвези на ПМП и прикажи организовать немедленную эвакуацию. В первую очередь. Я здесь подожду.

Лукьянов развернул «виллис», и Сутоцкий вместе с парнишкой уложил Матюхина на заднее сиденье. Парнишка не знал, как поступить дальше, — сойти или ехать. Он очень робел перед генералом, его пугала перспектива предстать перед судом за самовольное сопровождение раненого. Но раненый лежал на его плащ-палатке, и выдернуть ее не представлялось возможным, а без плащ-палатки возвращаться в роту тоже нельзя — старшина взъестся.

И он поехал...

У переправы, сдав раненого врачам, Лукьянов на развороте чуть не столкнулся с машиной командующего, но вовремя нашелся и поздоровался:

— Здравия желаю, товарищ генерал!

— Ты чего здесь? Где хозяин? — вдруг испугался командарм.

— Генерал приказал вот раненого разведчика доставить. А сам ждет меня впереди.

Из палатки вышел Сутоцкий. Лебедев сразу узнал его и, все сообразив, выпрыгнул из машины.

— Тяжело?

— Да...

Лебедев скрылся в палатке.

— Ну, езжай к генералу, — сказал командарм Лукьянову. — Я сейчас тоже подъеду.

Появился Лебедев, спросил у парнишки:

— Как все случилось?

— Не знаю. Услышал крик, спрыгнул, потому что на него, — парнишка кивнул на палатку, — танк пер. Остановил его... А тут генерал.

— Что с Матюхиным? — спросил командарм.

— Пулевое в грудь и легкое в бедро. Большая потеря крови.

— Крик, говоришь, услышал? — спросил генерал у парнишки.

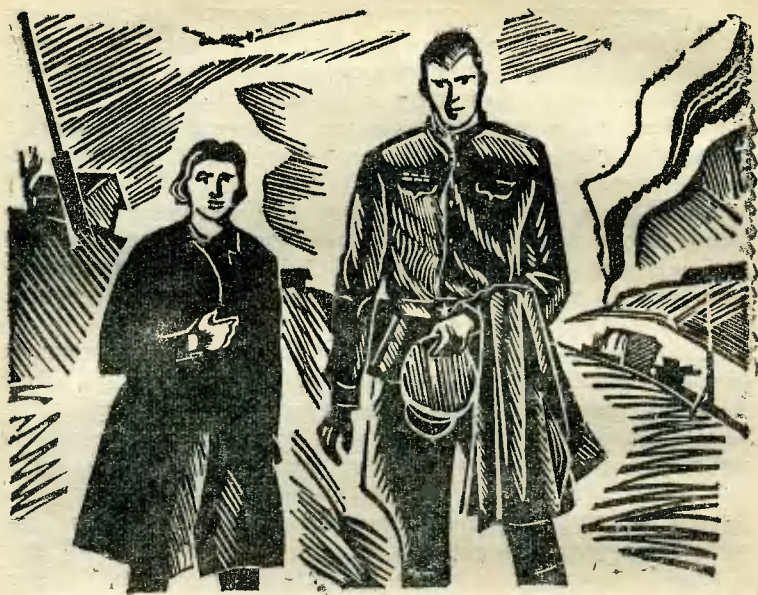
— Да, резкий такой...

— Ну, это не он кричал. Это тело его кричало. Такое бывает... Бывает. Когда в беспамятстве боль принимаешь... — Он задумался, потом сказал: — Слушай, майор. За такое вообще-то Героя полагается, но там... — Он неопределенно дернул подбородком. — Одним словом, сделаем так. Этих двух представь к Отечественной первой. А спасителя — к медали. Все. Я поехал. А то саперы пошли...

Противник, разрешив занять плацдарм, очень обоснованно доложил, что внезапное наступление русских удалось не только разгадать, но и приостановить. Довольно значительные, но неизбежные при этом потери были в общем-то оправданы. Таким образом, первая в летней кампании инициатива русских на этом фронте оказалась пресеченной.

Командующий фронтом доложил в Москву, что хотя захваченный плацдарм и невелик, но очень перспективен. Он подчеркнул, что операция прошла строго по плану и с незначительными потерями, но противнику нанесен серьезный урон и, главное, сорвана его наступательная операция.

Все занялись своими неотложными делами и только майор Лебедев все чаще и чаще вспоминал курносенький профиль телефонистки.

ШТРАФНОЙ УДАР

1

Августовская ночь роняла беззвучные звезды, и они, скатываясь по темной глади, вызывали смутное ощущение тревоги и жалости о чем-то утраченном.

Впереди зарницами перекатывались всполохи артиллерийской дуэли; вспышки выстрелов казались светлее и яростнее, чем отсветы разорвавшихся снарядов.

Слева метались столбы прожекторов, расцветала россыпь ярко-алых, с синеватым подсветом, разрывов зенитных снарядов — шел авиационный налет.

После удачного, но все-таки вялого советского наступления войска обеих сторон на этом участке фронта приостановились. Сплошной линии обороны еще не существовало, хотя немцы сумели зацепиться на заранее подготовленных пленными и согнанными местными жителями укреплениях. Правда, их не успели окончить

строительством и потому вместо сплошных траншей противник довольствовался огневой связью отдельных опорных пунктов, промежутки между которыми перекрывались патрулями и минными полями.

Войска обеих сторон принимали пополнение людьми и техникой, подвозили боеприпасы и горючее, рыли траншеи и ходы сообщения.

В Н-ской армии тоже наступило относительное затишье, хотя молодежь иногда проверяли в бою: стрелковые дивизии еще вели короткие бой-схватки с противником, отвоевывая высоты, деревеньки, перерезая дороги. Пехоту поддерживали танкисты.

Вся эта не входящая в сводки Совинформбюро боевая деятельность требовала постоянного напряжения сил, расхода боеприпасов и, к сожалению, крови: фронтовые ППГ — полевые подвижные госпитали почти пустовали, но в медсанбатах и армейских госпиталях работы хватало...

Доставалось и разведчикам. От них, пожалуй, требовали даже излишне много: постоянно уточнять зыбкий передний край обороны противника, следить за сменой его частей и подразделений, что, в сущности, являлось обыденной работой, но еще и беспокоиться о предстоящем, как всем казалось, неминуемом наступлении. Никому не верилось, что армии придется закрепиться на достигнутых рубежах. Хотелось идти вперед, пусть с кровью, со смертью, но все-таки вперед.

Разведка на предстоящее наступление требовала дополнительных сил и средств. Между тем они поубавились в период проведения предыдущего удара и в ходе сегодняшней боевой деятельности. Вот почему майор Лебедев был не то что не доволен, а озабочен новым приказом командующего: организовать прорывывание дальних тылов противника, определить возможные пути продвижения крупных механизированных колонн в обход опорных пунктов к областному центру, который пока еще в далеком тылу врага, а главное, уточнить резервы врага.

Задание предусматривало посылку в тыл квалифицированных, всесторонне подготовленных офицеров. А где таких набрать? Хороших специалистов, дельных и смелых офицеров, конечно, много. Но ведь нужен человек, владеющий не только несколькими военными специальностями, но и данными и опытом разведчика. Лебедев мыс-

ленно перебирал офицеров полковой и дивизионной разведок и с грустью понимал, что нужных ему универсалов среди них мало. Впрочем, некоторых на время отсутствия могут заменить их помощники — сержанты, а других и не заменить: им, опытным, достались только что пополненные молодежью взводы и они еще должны сделать из них настоящих разведчиков.

Всего требовалось послать в тыл три-четыре группы. Руководителей двух Лебедев мысленно определил, для третьей годились две кандидатуры, а вот для четвертой... для четвертой оставался только младший лейтенант Андрей Матюхин.

Младшим лейтенантом Матюхин стал в госпитале, куда попал после предыдущей разведки. Он слегка прихрамывал, точнее, не прихрамывал, а, как бы не веря в свою раненую ногу, более осторожно ставил ее на землю. Из-за ранения в грудь врачи собирались комиссовать Матюхина, перевести в нестроевые, но Андрей попросил дать ему еще некоторое время на лечение. По ночам он уходил за госпитальные палатки — ползал, бегал, прыгал, кувыр-кался. Дней через десять пришел к лечащему врачу и сказал:

— Проверился. Воевать могу. Можете комиссовать, можете не комиссовать, а на передовой буду.

Так он вернулся в свою разведывательную роту и стал командиром того самого взвода, в котором когда-то служил рядовым и где заработал право на присвоение офицерского звания.

Майор Лебедев оберегал Матюхина, следил, чтобы его взводу не давали пока серьезных заданий. Но сейчас, кажется, пришло и его время...

Майор постоял у своей избы, отметил, что артиллерийская дуэль уже окончилась, а бомбежка, видимо, дала немного — зарево казалось тусклым, значит, пожар разгорелся невеликий.

Как и каждому разведчику, майору нечасто приходилось спать полную ночь. А в этот поздний и почему-то тревожный августовский вечер спать и вовсе не хотелось. Конечно, можно было бы засесть в душной избе, засветить стеариновую плошку и углубиться в чтение специальной литературы, которую щедро подбрасывали из тыла, можно было и просто поваляться на постели, но духота... Окна раскрыть нельзя — светомаскировка... Бездельничать же майор не умел. Его крепкое, тренированное тело

требовало усилий, движения, а мозг уже работал на будущую разведку.

Служебный «виллис» стоял за избой, слабо поблескивая стеклами и рано выпавшей росой. Шофер спал на брошенной возле хлева телеге, и майор не стал его будить, сел в машину, вынул второй ключ зажигания, завел двигатель и тихонько, будто на ощупь, выехал со двора. Шофер так и не проснулся.

За околицей Лебедев опустил на капот ветровое стекло — так удобнее следить за серой проселочной дорогой — и поехал в дивизию, чтобы поговорить с младшим лейтенантом Матюхиным. Наученный горьким опытом, он старался не вызывать к себе людей, а бывал у них. Преимущественно в темноте — надежнее маскировка.

Дорога вилась между polegших, кое-где тронутых оспинами разрывов и исполосованных гусеницами и колесами хлебов, затаенно-темных перелесков, в которых тревожно угадывались белые стволы берез. Это мелькание белых, странно-неживых стволов настораживало, подстегивало первы, и майор, сам того не замечая, передвинул кобуру с трофейным вальтером на живот и чуть прибавил скорость. Узкие лезвия света, вырываясь из-под надетых на фары светомаскировочных коробок, скользили по бархатисто-серому проселку, не трогая ни хлебов, ни леса, ни разбитых войной, горестно накренившихся ферм и овинов.

Километрах в трех от лесного хутора, где располагалась разведрота, по обеим сторонам песчаного проселка встали высокие, смутно бронзовеющие сосны, у комля прикрытые разрастающимся подростом — бор старел. Сразу потемнело, и подлесок под фарами высветлился. По днищу и крыльям зашуршали отбрасываемые колесами песчинки.

Прислушиваясь к этому новому звуку, майор не заметил, как из подроста вынырнули три стремительные фигуры и бросились наперерез «виллису». Лебедев увидел их почти перед самой машиной и инстинктивно нажал на тормоза.

— Сто-ой!

«Контрольно-пропускной пункт? — подумал Лебедев, но мгновенно решил, что здесь, на глухом проселке, его быть не должно. — Может, просятя подвезти?»

Однако окликнувшие снововисто расположились что-то уж слишком странно: двое по сторонам проселка, тре-

тий — в центре. Отсветы фар прилипли по изготовленным автоматам. Какие это автоматы, майор не разглядел.

Теперь Лебедев уже не гадал и, пожалуй, не думал. Все свершалось как бы само собой. Он резко вывернул руль и так же резко нажал на газ. Машина вздрогнула и взвыла, но скорость набирать не спешила: колеса пробуксовывали в песке. Лебедев нагнулся и рывком схватился за рычаг, включая передние ведущие колеса.

Над головой пронеслась автоматная очередь. Лебедев боковым зрением увидел вспышки выстрелов слева. Он пригнулся еще ниже и уже в отчаянии нажал на газ. Машина рывком, с дрожью метнулась вперед. Что-то глухо ударилось о крыло. Повиливая рулем, бросая машину из стороны в сторону, майор помчался по проселку, мечтая об одном — где-нибудь на повороте не врезаться в дерево.

Сзади звонко забарабанили пули, потом донесся звук выстрелов. Впрочем, это могло только показаться. Мозг работал лихорадочно и потому, вероятно, смог разделить эти два, обычно сливающихся звука — выстрела и попадания. Лебедев вдруг ощутил, что фуражка у него упала и по щеке неторопко течет густая теплая струйка, а в висках гулко стучит.

На повороте машину занесло, и Лебедев повалился было на бок, но, словно сведенные судорогой, руки удержали его, и он успел вывернуть руль. В висках стучало все громче и звонче, а левый глаз заливала кровь, и потому поворот не удался. Машина перемахнула дорогу и чуть не врезалась в подлесок. Майор еще крутанул руль, и юркий «виллис» перескочил на противоположную обочину. Лебедев опять вывернул руль и, вероятно, сумел бы в конце концов повести машину по зыбкой, песчаной дороге, но под передний дифер подвалился полусгнивший пень, машина дернулась, приподняла передок — и мотор захлебнулся. Майор ткнулся грудью в руль. Голова его мотнулась, в шее что-то хрустнуло, и Лебедев потерял сознание.

Командир отдельной разведывательной роты капитан Маракуша, невысокий, плотный, со строгим, не улыбочным, но, пожалуй, красивым лицом — в сумерках оно ка-

залось темным, — сидел на лавочке возле избы, курил и в разговоре с Андреем Матюхиным проверял свои мысли.

Младший лейтенант Матюхин достаточно хорошо знал своего командира, чтобы не понять, что стоит за его вопросами. Потому отвечал не торопясь, обдумывая каждое слово. Матюхин чувствовал, что капитан Маракуша почти принял какое-то решение и сейчас лишь уточняет детали.

— Таким образом, тактика форсирования переднего края противника остается прежней? — с легкой иронией спросил Маракуша.

— Обстановка примерно та же, — значит, и тактика может быть той же.

— Не слишком долго вы над этим думали, младший лейтенант, не слишком.

— Изменится обстановка — изменятся и наметки.

— Ну хорошо... Хотя хорошего пока ничего не вижу. Шаблон есть шаблон...

— Почему же шаблон?

— А потому, что сегодня не вчерашний день. Разбогатели. Могут обеспечить посолідней. А вы не учитываете...

— Товарищ капитан, я предполагаю решение исходя из вводной. Самолетов для заброски группы в тыл врага нам не выделяют. Танков или бронетранспортеров тоже, да, честно говоря, они и не нужны. Значит, случай классический: преодолеть оборону противника в лоб. Иного выхода не вижу.

— Предположим. Но где и как?

— Опять-таки, если судить по вашей вводной, на участке второго батальона ковалевского полка. Там — траншеи, проволочные заграждения, но пока еще нет минных: склоны высоты довольно круты, и противник не спешит их минировать. Так вот в этом случае нужны сильные, очень сильные обеспечивающие группы. Они примут огонь на себя только после того, как группа минует проволочные заграждения.

— А как об этом узнают группы обеспечения?

— Сигналом. Например, веревкой. — Маракуша промолчал, и Матюхин после паузы продолжал: — После сигнала обеспечивающие группы открывают огонь, а группа прорыва перескакивает траншею противника и уходит в тыл.

— Как все просто! А если заметят?

— Как всегда, есть два выхода. Первый — заметивших надо уничтожить. Если огонь обеспечивающих групп будет достаточно силен, главное — своевременен, то прорывающиеся могут пустить для этого в ход даже автоматы, но ни в коем случае не гранаты. Лучше всего кончить дело холодным оружием и уходить как можно дальше в тыл врага. Если так не получится, то напрашивается второй выход — возвращаться назад и искать более подходящее для перехода место.

— Второй выход, как мне кажется, основной? — подозрительно прищурившись, спросил Маракуша.

— Да.

— Почему?

— А какой смысл лезть на высоту, под проволоку, на траншеи, если есть полупустые участки?

— Они минированные!

— Значит, в группе должны быть минеры. Еще лучше — обучить всех участников разминированию, а если такие уже есть в роте — включить их в группу. Тогда сменится и тактика: будем не прорываться через оборону, а как бы прогрызать ее... втихаря, по-мышинному.

Капитан Маракуша отшвырнул папиросу. Только для одного капитана да еще для командира дивизии в воен-торговом ларьке всегда находились папиросы: в нем торговал бывший подчиненный капитана, списанный по ранению разведчик. Несмотря на строжайшие предупреждения и разносы, он упрямо снабжал бывшего своего командира самыми дефицитными товарами. Об этом знали многие и, возмущаясь, все-таки уважали и Маракушу и продавца: в их верности и пусть мелком, но бесстрашии перед общим мнением было что-то доброе, настоящее.

Папироса летела долго, ударилась о начинающий деревенеть бурьян и рассыпалась оранжево-багровыми искорками, странными и тревожными в этой темной, не пофронтному тихой ночи.

Почти сейчас же в тылу, слева и впереди от офицеров, ударила короткая автоматная очередь, потом вторая... третья. Капитан Маракуша не шевельнулся, только глаза у него сузились и уши, кажется, напряглись. Хотя Матюхин отлично знал, что человеческие уши напрягаться не могут, ему показалось, что это именно так, и он с тревогой повернул голову на выстрелы.

Где-то в глубине леса взревел автомобильный мотор,

потом еще и еще. Снова горохом рассыпались короткие автоматные очереди.

Капитан, не повышая голоса, приказал:

— Матюхин! Роту в ружье!

Еще не понимая, зачем это нужно, но приученный мгновенно и точно выполнять команды, Матюхин заорал:

— Рота! В ружье!

Через секунду-две, когда прошла первая острота, дневальные дурными голосами повторили команду и с чердаков, сеновалов, из огородов и домов высыпали разведчики, еще натягивая гимнастерки, еще подбивая на бегу не севшие как следует сапоги. Опоясывались они уже в строю.

Не ожидая, пока командиры взводов подадут команду «Смирно» и доложат о готовности, Маракуша подозвал офицеров и, принимая из рук ординарца свой автомат и каску, махнул рукой в сторону то исчезающего, то вновь возникающего шума автомобильного мотора, приказал:

— В этом направлении прочесать лес. Дистанция между солдатами — три — пять метров. Всех неизвестных задержать. Разворачивайтесь по порядку взводов. — Подумал и добавил: — Взять фонари. — И побежал к лесу, на ходу застегивая ремешок каски под выдвинутым вперед тяжелым подбородком.

Ставя задачу своему взводу, Матюхин сообщил о выстрелах, и по цепи пошло это известие. Слушая стремительный солдатский телеграф, Андрей подумал: «Странно, капитан даже не попытался разъяснить задачу...»

Развить свою мысль он не успел: взводы бегом догоняли командира роты. Увлекаемый общим движением, заражаясь им, Андрей все-таки успел с веселым недоумением отметить: «Как же быстро он сориентировался!»

Ночной лес со всех сторон обступил солдат, взводы замедлили шаг, говор смолк, и наступила та молчаливая сосредоточенность, которая даже воображаемую опасность превращает почти в реальную.

Взвод перевалил лесную грядку и стал спускаться в ложину, когда справа, от третьего взвода, долетел шумок, — там вспыхнули и погасли фонари, и солдатский телеграф передал:

— Нашли раненого майора Лебедева. Шофера нет.

Андрей Матюхин замедлил шаг, и разведчики, равняясь на него, тоже приостановились. Со стороны третьего

звуда донесся шум мотора, вспыхнули острые лучики заделанных в коробки фар. Потом прибежал связной и передал приказание капитана продолжать прочесывание. И они еще долго шли в затаенном бору, прислушиваясь и приглядываясь, но так ничего подозрительного и не обнаружили.

За завтраком капитан Маракуша недовольно буркнул Андрею Матюхину:

— Пока мы соберемся в их тыл, они у нас нашебаршат.

— Майор здорово ранен? — спросил Матюхин.

Маракуша неторопливо и, как показалось Андрею, подозрительно не то что взглянул, а осмотрел его и, спрятав взгляд, ответил:

— Нет. Не очень. Только с головой у него что-то... Кстати, его «виллис» стоит за моей избой.

Капитан наклонился над котелком — это тоже, как и папирсы, было его странностью. Когда приезжало начальство, ординарец немедленно выставлял настоящие тарелки — в его хозяйстве посуды собралось порядочно. Но когда гостей не было, капитан питался с общей кухни, ел из котелка и обязательно деревянной ложкой. И это многим нравилось.

После завтрака Матюхин пошел за избу и долго ходил вокруг «виллиса» майора Лебедева. Кровь на сиденье и руле потемнела, стала почти черной и уже не волновала. Удивляло другое: и бока машины, и сиденье, и даже капот были испятнаны пробоинами и пулевыми росчерками. Казалось, уцелеть в такой машине просто невозможно. Однако майор уцелел...

«Что ж, может, и закономерное... — подумал Андрей. — В училище говорили: для того чтобы в современной войне убить одного солдата, нужно истратить около тонны взрывчатки и металла... А может быть, и гораздо больше».

В тот день он долго думал о черных пятнах крови и блестящих пулевых росчерках на металле.

Утром в избе командующего армией, как обычно, собралось штабное начальство. И, как всегда, кто-то сидел на кухне, ожидая своего часа, а кто-то уже стоял в горнице командующего на домотканых, правда, иной, чем в предыдущей избе-стоянке, расцветки тряпичных половиц.

ках, и солнце — сытое, августовское, с утра опаляющее жаром — высвечивало с другой стороны.

Неслышной, мягкой походкой привычно выпагивал по комнате член Военного совета генерал Иван Харитонович Добровольский, и полковник Целиков — начальник армейского «Смерша» — сидел на любимом месте, с краю стола, положив тяжелую белую руку на папку с документами, и начальник штаба, прислушиваясь к словам командарма, быстро, сноровисто просматривал бумаги, шуршал картами — бумаги он любил и уважал. А посреди комнаты, на половичке, ощущая, как солнце припекает даже сквозь тронутые пылью сапоги, стоял начальник разведотдела армии полковник Петров и присматривался к присутствующим.

То, что командующий не пригласил его присесть за общий стол, подсказывало, что «именинником» сегодня станет именно он. Это волновало и обижало. В конечном счете в происшествии с майором Лебедевым виновата не разведка, а контрразведка. Ей и отвечать за то, что в нашем тылу оказались вражеские диверсанты. Но начальник «Смерша» преспокойно сидит за столом — квадратный, плотный, невозмутимый.

Член Военного совета коротко, исподлобья взглянул на командующего, остановился сбоку от Петрова и предложил:

— Садитесь, полковник. В ногах правды нет.

Петров вдохнул поглубже — сам того не замечая, он сдерживал дыхание, словно опасался потревожить начальство, — и облегченно подумал: «Во-от в чем дело! Ведь подобные происшествия прежде всего касаются члена Военного совета. Он отвечает за поддержание бдительности».

Это успокоило Петрова. Он уважал члена Военного совета — немногословного, быстрого на подъем и в общем-то справедливого генерала Добровольского, потому разрешил себе пошутить:

— Правильно отметили, товарищ генерал, вся правда у начальства.

— У подчиненных ее не меньше, — несколько более резко, чем требовалось для установления доверительной, деловой обстановки, ответил командующий. — Только они эту правду, к сожалению, иной раз придерживают.

В комнате стало очень тихо, и командующий уже мягче спросил:

— Как там майор?

— Думали, будет хуже, — поднялся Петров. Командующий махнул пухлой, большой рукой: сидите. Но полковник не сел: он привык отвечать стоя. — Ранения не тяжелые. Да вязы, как говорится, растянул. У врачей, правда, на этот счет есть какое-то умное название...

— Этого еще недоставало! Как же он умудрился?

— Не помнит. Шофер считает, что, когда машина налетела на пень, майора по инерции сильно дернуло вперед. А поскольку он уже был ранен в голову, то не успел напрячься — инстинкт противодействия не сработал. Сейчас лежит и шутит: хорошо, говорит, что голова не оторвалась. Жилы крепкие.

— За каким чертом его одного понесло? Не мог шофера разбудить?

«Понятно, — отметил Петров, — расследование проведено. Начальству доложено».

— А что бы изменилось, если бы он поехал с шофером?

— Ну все-таки... Хоть бы отстреливался... Наконец, ординарца мог бы взять.

— Товарищ командующий, ординарец у нас один на всех, да он еще и писарь. Кроме того, майор уже однажды ошибся: не там машину ставил. Естественно, сейчас он особенно осторожен...

— Осторожность, граничащая с беспшабашностью. Надо запретить старшим офицерам ездить без охраны. Они слишком много знают...

— Это правильно, товарищ командующий, но... не для разведки, — неожиданно вмешался полковник Целиков. Петров покосился на него: поддержки с этой стороны он никак не ожидал.

— Это почему ж им такая привилегия? — недовольно поморщился командующий.

Он не любил возражений с ходу, о чем Целиков не мог не знать, и все-таки позволил себе вступить в разговор, что насторожило присутствующих. Но Целиков словно не заметил изменения настроения.

— Чем меньше людей знает, куда, зачем и когда ездит или ходит разведчик, тем больше шансов на успех самой разведки. А ведь и ординарец, и шофер — люди. У них есть знакомые, их видят и по стечению фактов иные, дотошные, делают выводы. Чаще — беспочвенные, иногда — правильные. Но даже если иногда, все равно опасно.

— Ты своему начальству доложил о происшествии? — спросил командующий.

— Докладил.

— И что же?..

— Судя по тому, что разговор отложен, полагаю, группа не единичная. Да и прошлые ориентировки...

— Вот так! Они ползают, а мы сидим и ждем.

Командующий вздохнул и посмотрел на Петрова. Полковник выдержал взгляд и подумал: «Смершевцы» явно проходят стороной, а нам придется-таки отдуваться. Впрочем... впрочем, «Смерш» для того и создан, чтобы бороться с врагом особого рода — шпионами. А наше дело...»

Командующий резко спросил:

— Когда же отправятся ваши, полковник Петров?

— Товарищ командующий, разведка не получила на сей счет конкретной задачи. Возможные варианты... отрабатываются.

— Возможные варианты... — буркнул командующий.

Но его перебил член Военного совета генерал Добровольский. Он обратился к начальнику «Смерша»:

— Какие меры вы приняли, чтобы обезвредить разведгруппу противника, и что сделано для предотвращения подобных явлений?

Полковник Целиков поднялся, и Петров понял: Добровольский чем-то недоволен и работники «Смерша» знают об этом.

— Засады, усиленное патрулирование, создание особых оперативных групп, усиление контактов со связистами на предмет перехвата возможных передач, разумеется, пеленгация. Кроме того, вместе с начальником политотдела уточнена тематика и уже проводится агитационно-пропагандистская работа во всех частях и подразделениях. Особый упор делается на части резерва.

— Все это — взгляд назад, в наш тыл. А вперед? В сторону противника?

— Не совсем понял...

— У вас рождалась мысль, что разведчики противника двигались не в наш тыл, а стремились перейти линию фронта? Ведь, как мне известно, за последнее время не было зарегистрировано ни одной передачи из нашего тыла. Так?

— Да. — Начальник «Смерша» наклонил лобастую голову, широкие его плечи раздвинулись и стали еще

шире. — Вы считаете, что группа не имела радиостанции и теперь возвращается с собранными разведданными?

— Полковник Петров, — Добровольский резко повернулся к разведчику, — вы допускаете такую возможность? Исходя из обстановки: насыщенность войсками прифронтовой зоны, неустоявшаяся линия фронта и так далее. Вы как бы поступили в данном случае?

«Член Военного совета задает умные вопросы. И кажется, ясно, куда он клонит», — подумал Петров и ответил:

— Вариант возможный. Радия могла забарахлить при переходе линии фронта или была разбита при выброске с самолета, наконец, просто вышла из строя. А может быть, группе не придали радию — задание было конкретным и кратковременным. В этом случае мне не ясно, зачем им понадобился «виллис»? Ведь они не могли ни увидеть, ни предположить, что за рулем сидит майор. И в немецкой, и в нашей армии старшие офицеры далеко не всегда садятся за руль. Значит, они охотились за машиной.

— Вы в этом уверены? — впервые вмешался в разговор начальник штаба. Он оторвался от бумаг и, почесывая толстым красным карандашом переносицу, внимательно смотрел на Петрова.

— Мне доложили, что в скаты машины не попала ни одна пуля, значит, по скатам не били. Хотя для того, чтобы остановить машину, следовало прежде всего бить по шинам. Следовательно, били по шоферу. Он им не требовался.

— Резонно, — сказал начальник штаба и опять уткнулся в бумаги.

— Вот поэтому мы и уделили основное внимание тыловым частям, — вмешался Целиков.

Член Военного совета обменялся быстрым, едва уловимым взглядом с командующим и спросил:

— Скажите, товарищи, вы не обращали внимание на то, что легковые машины тщательно проверяются на контрольно-пропускных пунктах, когда они едут в тыл? Но когда они едут на передовую, бдительность явно притупляется. И еще. За все время войны я что-то ни от кого не слышал, чтобы его машину задержали где-нибудь впереди линии расположения штабов дивизий. Там устанавливаются или уже установились никем не писанные правила, по которым любая легковая машина обязательно

своя и обязательно начальства, а поэтому проверять ее не следует. И машины носятся где хотят и как хотят...

— ...иногда напарываясь на минные поля или попадая под обстрел,— усмехнулся командующий.

Добровольский подвел-таки свои рассуждения-вопросы к логическому концу, и Петров увидел, как побагровела крепкая шея начальника «Смерша» полковника Целикова — обнаруживался просчет.

— Вы правы, товарищ генерал, — сразу согласился Целиков, — не подумали. Сейчас же переориентирую людей.

Начальник штаба поднял голову и вопросительно посмотрел на командующего. Тот, как будто ждал этого взгляда, неторопливо кивнул.

— Да. Оформите приказом по армии.

— Приказ приказом, — сказал Добровольский, — но мне хочется знать, что думает разведчик о возможном замысле этой группы противника?

Полковник Петров помедлил, но ответил четко:

— Очевидно, сведения собраны и группа стремится пробиться за линию фронта. На «виллисе» она могла бы быстро и почти безопасно проскочить до самого переднего края, используя психологический настрой людей передовых подразделений: раз легковая машина, значит, начальство. И даже через него. Тем более что далеко не везде есть сплошная линия траншей.

— Резонно, — сказал начштаба, не поднимая головы.

Добровольский уточнил:

— Хуже того, могут еще пленных прихватить. Этакая механизированная группа захвата. Учтите, что на машине ночью они рискуют не намного больше, чем при обычном поиске. Наши поначалу растеряются, подумают, что начальство просто заблудилось, и не будут вести огонь. А немцы не такие дураки, чтобы бить по машине, которая сама едет к ним в гости. Нет, товарищи, такой вариант или, как говорите вы, разведчики, такая легенда вполне возможны.

Член Военного совета опять прошелся по горнице, ступая мягко, почти неслышно, склонив черноволосую голову, словно что-то выискивая на полу. Начальник «Смерша» громко вздохнул и, уже обращаясь к командующему, сказал:

— Что ж, диверсанты, видимо, матерые... А раз так, то, во-первых, им, знающим наши обычаи...

— Внешнее проявление дисциплины, — махнул рукой Петров, — у фрицев крепче, чем у нас. Так что...

— Кстати, вы это учтите, — сказал ему Добровольский.

— Слушаюсь, — отозвался полковник Петров, хотя еще и не представлял, каким образом его разведчикам пригодится тактический прием, придуманный противником.

Начальник «Смерща» с точностью до мгновения выдержал нужную паузу и продолжил:

— ...Сегодня совершенно ясно, что их вариант не удался и уже не удастся. Они вправе подумать, что кто-нибудь да разгадает их... уловку. Это означает, что они, во-вторых, готовят запасной вариант перехода линии фронта. Вот этим вариантом и следует заняться. Вину принимаю. За тем, как нам удастся перекрыть передний край, прослежу лично.

— Петров, — приказал командующий, — к вечеру подготовьте легенды для двух, самое большее, трех разведгрупп. — Он помедлил и спросил: — Кстати, те ребята, что отличились в прошлой... вылазке, на месте?

— Так точно, товарищ генерал. Одному из них вашим приказом присвоено звание младшего лейтенанта, второму — старшины.

— Вот и о них не забудьте, если... если они в форме.

— Проверю, товарищ генерал.

Начальник штаба передал командующему лист бумаги с проектом приказа о запрещении пользоваться легковыми машинами в непосредственной близости от переднего края и резком повышении бдительности.

Командующий читал так внимательно и отчужденно, что и разведчику, и «смершевцу» стало понятно, что высшее командование армии их не задерживает.

— Разрешите идти? — спросил Петров и вышел вместе с молчаливым «смершевцем».

4

Став командиром взвода и присматриваясь к своим людям, Матюхин старался задним числом понять Зюзина, своего товарища по училищу. Почему, например, Зюзин добился перевода в разведку снайпера Николая Грудинина? Ведь его почти не включали в поисковые или разведывательные группы. Грудинин в основном вел наблюдение на переднем крае, а наблюдателей в разведке

много. В сущности, каждый должен быть отличным наблюдателем, а других особых качеств за снайпером не отмечалось.

Длиннорукий, сухощавый, с маленькими острыми глазами на костистом, нервном лице, Грудинин держался в стороне от разведчиков, может быть, потому, что был много старше большинства из них — ему под сорок.

На занятиях Грудинин казался явным середнячком: все делал с должной добросовестностью, но без огонька. В свободное время, взяв винтовку с зачехленным оптическим прицелом — на занятия он являлся с автоматом, — Грудинин подходил к командиру взвода и, вытягиваясь, просил разрешения обратиться. Матюхин кивал.

— Разрешите отлучиться на два часа на стрельбище для отработки тренировочных упражнений.

Ни разу Грудинин не изменил порядка слов, ни разу не поднял взгляда на взводного. И отходил он от командира как-то странно — боком, мягко, бесшумно и каждый раз новой дорогой. Матюхин следил за его сутуловатой спиной и замечал, как перед опушкой она распрямлялась, походка становилась легкой, скользящей и Грудинин словно растворялся в разное время.

В тот день, когда Андрей рассматривал машину майора Лебедева, обычные занятия отменили — люди не спали всю ночь, но Грудинин все равно подошел к лейтенанту и попросил разрешения потренироваться. Думая о своем, Матюхин кивнул. Спустя некоторое время он обернулся, чтобы проводить взглядом снайпера, и... понял Зюзина.

Разведчики противника так и не сумели расстрелять майора. А ведь он ехал в открытом «виллисе». Немцы же, как правило, пользуются закрытыми машинами, кузова которых сделаны из добротной немецкой или французской стали. Издалека такую сталь автоматная пуля может и не пробить. А снайпер... Снайпер убьет любого, на выбор, одним выстрелом. Вот на случай особого задания в тылу противника Зюзин и держал Грудинина.

Догодка эта несколько ошеломила Матюхина, и он, чтобы проверить ее, стал выдумывать варианты поисков, в ходе которых снайпер мог бы стать хорошим помощником. Результаты решения поставленных самому себе задач с помощью Грудинина получались весьма обнадеживающими.

С этого времени Матюхин уже не думал ни о чем,

кроме предстоящего выхода в тыл врага. После обеда, так и не уснув, он отпросился у Маракуши на передний край: не терпелось по-новому на местности обдумать все возможные варианты перехода линии фронта.

Днем передовая обычно жила скрытно. В ближних кустарниках попискивали пичужки — ставшие на крыло весенние выводки пробовали голоса. Изредка глухо, лениво бухали одиночные артиллерийские выстрелы и, шелковисто шурша нагретым за день воздухом, где-то в блеклом небе проплывали невидимые снаряды. Матюхин автоматически, на слух, определял их калибр, прикидывал, где может стоять батарея и по какой цели она бьет.

К тому времени, как солнце стало багроветь и дневная жара сгустилась, стала тягучей и недвижимей, Матюхин добрался почти до правого фланга дивизии, до широкой пологой лощины. Она шла от наших позиций в сторону противника, пересекала его оборону и растекалась широким низинным лугом.

Матюхин прилег в густой, уже одеревеневший бурьян и долго наблюдал за немецкой стороной в бинокль. Раза два там мелькали каски солдат, отбрасывавшие длинные предзакатные тени. Когда зрение свыклось с обстановкой, Матюхин заметил хорошо замаскированные щиты двух противотанковых орудий. Точнее, орудий, не обязательно противотанковых, поставленных на прямую наводку.

Что ж, они здесь не лишние — лощина могла сослужить неплохую службу атакующим танковым частям.

И именно это смутило Матюхина. Противник не дурак, ох не дурак... Почему же он так ненадежно прикрыл танкоопасное направление?

Андрей обернулся, пытаясь чужим взглядом, будто со стороны, оценить позиции своих войск. Метрах в двухстах от него пологие края лощины сужались, становились круче, чтобы дальше перейти в овраг, заросший в глубине кустарником. Там, в овраге, танки не развернутся и даже не спустятся на дно — скаты слишком круты. Следовательно, они должны будут обойти овраг слева или справа, а уж потом спускаться вниз, в удобную для атаки лощину. Для этого им придется пройти по пологим, обращенным к противнику скатам через незасеянные поля. Укрытий никаких. Любой танк, любую автомашину противник увидит за несколько километров. Увидит — и немедленно перебросит на это направление противотанковый резерв,

встретит заградительным артогнем, вызовет авиацию. Кроме того, и сама лощина наверняка перерезана минными полями, которые прикрываются вон теми самыми солдатами, каски которых отбрасывают такие длинные тени.

Ну а если противник бросит сюда свои танки?

Матюхин опять стал смотреть в сторону врага. Вряд ли... Наши тоже увидят их издалека и сделают то же, что и противник, — вызовут и артогонь, и авиацию. Наверняка и справа и слева от лощины уже созданы противотанковые узлы. И уж конечно есть минные поля.

Получался классический пример штабной войны. Войска в ней играют как бы вспомогательную роль. Все решает штабная мысль. Но... Но войска далеко не всегда придают значение вот такой безмолвной штабной войне, войне мыслей, тактической выучки, предусмотрительности, бдительности. Они свыкаются с кажущимся безмолвием и ослабляют бдительность и силы. По-видимому, противник так и сделал. Да и наши успокоились...

Словом, надо учесть и проверить. Возможно, именно здесь и находится наиболее удобный проход в тыл врага. Мины? Ну что ж... Придется попросить надежное саперное прикрытие. А каковы скрытые подходы для разведчиков? Правда, можно выйти сюда ночью, но лучше выдвинуться в светлое время, приглядеться к местности и перед переходом линии фронта как следует послушать и понаблюдать. Похоже, что овраг может сослужить добрую службу...

Матюхин опять повернулся в тыл и увидел, что над опушкой не такого уж далекого леса поднимается столб дыма, почему-то отдающий в оранжевость, даже в красноту.

«Странно! Его же не было... И почему он такой... рыжий? Впрочем, ответ закатного солнца. Идиоты какие-то! Развели костер. Фриц как саданет...»

На фоне оранжевого столба неторопливо, как искорки от невидимого костра, пролетели вверх три трассирующие пули.

«Нет, в самом деле идиоты — открыли стрельбу в тылу! — выругался про себя Андрей, и чужая недисциплинированность сбила отличное творческое настроение. Думать не то что за чужих, даже за своих разведчиков уже не захотелось. — Надо двигать домой, а то ужин прозеваю».

Поляком Матюхин пробрался к кустарнику, а там где согнувшись, перебежками, а где и в рост выбрался в не наблюдаемый противником овражек. Это ничего, что пришлось поползать. Если место действительно окажется удобным для перехода линии фронта, пусть наблюдатели противника так и не засекут появление здесь человека. Одиночка всегда подозрителен. А зарождать подозрительность у врага Андрей, естественно, не хотел.

Уже в сумерках он пришел на хутор. Повар поставил перед ним котелок с перепревшим ужином и заговорщически шепнул:

— Вас туточки капитан шукав...

Наскоро перекусив, Матюхин пошел к командиру роты.

Маракуша встретил его на крылечке избы, поднялся навстречу и, не дав доложить о прибытии, пошел к лесу.

— Догадываешься? — не оглядываясь, спросил Маракуша у шагающего чуть сзади Матюхина.

— Почти...

— Вообще-то ничего еще не решено, но... Ох, не положено такое говорить, да уж пусть будет как будет.

Младший лейтенант отметил доброжелательный тон своего командира и насторожился.

— Приезжало начальство, интересовалось боевой подготовкой и спросило, как мы готовы к выходу в тыл. Что ответишь?! Постоянная боеготовность, как говорится, основа нашей деятельности. Поинтересовалось и тобой персонально. Как, дескать, ты: не хромаешь ли, не простудился ли и веселое ли у тебя настроение? Так вот, я хочу знать: как ты на это смотришь?

По необычному, шутливому настроению капитана Матюхин понял, что командир что-то скрывает. Он чувствовал: все происходило не так, как говорит капитан, и молчал.

Все действительно происходило не так, как рассказал Маракуша.

В роту приехал нечастый в ней гость — начальник разведки дивизии майор Зайцев, стареющий, рыхловатый, но подвижный и хитрый, а иногда излишне шумный человек. Накануне ему позвонил полковник Петров и поинтересовался здоровьем младшего лейтенанта Матюхина. Зайцев сразу понял, что ему придется готовить группу для заброски в тыл врага: общая обстановка явно того требовала. И хотя Зайцев не слишком любил тех сво-

их подчиненных, которые почему бы то ни было выдвигались без его помощи, как это случилось с Матюхиным, он мысленно согласился послать Андрея. Его следовало проверить еще раз. Кроме того, прошлая операция вывела из строя многих опытных офицеров, и Матюхин, пожалуй, мог «потянуть».

Но Зайцев не учел характера Маракуши. Как только он намекнул капитану, что предстоит операция, Маракуша заявил:

— Группу поведу я.

Зайцев поморщился — только этого не доставало... В принципе, конечно, Маракуша поведет группу не хуже, а, скорее, лучше других: офицер он волевой, грамотный, опытный. Но тогда вся работа по подготовке группы и, главное, по дальнейшему слежению за ней, вся ответственность за нее падают на него, Зайцева. Нет, он не боялся ответственности, не боялся любой, самой опасной работы: раз уж ты попал в разведку, этого не избежать.

Майор смотрел дальше Маракуши. Фактически его подчиненные будут работать на армейскую разведку, по ее заданию, на будущее. А Зайцев жил сегодняшним днем. Командир дивизии ежедневно требовал от него разведобстановку. Совмещать задания и, следовательно, перенапрягаться, брать на себя дополнительную ответственность майор не собирался. В случае же, если в тыл врага уйдет Матюхин или какой-нибудь другой командир взвода, Маракуша останется на месте и, значит, подготовку и последующее слежение можно будет переложить на него, а самому заняться главным: полковой разведкой, наблюдением, поисками, подслушиванием — всем тем, что майор Зайцев почитал основным в своей деятельности.

— Знаешь, Маракуша, не спеши. На твой век войны хватит, — миролюбиво сказал майор.

— Мне надоело сидеть, когда...

— Перестань! — перебил его майор. — Майор Лебедев ранен, и, как ты понимаешь, группой придется заниматься мне. А тебе я запрещаю об этом думать... пока. Рота на две трети разбавлена пополнением — подготовь его как следует, а потом уж и думай. — Все, что сказал Зайцев, не вызывало сомнения, но именно тут, чтобы окончательно добить капитана, майор и схитрил: — Кроме того, полковник Петров прямо назвал мне Матюхина. Ему, видишь ли, там, — Зайцев показал пальцем в потолок избы, — верят. Разумеешь?

Он сделал свое дело, этот хитрющий майор. Маракуша еще не проверял Матюхина как офицера. Боевая удача Андрея? Она единожды может быть у каждого. А разведка — это профессия. В разведке нужна постоянная удача. Ее нужно организовать, предусмотреть, ее надо добиться, отвоевать, вырвать у врага. На такое способен не просто умный и удачливый человек, а профессионал. Стать профессионалом Матюхин еще не успел. Данные у него, конечно, имеются, но... но спешить не следовало.

Конечно, в душе капитан понимал, что профессионалами не рождаются. Способных молодых ребят нужно и поощрять, и смелее продвигать по службе, а все-таки... все-таки не слишком рьяно. Вот почему слова майора Зайцева вселили в душу Маракуши не слишком доброе отношение к младшему лейтенанту Матюхину. И Матюхин это почувствовал, уловил в ходе внешне доброжелательного разговора.

— Что смотреть? — ответил Андрей капитану. — Приказа еще не было. А думать?.. Думать я думал. Да и вы готовили.

— И что же надумал?

— Полагаю, взвод брать не следует. Три — пять человек вполне достаточно. Если это будет разведка... без диверсионных задач. Группу наметил. Похоже, нашел и место для перехода линии фронта.

В сущности, Матюхин сделал все, что собирался ему приказать Маракуша. Это понравилось капитану, а из-за слов майора насторожило: быстрый очень... не самоуверенность ли здесь? Может, он считает, что, кроме него, в роте справиться с задачей больше никому?

Капитан испытующе взглянул на Андрея, и Матюхин неожиданно для себя признался:

— Группу-то подобрал, а... а в душе в ней еще не уверен.

— Почему, если подобрал?..

— Понимаете, товарищ капитан, какое-то странное ко мне отношение... Будто испытывают меня... Не ощущаю доверия... Вот и... волнуюсь.

«Нет, он не загордился, — подумал капитан. — Говорит правду, просто думает о будущем».

Но вслух сказал:

— Не очень это... хорошо.

— По-моему, даже плохо. На задание нужно идти, когда веришь подчиненным, а они тебе. Как, впрочем,

и друг другу. А я этого полного доверия к себе не замечаю.

— Пробовал свести отобранных в одну группу? Например, на занятиях? Поставить им особую задачу, походить с ними?

— Нет. Не делал.

— Почему?

— Если честно — опасаясь. Люди заметят, что я кого-то выделяю, и подумают, что я либо готовлюсь к чему-то — а это лишние разговоры и в конечном счете пусть не выдача, но намек на разглашение военной тайны, — либо подбираю любимчиков и тренирую их особо.

«Прав, — решил капитан. — Прав!»

— Но ведь рано или поздно придется собирать группу.

— Так тогда будет конкретная задача. А сейчас только варианты. И изучение людей. Притирка.

— А кто все-таки при случае пойдет с вами?.. Если придется, разумеется.

— Сутоцкий — мы с ним уже ходили — и Грудинин.

— А Грудинин почему? — помрачнел Маракуша: он собирался откомандировать Грудинина в батальон — делать снайперу в разведке нечего.

— Во-первых, он мне нравится: старательный и дела своего не забывает. Во-вторых, он старше всех, а там... — Андрей махнул рукой в сторону фронта, — там иногда нужен человек с житейским опытом. Не везде и не всегда возьмешь только выучкой. Там еще что-то нужно.

Матюхин не раскрыл, что еще нужно в тылу врага, но Маракуша понял его. Есть в разведке что-то неуловимое, что отличает ее от остальных видов боевой деятельности. Нужен ей и обыкновенный житейский опыт. Очень нужен. Когда и какой? Никто не знает... Потому что разведка — всегда творчество в самых различных, неповторяющихся обстоятельствах. И Маракуша согласно кивнул.

Они молча шли к опушке леса, вдоль слабо накатанной полевой дороги, поднимая сапогами уже невидимую, пахнущую увяданием знойную пыль, и слушали, как где-то в поле еще робко, словно примериваясь, покрикивают молодые перепела: «Пить-пойдем».

Тут их догнал на «виллисе» подполковник армейского «Смерша» Каширин. Он легко соскочил с машины, ловко, но несколько небрежно ответил на приветствие младших офицеров и сразу приступил к делу:

— Капитан, вы участвовали в прочесывании леса, где ранили Лебедева. Что вы заметили необычного?

— Если бы заметил, принял бы меры или доложил, — пожал плечами Маракуша — он недолюбливал «смершевцев».

— Это понятно. Впрочем, знаете, как иногда бывает: вначале в горячах замеченному не придаешь значения, потом оно как бы всплывает в памяти — мелкое, незначительное, даже непонятное, но чем-то примечательное. Такого не обнаружилось?

— Никак нет, товарищ подполковник.

— Жаль. А вы, товарищ младший лейтенант, ничего не заметили?

— Никак нет, товарищ подполковник.

— Опять жаль. И еще. Ваши люди несут службу на передовой. Сами вы там бываете. В тот день или сегодня ничего примечательного не обнаружили? Например, дыма...

— Я видел дым, товарищ подполковник.

— Где? Какой?

Матюхин рассказал обо всем, что видел.

— Вы можете определить, в каком месте поднимался дым? — Каширин протянул карту, и они подошли к машине.

Шофер услужливо включил прикрытые коробками фары.

— Вот отсюда, товарищ подполковник, — уверенно указал точку на карте Андрей.

— Почему вы говорите так определенно?

— Видите ли, я смотрел на него несколько раз, а когда кто-то еще и выстрелил трассирующими как бы вдоль дыма, то подумал, что люди без дела совсем разболтались и могут поплатиться.

— То есть как это — поплатиться?

— Ведь противник тоже видел дым. Он мог подумать, что это случайный костер. А вот если на фоне дыма прошли трассы пуль, он обязательно поймет, что возле костра есть люди. А что стоит артиллерийскому разведчику передать данные на батарею?! Минутное дело! И могли бы накрыть артогнем.

Смуглый Каширин потемнел, глаза у него стали совсем темными, сосредоточенными.

— Вы уверены, что видели трассы? Вам не показалось, что дым... несколько необычный?

— Трассы я видел точно, а цвет дыма... отдавал в оранжеватость. Но я смотрел на него часа два с половиной назад, солнце уже перевалило в закат, потому мне могло показаться, что дым странный.

— Вы доложили кому-нибудь о своих наблюдениях?

— Никак нет.

— Почему?

— Во-первых, еще не успел — только что пришел с передовой, а во-вторых, честно говоря, не придал особого значения.

Каширин опять уточнил точку предполагаемого костра, попрощался и уехал.

— Закрутились, — усмехнулся Маракуша. — Когда припекло, так и разведчиков вспомнили. Ну ладно, Матюхин, иди отдыхай, о нашем разговоре, естественно, молчок, но сам думай. Чует мое сердце, скоро пойдем.

5

Отдыхать младшему лейтенанту Матюхину не пришлось. На рассвете его разбудил дежурный и передал приказ: взять двух-трех бойцов и прибыть в штаб армии.

— Капитан знает? — спросил он у дежурного.

— Он и приказал. А сам поехал в дивизию.

Кого взять? Может быть, сразу и на задание? Может, решили забросить воздухом?

— Сутоцкого, Грудинина, Шарафутдинова — ко мне в полном боевом.

Пока Андрей одевался, осматривал оружие, он заставил себя обдумать свой поступок. Почему он сразу, спросонья решил взять с собой еще и Шарафутдинова? Ведь до этого он никогда не думал о нем. Гафур Шарафутдинов, небольшого, даже маленького росточка, тонкий в талии, почти подросток, пришел с последним пополнением. Его темно-карие, с твердым взглядом глаза всегда казались Андрею веселыми и чуть лукавыми, словно Гафур знал о каждом что-то смешное, но не спешил о том рассказывать. Ловкий, стремительный, в рукопашных схватках он проскальзывал между рук товарищей и умел всегда очутиться сзади нападавшего.

— Как пескарь, верткий, — говорили о нем, — и скользкий.

Было в этом пареньке что-то очень привлекательное. Но ведь не это заставило сразу подумать о нем. И только

одевшись и как следует обдумав, Андрей вспомнил одно из главных достоинств Шарафутдинова: он великолепно говорил по-немецки, потому что жил в районе немецких колоний и учился в немецкой школе.

На заре они уселись вчетвером в присланную за ними машину и уехали в штаб армии.

Шофер, к удивлению, привез их не в разведку, а в «Смерш». Загнав машину во двор, он пошел доложить начальству, а когда вернулся, коротко сообщил:

— Приказано ждать.

Разведчики уселись на росную траву у сараюшки, привалились к таящим дневное тепло бревнам и закурили. Зевалось, но спать не хотелось — нервы были напряжены.

На правах старого товарища Сутоцкий шепотом спросил у Матюхина:

— На задание?

Андрей пожал плечами — он и сам еще ничего не понимал.

Николай Сутоцкий несколько пренебрежительно осмотрел Грудинина и Шарафутдинова и опять прошептал:

— Этих двух по приказу или ты выбрал?

— Я.

— Ну-ну... — усмехнулся Сутоцкий.

— Чем они тебе не нравятся?

— Салаги.

— Ты тоже был салагой.

— Так то когда было! Гафур жидковат...

— ...А Грудинин староват, — иронически продолжил Андрей.

— Это точно.

— А вдвоем — неплохая пара. В самый раз.

Сутоцкий обиженно примолк, но, старательно обдумав положение, прошептал:

— Тебя и раньше не переспоришь, а теперь — начальство...

Выкатилось оранжевое веселое солнце, пахнуло теплом и потянуло в дремоту. Матюхин незаметно для себя уснул. Разбудили его часов в десять. Разведчики уютно спали, прижавшись друг к другу. Рослый, краснолицый сержант в отлично пригнанном обмундировании смотрел

на них снисходительно, как взрослый на разомлевших детей, и, не глядя в глаза Матюхину, сообщил:

— Приказано прибыть к подполковнику Каширину. Только вам.

Младший лейтенант нагнулся, чтобы разбудить Сутоцкого, но сержант покровительственно заметил:

— Пусть спят. Предупредим шофера, он им скажет.

По огородам тропкой прошли к соседней избе. Часовой тщательно проверил удостоверение личности Матюхина, сверился с какой-то бумажкой и только после этого пропустил в сени.

«Порядочки!» — не без одобрения подумал Матюхин.

В просторной хмуро-чистенькой горнице сидели трое. За столом — подполковник Каширин, которого Матюхин сразу узнал, и какой-то белесый младший лейтенант, а на табуретке перед ними — солдат в маскировочных брюках и грязной гимнастерке. Солдат осторожно придерживал руку, укутанную в локте чистыми бинтами.

— Садитесь, — предложил Каширин и, когда Матюхин уселся у стола перед солдатом на табуретке, усмехнулся: — Знакомьтесь — немецкий шпион, из тех, кто ранил Лебедева.

Первый раз в жизни Матюхин видел живого, всамделишного шпиона и потому смотрел на раненого с острым и в чем-то болезненным интересом.

«Кто он? Как попал сюда? На чем провалился? Как дошел до жизни такой?» Этот последний вопрос подсказал Андрею, что он сразу, сам того не замечая, признал в шпионе русского.

Круглое лицо, нос картошкой, глубоко сидящие светлые глаза и темно-русый ежик стриженных волос могли встречаться и у других народов. Но было еще нечто неуловимое, но привычное, что сразу говорило — это русский. И Андрей решил, что в этом повинны руки.

Тяжелые руки, с крепкими толстыми пальцами и обломанными ногтями. На больших пальцах ногти покорибились, по ним прошли трещины. Вот эти тяжелые руки и скорбный, нетаящийся взгляд светлых маленьких глаз заставили Матюхина решить, что шпион — бывший свой.

Когда человек покачивал раненую руку, он делал это деликатно, стараясь, чтобы никто не заметил ни его боли, ни его движения. А в глазах его не было ни страха, ни ненависти, ни даже раскаяния. Была скорбь. Видно, он

знал, что его ждет, и внутренне не противился этому, потому что понимал: иного не заслужил.

— Так вот, товарищ младший лейтенант. Я вызвал вас с людьми в надежде, что вы вместе с нашими ребятами поможете прочесать то место, где вы видели дым. Но все обошлось без вас. Немецкие разведчики напоролись на нашу засаду. Одного из них убили, двух ранили. Этот не сопротивлялся. Второй ранен тяжелее, и говорить ему трудно. Состав группы странный: немец — он убит, какой-то прибалт — и на русском и на немецком говорит с акцентом — и вот — русский. Из пленных. Поговорите с ним — есть кое-что интересное в тактике. — Каширин обратился к человеку на табурете. — Суторов, говорить все!

Шпион кивнул и оглядел Матюхина.

В таком положении Матюхин еще никогда не бывал и не знал, с чего и как начать разговор. Помог Суторов. Он глазами показал на руку Андрея — на ней виднелись шрамы от зубов немецкой овчарки, похожие на птичью лапу: после первого побега Андрея травили собаками и он, защищаясь, подставлял им руку, — спросил:

— Овчарки?

Андрей сразу понял и кивнул. Суторов трудно вздохнул и отвел глаза.

— Ты, выходит, выбрался... — Он перевел дыхание и в упор посмотрел на Матюхина: — А я вот сдался...

— Что ж так?

— Меня в родных местах взяли... Жена ходила по лагерям... Меня, видишь ты, искала. Нашла... Узнали, что у меня пятеро... Ну и сказали: не пойдешь, всех твоих повесим... Пошел.

— Почему же здесь не перешел?

— А дети-то там... Не дошли, видишь ты, наши-то... еще.

Во рту отчего-то пересохло. Андрей терзался, не знал, как себя вести, что говорить. Перед ним сидел враг. Настоящий, невыдуманный, а судить его судом внутренним, безжалостным и справедливым, Андрей не мог — почему-то жалел. И спросил невпопад:

— Ну и что же... теперь?

Суторов неожиданно усмехнулся, смело, чуть озорно, будто собирался сообщить забавную историю:

— А что? Теперь шлепнут.

И потому что Андрей и сам подспудно, даже жалея, понимал, только признаться себе в этом не хотел, что та-

кого шлепнут, слова врага резанули его и начисто выбили все остатки самообладания. А Суторов вдруг сник и глухо сообщил:

— Иначе нельзя. Видишь ты, если там узнают, что я сдался, моих повесят. У них это быстро делается.

— Но ты ж не сопротивлялся...

— Ну и что? Узнают — еще хуже... для моих. Тут не провернешься... Не-ет...

Страшен был этот самому себе вынесенный и самим утвержденный смертный приговор. Говорить уже не хотелось: смерть даже на фронте все равно есть смерть...

Но то, что человек хотел собственной смерти, потому что она могла защитить и спасти его пятерых детей — русских детей! — поразило Матюхина. Он еще не был отцом, не знал отцовских чувств, однако согласился с Суторовым: да, ради детей можно пойти на смерть. И в то же время все существо Матюхина, его разум восставали против такой логики. Выходило, что, спасая своих детей, защищая свой дом, Суторов сознательно пошел против тысяч таких же советских детей и их домов.

Растерянность стала исчезать, вернулось самообладание, и Андрей спросил:

— Скажи... как вас перебрасывали?

Суторов сразу принял смену настроения и темы. В душе он понимал справедливость происходящего, понимал, что иного быть не может. Поменяйся они местами, Суторов сам бы совершил такой же переход: дело есть дело. И то, что он пошел против святого дела и вот платится за это головой, казалось ему справедливостью. Жестокой, но справедливостью. И сам бы он поступил по отношению к такому, каким он стал, точно так...

— Нас не перебрасывали. Нас оставили.

— Как оставили?

— Когда... вы перешли в наступление, нам, видишь ты, приказали остаться, пропустить фронт, а потом разведать, что нужно, и вернуться.

— А что нужно?

— Всего не знаю. Я ведь в прикрытии шел. Главным был Вальтер, а его заместителем — Франц. Они решали. Я выполнял.

— Слушай, Суторов, в разведке так не бывает. В разведке каждый должен...

— Что должен — я знаю. Но только это... видишь ты, там по-другому. Понял? А хоронились мы в лесу. Зако-

нались в землю. Вверху через пень вентиляцию сделали. Скажу честно, замаскировались отлично. Над нами... видишь ты, по нас пройдешь — и не заметишь. Отсиделись и вышли.

Мудрость этого решения Матюхин оценил сразу, но уточнять детали не стал: прием хорош, когда войска отступают. В начале войны и наши так делали, а сейчас, на переломе войны, он пригоден только для противника.

— А как вели разведку?

— В основном наблюдением. Использовали высокие деревья. Заберешься — и целый день, как скворец, сидишь.

Правильно. Если это делал он, Андрей, то почему не мог сделать то же самое противник?

— Не засекали?

— Кто? Люди, видишь ты, чаще под ноги смотрят, чем вверх. Да и маскировка хорошая. — Суторов помолчал и обиженно спросил: — А чего ж не интересуетесь, по каким признакам разведывали резервы?

— С деревьев? И так ясно — дымки кухонь, движение на подходах, новые дороги, полевые занятия, линии связи... Ну и так далее... Но, думается, этим вы не ограничивались.

— Верно. Еще разговоры разговаривали. Вальтер, видишь ты, хорошо болтал по-русски. Видно, жил у нас. Я помогал. Трепались с шоферами, связистами — свой брат солдат.

— И никто не заподозрил?

— Видишь ты, если бы Вальтер не действовал нахально, может, кто и засомневался. А он, видишь ты, болтал ленивенько, с подначкой... Верили.

— Как держали связь?

— Рации нам не дали, сказали, что все равно запеленгуют. Но у нас, видишь ты, собака была. Овчарка. Натаскивали ее особо. Вот на шестой день Вальтер и послал с нею донесение.

— Как это — с ней?

— А очень даже просто. Вывели поближе к передку. Вальтер ей приказал чесать к своим, она и почесала. — Уловив сомнение в глазах Матюхина, Суторов спросил: — Забыл, что ли, как о н и овчарок натаскивают?

Нет, этого Андрей не забыл. Противник умел дрессировать собак и умел ими пользоваться. Дрессировал и на людей, и как связных. И не это волновало Матюхина.

В тоне Суторова звучала восторженность, он словно жил техническим превосходством врага, его жестокой изощренной силой и в душе, удивляясь ей, покорялся. Она сломила Суторова потому, что он растерялся перед ней, незнакомой, не понятой им.

Почему-то вспомнились первые дни войны, когда даже умные люди верили, что на немецких самолетах установлены особые аппараты, которые слышат, что делается на земле. Когда пролетал разведчик противника, такие люди замирали, боялись дышать, а того, кто, по их мнению, нарушал звукомаскировку, готовы были убить.

И еще вспомнилось, что многие были уверены, будто немецким машинам не требовался бензин. Стоило залить в нее воды, высыпать в нее белый порошок из продолговатой коричневой коробочки, как машины заводились и ехали. И доказывать таким людям, что у немецких самолетов нет сверхчувствительных приборов, что белый порошок всего лишь дезинфицирующий состав для обеззараживания воды, в те месяцы было безнадежно.

Но помнилось и другое. Андрей видел, как под Конградом после одного залпа «катюш» бежали, бросая оружие и технику, целые полки противника. Десятки немцев говорили ему, что у русских есть бесшумные самолеты. А это были наши обычные «кукурузники», которые перед целью выключали моторы и бомбили с планирования.

Да, Суторов сломался изнутри. И дети для него служили лишь прикрытием, самооправданием. Даже теперь, когда он говорил о дрессированной собаке, в голосе его звучали еле заметные нотки восхищения и даже некоторого личного превосходства над Андреем, словно он, Суторов, гордился тем, что причастен к этой, не познанной им силе. Именно это насторожило и возмутило Андрея. Теперь он, пожалуй, раскаивался в своей жалости к Суторову.

— Ну что ж, собака — это придумано умно. Только годится, когда драпаешь.

— Это почему? — недоверчиво и даже обиженно спросил Суторов. Похоже, что, увидев следы немецких овчарок на руке Андрея, он признал его, младшего лейтенанта, за своего и потому позволил себе называть на «ты».

— А потому, что собаку можно научить идти по следу, можно научить травить людей или бегать назад в знакомые места. А вот вперед, туда, где она не бывала, ее не поплешь — заблудится. Не поймет, что от нее тре-

буется. Да и след... Сколько за мной овчарок гонялось, но, как видишь, сбежал.— Суторов пристально посмотрел на Андрея, потупился и вздохнул.— Кстати, а если бы вашу собаку пристрелили на передовой?

— Нет,— помотал головой Суторов.— На то, видишь ты, и расчет. Русские вот так, запросто, собаку не убьют. Это там...— Он запнулся.

— А вдруг бы убили? Или на мину напоролась?.. Как бы вы узнали, что донесение получено?

— Нам, видишь ты, дымами сигналили. Есть у них такие цветные дымы. Вот ими и просигналили. Дескать, дошла собачка. Что нужно — получено.

— Вот это умно. И, я так понимаю, вы тоже дымами сигналили? И трассирующими?

— Точно. Когда подобрали новые данные и срок у нас, видишь ты, кончился, а захватить машину не удалось, дали знать, что просим открыть нам ворота.

— Как это — открыть ворота?

— А так. Помочь перейти фронт.

— Как?

— Не знаю. Это Вальтер знал. Но, как я понимаю, переходить собирались в ложине, перед которой жгли дым. Его, видишь ты, тоже не с земли пускали, а с дерева. Подожгли шапку, постреляли — и в кусты.

— Кустов не боялись — в них ведь засады? — спросил Андрей, отмечая, что и сигнальные дымы жгли правильно: следов не оставляли.

— Нет. Собачек-то у вас не имеется.— В голосе Суторова опять прозвучал отголосок причастности к чужой, страшной силе.

Отголосок этот окончательно отторг Матюхина от шпиона. Он стал физически неприятен, и разговаривать с ним Андрей не только не хотел, а уже не мог.

Они сидели молча, и Суторов глухо спросил:

— Больше ничем не интересуетесь?

— Нет,— сухо ответил Андрей, и в глазах Суторова мелькнул страх: он, видимо, понял, что уже не нужен...

Безмолвный белесый младший лейтенант поднялся из-за стола, прошел к двери. И почти сейчас же в комнате появились конвоиры. Суторов оглянулся, увидел автоматчиков и стал медленно, словно насильно отрываясь от табуретки, подниматься.

— Я пойду к своим,— сказал Андрей и, обогнув Суторова, вышел на двор.

Командарма разбудил звонок командующего фронтом. Точнее, разбудил-то командарма адъютант и сообщил, что его вызывает командующий фронтом.

Сидя на кровати, высокой, с периной, с тремя большими и парой маленьких подушечек-думок, — командарм любил спать в тепле и на мягком — и натягивая шаровары на бледные, чуть опухшие с ночи ноги, командарм сразу понял, что произошло нечто необычное.

Он сунул ноги в шлепанцы и накинул китель. У телефона адъютант передал ему карту с оперативной обстановкой и шепнул:

— Изменений нет. Поиски разведчиков с обеих сторон. Инженерные работы...

Командарм взял трубку и сразу же услышал голос командующего. И это тоже насторожило: обычно отвечал адъютант и только спустя некоторое время трубку брал командующий.

— Топчетесь? — Голос командующего прозвучал свежо и густо. Вероятно, получил нужные ему новости.

— Есть грех, товарищ генерал армии.

— Ты случайно, конечно, сводки противостоящего не слышал?

— Нет.

— Ну, если и скрываешь, так утром узнаешь. Фрицы передали, что на юге развернулись упорные бои. Разумеешь?

— Разумею...

— Так вот, смотрите там... А часам к двенадцати приезжай ко мне. У меня все.

— До свидания.

Командарм некоторое время держал телефонную трубку, потом медленно, словно нехотя, поднялся и прошел в свою комнату.

Безобидный и необязательный разговор нес в себе и солидный запас информации, и приказание и, главное, требовал срочного осмысления резко изменяющейся обстановки.

Эти самые «Топчетесь» и «смотрите там» могли означать и приказ на подготовку к возможному выполнению боевой задачи. А задача может быть одна — наступать. Значит, следовало немедленно соответственно сориентировать командиров соединений.

Командующий фронтом, как опытный военачальник, именно поэтому и позвонил на рассвете — выгадывалось несколько часов, что очень ценно.

Плохо другое. Поскольку наше наступление на юге началось недавно (Теперь стало понятным, почему сверху не торопили фронт. Бои местного значения сковывали резервы противника, отвлекали от удара на юге. Все правильно!), противник там наверняка еще не успел израсходовать свои резервы. Здесь же он приведет их в полную боевую готовность либо для отвлекающего контрудара, либо для переброски на юг. Что он решит?

Выходит, нужно рассчитывать на тех, что стоят сейчас против фронта и, значит, против армии. А они, эти противостоящие, уже насторожены своими сводками. Они тоже понимают, что к чему.

Плохо и третье. Наступление на юге наверняка отвлекло те резервы, что накопила страна. Значит, на помощь из тыла рассчитывать нечего.

Командарм разложил на столе переданную адъютантом карту, заново анализируя расстановку сил, резервы врага, прикидывая направления своих возможных ударов, рубежи накопления резервов, оценивая дороги, потом вздохнул и произнес:

— Думай не думай, а начинать нужно.— Подошел к двери, приказал адъютанту: — В интервале пять—семь минут вызовите всех командиров соединений.

Наматывая портянки на бледные ноги, командарм задумался, вспоминая, когда последний раз загорал. «Пожалуй... лет пять назад».

Когда адъютант разбудил первого командира дивизии, командарм был уже одет по форме. Не глядя на телефониста, он, словно с настольного телефона, взял из его рук трубку и, привычно нажав клапан, зарокотал:

— Застоялись? Пора и честь знать! В тылах — курорты! Смотри, приеду проверю... Ладно, не оправдывайся. Учти. Ка-ак следует учти! Что нового?

Слушая доклад комдива, он понимал, что сейчас, спрессованная, тот говорит по подсказке или адъютанта, или дежурного по штабу, а сам гадает, чем объяснить такой звонок, такой тон да еще в такое время. И еще командарм думал о том, что, когда комдивы поймут, что к чему, и примут нужные меры, в резервных частях уже пройдет подъем, а у стоящих на позициях — смена в подразделениях. Из траншей на отдых уйдут отстоявшие

ночь, а вперед выдвинутся дежурные взводы: днем в обороне всегда спокойнее, чем ночью. И все приведение армии в состояние готовности номер один состоится более или менее скрытно.

Вот это важно — более или менее. Скрыть все от противника не удастся. Да, возможно, и не нужно. Пусть знает, что из создающейся обстановки сделаны выводы.

Командарм отметил неожиданно родившееся определение — создающаяся обстановка, и оно ему понравилось. Обстановка именно создается.

В этот час раздумий и «накачки» подчиненных в избу вошел полковник Целиков и бесстрастно, как само собой разумеющееся, доложил о захвате разведывательной группы противника.

Командарм кивнул. Он тоже принял сообщение, как само собой разумеющееся.

По дороге к себе полковник Целиков оценил обстановку со своей точки зрения и пришел к выводу: показания шпиона нужно передать разведчикам. Им кое-что может пригодиться.

Командарм продолжал разговаривать с подчиненными. На четвертом разговоре телефонист виновато сообщил:

— Линия занята членом Военного совета.

Командарм кивнул, словно ожидал такое, и сам ответил:

— Значит, ему позвонил член Военного совета фронта. Выходит, серьезное. И решение это уже не только командующего фронтом, а скорее всего, Верховного...

И еще командарм отметил, что Добровольский не сообщил ему о звонке. Хотя, впрочем, он мог состояться и после того, как позвонил командующий, и член Военного совета, зная об этом, предупредил Добровольского. А Добровольский не стал будить начальника политотдела, как и командующий не разбудил начальника штаба, а сам стал обзванивать начальников политотделов.

«Ну что ж... Это даже хорошо. Когда сойдутся комдив и начподив, они быстро поймут предостережение».

Майор Лебедев проснулся оттого, что почувствовал себя здоровым. Он полежал, прислушался к тяжелому сопению соседа по палате — обыкновенной комнате-загородке в обыкновенной избе, посмотрел в маленькое окош-

ко. Там виднелись макушки подоконных цветов, кажется мальв, а дальше — деревья. Тихие и как будто толстые от набравшей летнюю силу листвы.

Потом он прислушался к себе. Впервые ничего не болело. Рукам, голове, ногам было удобно и покойно. Он осторожно повернул голову. Шея не отзывалась болью. Майор удовлетворенно подумал: «Кажется, оклемался».

Он полежал несколько секунд и только после этого обрадовался: надо же, опять выскочил! Ранение, сдвиг позвонков и все-таки... Все-таки опять можно жить! Он не только понимал это, он чувствовал всем своим сильным, тренированным телом: жить можно!

Майор уже смелее повернул голову в другую сторону, к тумбочке. Собственно, даже не к тумбочке, а к ящику из-под консервов: его застелили отдающей в желтизну простыней, и получилась тумбочка. На эту тумбочку, если он спал, санитарка клала газеты и письма. Впрочем, самому Лебедеву писем почти не слали. Сослуживцы заезжали, а жена, не зная о ранении, прислала лишь одно письмо — как всегда, сдержанное и короткое: дети здоровы, она работает, все остальное — в норме. Письма получал сосед по палате — саперный майор, лысеющий, тощий и нервный. Он подорвался на mine, но отделался довольно легко — десятком мелких осколочных ранений и контузией. Его тоже не отправили в тыл: за него просил начальник инженерной службы.

И вот, повернув голову, Лебедев увидел на тумбочке букет полевых цветов, рядом с ним стояли две стеклянные банки — с грибами и малосольными огурцами — и лежали до неправдоподобия красные большие помидоры и глянцевиые огурцы без пупырышек.

«Надо же, как любят сапера, — с легкой завистью подумал Лебедев. — И где только разживаются... витаминами?»

Ему тоже привозили передачи: шоколад, консервы, печенье — все, что случалось в те дни на складе военторга. А он, этот склад, никогда не был богат свежими овощами...

И оттого, что молчаливого тощего сапера явно любили больше, чем его, сильного и во всех отношениях складного, Лебедев вздохнул и удивился этому вздоху и этой зависти.

Он приподнялся привычно осторожно, сел на койке и закурил — папиросы он прятал под простыней, в ногах.

Лечащий врач не разрешал курить в палате, и сестры отбирали курево. Приходилось хитрить... Потом обернулся, опять посмотрел на помидоры и тут только увидел записку. Видно, кто-то прислонил ее к банке, но записка сползла и легла не на сторону соседа, а на его, лебедевскую сторону. Он решил передвинуть записку саперу, поднял ее и нечаянно прочел: «Выздоравливайте. Дуся».

Лебедев покраснел и оглянулся. Затем быстро перечитал записку, спрятал под подушку и, уже не думая, что может прийти боль, вскочил. В палате стало тесно и душно. Морщась от действительно пришедшей боли, Лебедев прошел в сени. Там, на лавке, дремала дежурная — пожилая, оплывшая санитарка. В иное время он постеснялся бы ее тревожить, но сейчас потряс за плечо и, когда она вскочила, спросил:

— Кто принес передачу?

— Девушка, товарищ майор. Я спросила: разбудить? А она как будто испугалась: нет, говорит, не нужно, пусть, говорит, набирается сил. Только и спросила: тяжело ли ранен? Я говорю, опасались, а теперь ничего, бог миловал. Ну она и побежала к дороге, говорит, там ихняя машина на Радово должна идти.

— Ну, спасибо, спасибо, — излишне торопливо поблагодарил Лебедев и направился во двор.

Умиление и растерянность стали перебиваться застенчивостью, самой обыкновенной мальчишеской застенчивостью, и Лебедев, пристроившись на еще сырой заваulinке, попытался справиться с ней.

Нет, это было и в самом деле приятно: молодая хорошенькая девушка, которой не так давно из-за него грозили неприятности, узнала о его беде и вот...

«Ведь она, вероятно, на ночь отпросилась — дежурит же... Знала, что увидеть меня не удастся, а приехала...»

Эти мысли опять вызвали умиление, но пришли и другие мыслишки: как она узнала о ранении? Впрочем, она телефонистка. Случай с ним, вероятно, прозвучал и по телефонам. А вот как она узнала, где он находится... А-а... Тоже не так уж важно. Ведь их узел связи обслуживает тылы. И с машиной можно договориться... Нет, все-таки здорово! Выходит, он ей и в самом деле небезразличен.

Теперь Лебедев ощутил мужскую гордость. Но не успел прочувствовать ее — к госпиталю подкатил «виллис» и из него выскочил капитан Маракуша.

— Здравия желаю, товарищ майор. Уже до подъема просыпаетесь?

— Утро уж очень хорошее...

— Это точно! Раз утром интересуетесь, значит, на поправку пошло. Я к вам по делу.

— Садись.

— Полковник Петров приказал узнать, как ваше здоровье, и, если ничего, ввести меня в курс. Приказано до вашего возвращения подменять вас.

Ну что ж... И раньше полковник Петров с разрешения начальника штаба вызывал для работы в отделе офицеров дивизионной разведки. Эта непредусмотренная приказами стажировка давала очень многое. Полковник и Лебедев ближе узнавали подчиненных, помогали им, а офицеры из дивизий видели, как напряженно работают штабники, как им приходится крутиться среди разноречивых сведений, требований и задач, сколько времени и сил отнимает скрупулезная подготовка документов, их согласование. И то, что казалось ненужной штабной блажью, вдруг оборачивалось крайне важным и совершенно необходимым. Может быть, благодаря этой традиции разведка в армии не знала сбоев и срывов.

Все правильно.

И вот это сознание правильности происходящего, мужской гордости убрали существовавшее с минуты ранения ощущение собственной вины и ожидание обязательных служебных неприятностей, может быть вплоть до откомандирования из армии. Правда, большая половина черных мыслей исчезла, когда узнал, что командарм приказал не эвакуировать в тыл. Значит, его ценят и ему верят. А теперь, с прибытием Маракуши, и последние сомнения пропали: командира разведроты на его место не поставят. Значит, его ждут. И майор сразу, рывком, вернулся к привычному делу.

— Общую задачу знаешь?

— Да. Готовить три-четыре группы. Но где, кого, когда?

Лебедев рассказал Маракуше о своих наметках и предположениях, потом они вместе стали на привезенной карте отрабатывать варианты маршрутов и способы проникновения в тыл противника. И тут Маракуша озадачил Лебедева. Он хоть и почтительно, но независимо высказал свои, хорошо продуманные соображения: сказались беседы-проверки младшего лейтенанта Матюхина. Тогда, в

спокойные часы, Матюхин был уверен, что капитан проверяет его, потому что недолюбливает. А на самом деле Маракуша на нем проверял собственные мысли и соображения.

— Однако все зависит от задачи, — озабоченно вздохнул Лебедев. — А ее пока еще не поставили.

— Раз вызвали меня, значит...

Они не спешили расставаться. Маракуша впервые попал в штаб и своим гибким, зорким умом уже схватил главное — покрутиться ему придется. Это не ротное хозяйство. Ему хотелось подольше побыть с майором, чтобы узнать от него мелкие и мельчайшие особенности предстоящей службы, а заодно перенять стиль работы и мышления.

Лебедеву тоже не хотелось отпускать капитана. Через него он опять приобщался к своему делу, втягивался в него.

К госпиталю подкатили сразу две машины и из них высыпали чрезвычайно озабоченные, деловито-быстрые медики во главе с начальником санитарной службы. И тотчас из избы, где размещался штаб госпиталя, выпорхнули рассыльные. Лебедев и Маракуша переглянулись.

— Похоже, что-то стряслось, — отметил Лебедев. — Видимо, начнут подтягивать. — Оба кадровые офицеры, они хорошо знали, что стоит за этим словечком «подтягивать», потому Лебедев предложил: — Давай-ка возвращайся. Начальство любит в подчиненных верхнее чутье. Чтобы каждый не только сам разбирался в обстановке, но и начальству подсказывал.

Маракуша поехал в разведотдел. Лебедев проводил его взглядом и вдруг почувствовал, что с непривычки устал, что позвонки еще побаливают и рана под бинтом не только чешется по краям, но и ноет, хотя уже терпимо. Он действительно выздоравливал.

Полковник Петров встретил младшего лейтенанта Матюхина хмуро:

— К выполнению задания готовы?

Андрею не понравилась насупленность полковника, его тон, и, наверное, потому он ответил несколько отчужденно:

— В зависимости от задачи.

— То есть как это — в зависимости?.. Разведчик обязан всегда находиться в полной боевой.

«Не те слова... Не те... Пусть правильные, но не те и не так сказаны». Андрей отвел взгляд и промолчал.

Полковник Петров был слишком занят, чтобы уловить настроение младшего лейтенанта. Для него Матюхин был всего-навсего одним из тех, кто в эти дни уйдет или попытается уйти за линию фронта, и потому вдаваться в тонкости его настроения и переживаний полковнику было просто некогда. И все-таки он почувствовал, что не так встретил младшего лейтенанта.

— Садитесь! — не предложил, а приказал он и некоторое время молчал, чтобы выпадать время и внутренне перенастроиться.

И пока Матюхин усаживался, стараясь не смотреть на стол с документами и картами, Петров взял себя в руки. Его насупленное, изборожденное морщинами широкое лицо расправилось, и даже лысина заблестела мягче, доброжелательнее.

— Задержанные вражеские лазутчики показали, что сегодня ночью они собирались прорываться. Вот здесь.— Петров показал место предполагаемого прорыва, и Матюхин, нагибаясь к карте, подумал: «Нам это тоже известно».— Очевидно, сегодня ночью противник попытается вклиниться в нашу оборону.— Матюхин слушал полковника и изучал карту. Он наконец узнал лощину, по которой ползал накануне.— Позднее противник, может быть, отойдет, а может быть, решит закрепиться. Но так или иначе завяжется бой. Уяснили обстановку?

— Так точно. Закрепиться ему будет трудно — над лощиной...

— Сейчас не в этом дело. Нам важно уяснить следующее. Если противнику удастся достигнуть нашей обороны и даже вклиниться в нее, то несколько смелых разведчиков могут воспользоваться сложностью ночного боя и просочиться через боевые порядки противника, а потом и через его линию обороны. Как вы на это смотрите?

— Вариант возможный. Следовало бы только заранее выдвинуться вперед, замаскироваться и пропустить противника через себя.

— Думаете, это возможно?

— Я знаю эту лощину. Бурьян там высокий, кое-где есть кустарники... так что возможно, если... своя артиллерия не накроет.

— Может быть, вы сейчас съездите к лошине и подберете место?

— Опасно, товарищ полковник. Подходы неважные. Рисковать следует только один раз.

— Понятно. Вот к этой задаче вы лично готовы?

— К переходу — да. Думал. А какая задача на той стороне?

Петров замялся на мгновение: он не мог сказать младшему лейтенанту, что без командующего не имеет права уточнять задачу. А командующий еще не приезжал из штаба фронта. В иной обстановке, при другом стечении обстоятельств полковник никогда бы не позволил себе спешить. Но внезапно родившаяся идея перебросить своих разведчиков вместо немецких требовала быстрого решения. Петров понимал Матюхина — от задачи в тылу зависит и снаряжение, и тактика действий, и многое другое. Но ведь придет задача, придет... К вечеру все станет понятным. Как только вернется командарм...

Полковник встретился взглядом с Матюхиным. Пожалуй, ему понравился прямой взгляд темно-серых, маленьких, глубоко сидящих глаз младшего лейтенанта. Они не забегали, не уклонились. По-видимому, характер твердый и решительный. И лицо младшего лейтенанта тоже понравилось полковнику — худощавое, с крепкими скулами, прямым носом и нервными, тонкими ноздрями. Подбородок скорее квадратный, чем овальный, но не тяжелый. Обычно такие подбородки бывают у людей с сильной волей, но не упрямых, а гибких, умеющих изменять тактику в зависимости от обстоятельств.

— Задачу уточним к вечеру. Сейчас возьмите карту, посоветуйтесь с группой, а часа через... три явитесь ко мне.

— Слушаюсь! — Матюхин вскочил, взял карту и, уже направляясь к двери, подумал: «Что-то здесь не так... Несерьезно...»

Полковник посмотрел ему вслед и заметил, что младший лейтенант не слишком уверенно ставит ногу.

— Товарищ младший лейтенант! — Матюхин остановился и резко, по-уставному повернулся лицом к полковнику — среднего роста, с хорошо развитыми плечами, напряженно стройный и подтянутый. — Вы ведь были ранены?

— Так точно.

— Нога?

— И нога.

— Не будет ли вам... трудно? Переходы предстоят тяжелые.

— Не думаю, товарищ полковник. На занятиях проверил себя.

— Ну хорошо. Посмотрим.— Начальственный баритон полковника прозвучал на этот раз не так уверенно, как всегда. И это тоже не понравилось Матюхину.— Идите,— сказал полковник и задумался.

Младший лейтенант вызывал двойственное отношение. Самостоятельность? Да... Но не переходит ли она в самоуверенность? Да и молод... Очень молод. В то же время в его прямолинейности есть подкупающая откровенность. Честность юности.

Полковник Петров подумал, что в иной обстановке он, пожалуй, побеседовал бы и с другими кандидатами на этот необычный и достаточно рискованный переход линии фронта, но сегодня нет времени. Проверить другие разведгруппы поехал капитан Маракуша.

«Экая жалость, нет Лебедева...» — подумал Петров и привычным усилием переключился на другие дела.

10

Командарм приехал к обеду. Он знал, что его ждут, и, как опытный военачальник, понимал, что о предстоящих событиях, его отношении к ним будут судить не только по приказам и распоряжениям, но и по мельчайшим деталям его поведения.

Поэтому командарм сразу проехал в столовую, хотя чаще обедал дома, и попросил «перекусить». «Перекусывал» он не слишком плотно — окрошкой. Потом не поехал, а пошел к своему дому. Такое его поведение должно было показать, что у него, а значит, и в армии все в порядке. И хотя предстоит большая работа, однако не такая спешная, чтобы не позволить себе истратить несколько минут на прогулку после утомительной поездки.

В доме командарма ждали начальник штаба и генерал Добровольский. Вскоре собрались и другие штабные офицеры. Работники оперативного отдела доложили несколько вариантов отражения вражеского вклинения, и командарм выслушал их с одинаковым вниманием. Стало жарко, командарм позволил себе маленькую вольность: расстегнул крючки и верхние пуговицы кителя. От этого он

сделался доступнее — большой, с крутым высоким лбом и уже рыхловатым, нездоровым лицом с расширенными порами.

— Нуте-ка, повторите последний вариант, — попросил командарм и переглянулся с генералом Добровольским, приглашая его оценить предложение оперативников.

Начальник оперативного отдела — невзрачный полковник с грустными глазами — заговорил неожиданно глухим баском:

— Последний вариант, пожалуй, наиболее прост. Прежде всего никаких особых мер непосредственно на передовой не принимать — все оставить по-прежнему, чтобы не испугнуть противника. Затем дать ему возможность втянуться в ложину и накрыть дивизионом «катюш». Последний необходимо выдвинуть вот на эту полянку. На случай, если атака противника окажется достаточно результативной, справа и слева от ложины сосредоточить пехотные резервы, чтобы они перекрыли распространение противника в глубину, а потом при поддержке подошедших танков контратаковали и отбросили противника...

— Не отбросили, а уничтожили, — жестко поправил командарм. — Сил для этого у нас достаточно.

— Так точно — уничтожили. Для того чтобы не позволить противнику распространиться, предусматривается артиллерийское окаймление ложины. Особого плана на этот случай не составляли, так как окаймление предусматривалось и прежде. Если залп «катюш» даст нужные результаты, восстановление положения возложить на стрелковые дивизии: у них на стыках есть резервы.

— Ну что ж, мне нравится. И не слишком шумно, и... солидно. Только вот что — предупредите артиллеристов, и особенно реактивщиков, насчет точности. Разброс снарядов должен быть исключен. Особенно в глубину. Не дальше пятидесяти метров за нашей обороной. Подчеркиваю, это особенно важно. И еще. Свяжитесь с авиацией. После залпа «катюш» они поднимут легкие бомбардировщики и нанесут удар по всем занятым противником деревням в этом районе. Артиллерии поставьте еще такую задачу: после залпа «катюш»... примерно минут через пятнадцать... как будто они только проснулись, произвести короткие перемежающиеся огневые налеты на передний край противника в районе ложины, но ни в коем случае не по самой ложине. Понятно? Сама ложина должна быть свободна от артогня.

— Чтобы дать противнику откатиться?

— Остаткам противника, я надеюсь. С ними справятся стрелковые дивизии — они же будут восстанавливать положение.

Начальник оперативного отдела критически осмотрел карту и словно нехотя согласился:

— Пожалуй... Усложнять задачу и, следовательно, управление не следует.

— Ну вот и замечано, — кивнул командарм и спросил: — Полковник Петров здесь?

— Так точно, — выдвинулся вперед Петров.

— Такой вариант устраивает?

— Так точно.

— Вызывай группу, ставь задачу... Нет. Задачу поставлю сам.

— Слушаюсь. — Петров козырнул и круто, может быть слишком бойко для своих лет и излишне плотной комплекции, повернулся. Он тоже все эти часы жил ожиданием особых событий и не мог позволить ослабить нервное напряжение: для него начинались самые горячие дни. А командарм, как назло, остановил его.

— Как с Лебедевым? Не поправился?

Полковник развернулся и доложил:

— Вместо майора Лебедева вызвал капитана Маракушу, который выехал в части для подготовки групп.

— Хорошо... А вот Лебедев... Трудно вам будет без него... Узнайте и доложите.

— Слушаюсь.

Командарм отдал еще несколько распоряжений, выступал еще несколько докладов, а когда в комнате остались только генерал Добровольский и начальник штаба, сказал:

— Верховный приказал готовиться к наступлению. Фронту подбрасывают танки.

— Разбогатели, — усмехнулся Добровольский. — И на юге ведем наступление, и нам подбрасывают, а не берут, как раньше.

— Да. Возможно, подбросят авиации. Снаряды будут. Наш план утвержден, но приказано не зарываться: побавляются эсэсовской дивизии. Это, как не крути, сила. Я ее тоже побаиваюсь.

— Как дела на юге? — спросил начальник штаба.

— Пока... продираются. Противник вводит резервы.

— Хорошо бы... — Начальник штаба не договорил, но

командарм понял его: слишком много раз они проигрывали на карте различные варианты будущего наступления.

— Уж куда лучше! Но как сделать, как заставить Гитлера перебросить эсэсовцев на юг?

— Доказать, что они здесь не требуются,— усмехнулся Добровольский.

— Понимаешь, в чем трудность? В мере. Возьмешь сверх меры — докажешь, что мы тут слабые, а он как раз и бросит ее в бой против нас, чтобы оттянуть наши резервы с юга. Докажешь, что сильные, — оставит дивизию.

— Что же предпримем?

— Соберем Военный совет и посоветуемся, как ввести противника в заблуждение... в меру. В самую меру! Так, чтобы он поверил: мы, конечно, достаточно сильны, чтобы отразить любой удар, но пока еще слабые, чтобы наступать. Делать все нужно быстро. Судя по некоторым данным и ориентировкам, дня через три на юге наступит перелом. Я знаю те места и думаю, что вскоре у противника не останется рубежей, на которых он мог бы организовать серьезную оборону. Значит, может начаться общий отход. В этих условиях ему потребуются резервы. Недаром и нам дана всего неделя на подготовку. Вверху, по-видимому, тоже на это рассчитывают. Значит, можно надеяться, что через три — пять дней эсэсовцы либо уйдут на погрузку, либо начнут выдвижение к линии фронта — к этому времени скрыть подготовку к наступлению по всему нашему фронту мы, естественно, не сможем. Вот почему одной из основных задач разведки становится слежение за главным резервом на этом участке — танкистами-эсэсовцами.

Разведчики Матюхина прибыли к дому командарма через полчаса. Когда их проводили через сенцы, все четверо ссутулились: хотелось стать тоньше и ниже, чтобы, не дай бог, чего-нибудь не задеть.

В светлой комнате за длинным столом сидели два пожилых, в понимании разведчиков, военных (поначалу от волнения ребята не разобрались, кто они по званию), а какой-то невысокий поджарый генерал стоял у окна. Напряжение нарастало, становилось невыносимым. Но военный в расстегнутом кителе неторопливо застегнул пу-

говицы и, вздернув строптиво и властно подбородок, поднялся во весь свой немалый рост, улыбнулся.

Улыбка показалась хорошей — доброжелательной, сдержанной. Командарм вышел из-за стола, пожал руку каждому. Это расслабило, сняло нервное напряжение.

— Задача, товарищи, такая: проникнуть в тыл врага — как и где, уточните позже с полковником Петровым — и там не сводить глаз с эсэсовцев. Подойдите к столу. — Командарм склонился над картой. — Они вот здесь, — показал он. — Целая танковая дивизия. Что нам от вас нужно? В бой не вступать, сидеть или ползать смирененько и следить, как ведут себя эсэсовцы. Если они двинутся к железной дороге — вот к этой, — дать знать. Если они начнут выдвигаться по одной из этих дорог к фронту, тоже дать знать. Каким образом? Опять-таки договоритесь с полковником. Думаю, рация вам не потребуется. За рациями противник очень уж охотится. Если в момент вашего пребывания в тылу начнутся большие бои, действовать по своему усмотрению: либо выходить к своим, либо отходить к партизанам. Уточните особо. Но главное — следить за эсэсовцами. Ради этого я вас и посылаю. Понимаете, насколько это серьезно, если задачу ставлю лично?

Трое кивнули, и только Гафур вытянулся и громко отчеканил:

— Так точно, товарищ генерал.

Командующий с легкой улыбкой посмотрел на Гафура, потом внимательно оглядел остальных и увидел, что в руках у Грудинина снайперская винтовка.

— Снайпер? — потянулся он к оружию.

— Так точно! — передавая винтовку, ответил Грудинин.

— Боевой счет имеете?

— Так точно! Семнадцать!

— Снайпер и — в тыл. Зачем?

— Считаю, что при добыче разведанных, например из легковых машин, он незаменим. Кроме того, снайпер всегда отличный наблюдатель, — бледнея от напряжения и потому становясь еще моложе, ответил Матюхин.

— М-м... Я таких вариантов не слышал... но... в этом кое-что есть. Пожалуй, и в случае преследования снайпер может выручить. — Командарм круто повернулся и спросил генерала Добровольского: — Мы собирались рискнуть... Может быть, это тот случай?

— Если не считать способа перехода линии фронта, то как раз тот.

— Ну, переход, он всегда чреват неожиданностями... Что ж, товарищи, задача ясна? Следить за эсэсовцами!

Теперь ответил Матюхин:

— Так точно. Ясна.

— Вы, младший лейтенант, и вы,— командарм указал на Грудинина,— останьтесь. Остальные свободны.— Сутоцкий с Шарафутдиновым вышли, а командарм обратился к Матюхину: — Дело в том, товарищ младший лейтенант, что советские ученые преподнесли нам интересное изобретение — насадку на винтовки, позволяющую стрелять бесшумно. Точнее, почти бесшумно. Правда, дальность бойности винтовки несколько снижается, но она у нас такая, что, думается, не повредит. Дали несколько таких насадок и нам. Если мы их вручим вам, можем ли мы быть уверенными, что они не попадут к противнику?

— Сделаем все возможное... Но... надо посмотреть...

— Посмотрите и попробуйте. Только помните, до выполнения основной задачи применять насадку в крайнем случае. Если насадки покажут себя хорошо, можете поднять у фрицев панику. Отвести душу и увеличить счет. Но пока не выполните задание — будьте осторожны. Сейчас я дам вам машину, поедете на оружейный склад, получите насадки, опробуете их, ознакомитесь с инструкцией и — ни пуха вам ни пера!

— К черту! — очень серьезно сказал Грудинин, и никто не улыбнулся.

12

Они собрались вместе перед вечером. Матюхин и Грудинин устали после испытаний насадки: чем-то похожая на ребристый дульный тормоз, она гасила звук выстрела, оставался только глухой щелчок. Насадка им понравилась, но возникла тревога, давила ответственность за ее судьбу. Сутоцкий и Шарафутдинов были раздражены неожиданно свалившимися хлопотами — они получали ракеты с запасом ракет, продукты и боеприпасы,— а главное — неизвестностью.

Вероятно, поэтому встреча получилась не слишком доброй, появилось ощущение спешки, недоделанности. Матюхин почти сейчас же ушел к Петрову получать инструкции, а разведчики остались разбирать имущество.

— Тебя зачем вызывали? — хмуро и, пожалуй, ревниво спросил Сутоцкий у Грудинина.

— Тебе честно или соврать?

Сутоцкий долго смотрел в маленькие, острые глазки Грудинина.

— Ладно. Говори правду.

— А правда в том, что сказать не имею права. Придет время — скажу, а заодно и расскажу, как от такого молчания мне погано.

Сутоцкий опять посмотрел на Грудинина, усмехнулся и отвернулся к Шарафутдинову.

— Вот так, Гафур... Мы с тобой уже перешли во второй разряд. Что ж, приказ есть приказ. Поработаем в прикрытии, в группе обеспечения, так сказать.

Матюхин застал их, хмурых и разобщенных, за банкой тушенки. Сутоцкий подвинулся и предложил:

— Садись. Лишняя оказалась.

— Рассиживаться некогда, сейчас на передовую. Выдвинемся в сумерках на фланге нашей дивизии. Действовать парами. Сутоцкий с Шарафутдиновым. Естественно, старшина старший. Двигаться вначале уступом влево, впереди Сутоцкий. Потом, когда пойдем в тыл, в затылок. — Матюхин развернул карту. — Сигналы уточнены: в двадцать четыре часа и в три часа по две ракеты. Если эсэсовцы на месте — через день вначале зеленую, потом красную. Если начнут движение на погрузку — каждый день вначале красную, потом зеленую. Понятно? Пойдут к фронту вправо — две зеленых, влево — две красных. Прямо на нас — по две красных и зеленых.

— Ракет не хватит, — буркнул Николай Сутоцкий.

— Предупреждаю о главном: в тылу прежде всего охранять Грудинина. Если что случится со мной — старший Сутоцкий. Если с ним — Грудинин. В любом случае задачу выполнять, хоть в одиночку. Вот, пожалуй, и все. Сверим часы.

Разведчики уложили имущество. Вещмешки получились громоздкими. Часть сухарей выбросили, но оставили сало и сахар. Две банки тушенки положили так, чтобы при нужде сразу же выбросить. Ножи сняли с пояса и приспособили за голенища. Попрыгали, проверяя подгонку снаряжения: не бренчит ли что? Поклацали автоматами. Все вроде в порядке.

В сумерках на машине их доставили прямо в полк, а оттуда с провожатым они добрались до переднего края и

долго шли траншеями за офицером полковой разведки. Матюхин его не знал, а Сутоцкий уже имел с ним дело и потому установил контакт.

— Артиристрелка уже была, — сказал офицер. — Сейчас немцы помалкивают, но шумок и звон оружия засекли. Остальное услышите сами.

Они остановились там, где склон высоты, закругляясь, полого спускался к ложнне. Тут их ждали саперы. Прошли в дзот, и через амбразуру саперы объяснили обстановку.

Оказывается, минное поле находилось как раз перед дзотом.

— Влево. Во-он до тех кусточков. Там проход. И в проволоке проход, хоть она и в два кола: нижние нити не закреплены, отведете — и можно пролезть.

— Обратно, что ли, пролезать? — недовольно спросил Сутоцкий.

— Ну да... На случай, если придется возвращаться. А сейчас мы вам свеженькие проходы сделаем. Пройдете, мы их закроем, потому и предупреждаем.

— А у немцев где минные поля?

— Противотанковые — перед всей ложниной. За ними — противопехотные. Проходы метров в двадцать — по скату. Как только начнется заварушка, следите за нашим дзотом. Пулеметчики трассами покажут границу. Там и двигайтесь. Да и по фрицевским следам можно.

— А если они разобьют дзот прямой наводкой?

— Вот на тот случай и показываю. Видите — во-он бугорок? Это граница прохода справа. Ну а слева — сами догадаетесь. Имейте в виду, мины у них здесь, по всему переднему краю, — прыгающие, на двух растяжках. Значит, когда поползете, одной рукой все время шарьте. Как на праволочку попадете...

— Знаем, — буркнул Сутоцкий. — Как нашарим праволочку, так и в воздух.

— Зачем? Мы ведь также ищем. — Столько наивного удивления прозвучало в словах сапера, что Матюхин невольно улыбнулся и понял, что сапер — совсем молодой паренек, лет девятнадцати. Осматривая его, Андрей увидел смятые офицерские погоны — младший лейтенант. И ему вдруг захотелось, чтобы сапер оказался пожилым, обстоятельным. На такого больше надежды...

— Ну вот и все, — смущенно закончил младший лейтенант. — Вопросы будут?

— Укрытия на ничейной есть? — спросил Сутоцкий.

— Нет. Голо. Но бурьян высокий. Так что маскировка надежная. Еще вопросы есть?

Вопросов больше не было, и сапер сказал:

— Ну что ж, выходите в траншею... Хотя лучше посидите здесь, покурите, мы поползем.

Он вышел из дзота, хрупкий, маленький младший лейтенант.

Разведчики положили свои сидоры, закурили и присели прямо на пол. Притихшие пулеметчики, деликатно покашляв, подошли к амбразуре. Тот, что был пошире в плечах, перебрал ленту в коробке, проверил, как она заправлена. Высокий и худой пулеметчик приткнулся к амбразуре, закрывая собой большую ее половину.

Над немецкой стороной постепенно мерк и отодвигался закат. Передовая просыпалась — амбразуру осветил ядовито-желтый свет далекой ракеты.

— Слышь, Андрей, пароль немецкий узнал? — спросил Сутоцкий.

— Нет. Старший у них убит, а эти не знают.

— Дела-а...

«Сутоцкий все время словно контролирует меня», — отметил про себя Матюхин и разозлился.

Они сидели молча. Грудинин стал скручивать новую сигарку, но Николай положил руку на кисет:

— Не нужно, старый, береги сердце.

Грудинин покорно спрятал кисет, поерзал и, прикрыв глаза, откинулся на прохладную стенку дзота.

Время как бы остановилось, зрение не требовалось. Зато напрягся слух. То справа, то слева строчили пулеметы, где-то глухо ударил пушечный выстрел. Это было так привычно, что никто не обратил внимания. Слух искал каких-то особых звуков. Каких именно, никто не знал, но каждый наверняка отличил бы их в любой сумятице.

И они дождались этих звуков — говор, торопливые шаги. Из-за двери донесся голос офицера разведки:

— Полный порядок. Выходи строиться.

«Нашел время острить», — сердито подумал Андрей и медленно поднялся. Они опять попрыгали, проверяя снаряжение, и не спеша вышли из дзота. Молчаливые пулеметчики смотрели им вслед большими, по-птичьи округлившимися глазами, Гафур приостановился на пороге, вежливо попрощался:

— До свидания.

Ему никто не ответил. Это показалось плохим предзнаменованием. Все, что копилось в этот суматошный, трудный день, возникло вновь и окрепло. Предстоящее казалось если не безнадежным, то бесконечно трудным, и каждый страшным усилием воли заставлял себя не волноваться, думать, что все обойдется.

В таком состоянии они вывалились один за другим за бруствер и поползли за неизвестным сапером, лица которого не рассмотрели.

13

Военный совет кончился, его решения оформлялись в приказы. Самую большую работу предстояло провести саперам и транспортникам. Они должны были обеспечить широкую маскировку и дезинформацию противника, начиная с такого несложного мероприятия, как демонстративная оттяжка ненужных подвод и автомашин в тыл. Все равно через несколько дней эти подводы и автомашины повезут к передовой снаряды и продукты.

Потом началась радиоигра — умышленные радиопереговоры, из которых умный противник мог понять, что какие-то части готовятся к погрузке. Для подтверждения этих «разгаданных» тайн с передовой действительно стали отходить целые подразделения — ночью их место бесшумно занимали отдохнувшие в тылу. Саперы строили макеты танков и навешивали их на тракторы, которые тащили к ближайшей погрузочной станции.

Но все это было позже, а в тот вечер только дивизион «катюш» несколько необычно выдвинулся по тщательно подготовленной лесной дороге на указанную ему полянку — машины шли попарно: одна тянула на буксире другую. Чтобы заглушить шум моторов, дежурные подразделения открыли беспорядочную пулеметную стрельбу, а артиллеристы затеяли отчаянную контрбатареиную борьбу, которая немедленно переросла в дуэль: артиллеристы противника не смолчали, и некоторое время над передовой перекачивались шелковистые шелесты снарядов, а в глубине обороны полыхали огни выстрелов и разрывов.

К полуночи все стихло настолько, насколько вообще стихает ночная передовая: то там, то здесь вспыхивали перестрелки, в воздух взлетали сигнальные и осветительные ракеты, где-то играла музыка и даже слышалась песня.

Разведчики прошли минное поле, и сапер ласково тронул каждого за плечо, словно, провожая, жалел, что он остается, а они уходят...

Это доброе, чуть робкое, по-хорошему завистливое расположение безмолвного на ничейной полосе сапера впервые надломило убежденность, что все идет не так, как нужно. Если им завидуют, если их провожают с такой доброжелательностью, значит, еще не все потеряно.

Задеревенелый бурьян ничейки оказался так высок и густ, что можно было не ползти, а семенить на четвереньках или идти согнувшись. Отсюда, снизу, довольно четко просматривался и проход в немецких минных полях: стена бурьяна на фоне светлого неба казалась там ровной, а на минных полях — выдербленной (противник ставил мины весной, торопливо, подрезая травяные корни, и трава над минами так и не выросла).

Продвигаться далеко не хотелось — еще не известно, как сложится обстановка, но Андрей Матюхин все-таки прошел метров на сто дальше намеченного вначале места.

Здесь, в горьковато и пряно пахнущих зарослях, в настороженной тишине обострились чувства. Слух уже приноровился отсортировывать звуки: отбрасывать перестрелку и разрывы, музыку и шумок ветерка, а улавливать шорох бурьяна, тонкое позвякивание консервных банок, развешенных, как бубенчики, на невидимых проводочных заграждениях противника, даже костяной размеренный стучок лапок жучка по крепкому, налитому листу возле уха.

В эту минуту слияния с тишиной, обострения всех чувств до почти звериной чуткости оборвалась связь со всем тем, что они оставили в траншеях, за уже аккуратно восстановленным безмолвными саперами минным полем. Теперь каждый словно слился с остальными, составляя единый организм. Их связывала одна задача и одна опасность. Потому и мысли были общие, и рефлексы одинаковые, и понимали они друг друга с первого взгляда.

Без команды они начали расползаться в стороны, без команды определили дистанцию и ту единственно правильную позицию, с которой удобнее всего прикрыть товарищей огнем. Окопчиков не отрывали. Телом нащупали старые воронки, оплывшие, мелкие, или просто выемки на почве и, осторожно поерзав, вдавились в землю. Тихонько подрезая ножами стебли, проделали узкие проходы в бурьяне. Через эти проходы-амбразурки наблюда-

ли за скатами занятых противником высот, но лощины не видели. Они слушали ее.

От монотонного, размеренного и раньше незамечаемого треска зазвенело в ушах и казалось, что из-за этих чертовых усатиков не услышишь, как поползет противник. Иногда над лощиной проносились ночные птицы, в траве и бурьяне что-то шевелилось, попискивало и постукивало. Однако все перекрывалось стрекотанием кузнечиков.

Потом звон стал стихать, не сразу, вдруг, а волнами, прорывами. В невидимой звучащей стене образовались как бы провалы. Это было так необычно, что Сутоцкий и Шарафутдинов переглянулись и одновременно поняли: противник начал выдвижение. Легкий шорох, передаваясь от стебля к стеблю, пугал кузнечиков, и они замолкали. Стало ясно, почему они раньше не слышали кузнечиков: когда они выдвигались, кузнечики тоже затаивались, а когда разведчики затаились, примолкли, они вновь затрепачали.

Как проползли немецкие саперы, разведчики не слышали. Только некурящий Гафур уловил, как прокатилась вначале терпкая и горькая волна — ползущие обрушили пыльцу и ее подхватил неслышный ветерок, — а потом донесся едва уловимый запах хорошо смазанной кожи, пота и машинного масла.

Часам к трем ночи по скату высоты проплыли неясные колеблющиеся тени, донесся притглушенный, смутный шум и легкий скрежет металла. Звонящая стена быстро растаяла, стало очень тихо. Страшно тихо. Тишина все явственнее наполнялась шорохом, шарканьем, потрескиванием и, наконец, сдерживаемым дыханием: противник начал выдвижение.

Бурьян скрывал это выдвижение, и потому к разведчикам опять было вернулось чувство обреченности на неуспех. Противник мерещился со всех сторон, но появился он неожиданно. На лежавших правее, ближе к оси неприятельского выдвижения, Сутоцкого и Шарафутдинова вышли не менее десятка солдат.

Они шли уступом, пригнувшись и немного боком, выставив вперед автоматы. Они должны были наткнуться на разведчиков, но Гафур волчком развернулся и, махнув рукой в сторону советской передовой, яростно прошипел:

— Шнелль! Шнелль!

Двое первых немцев осторожно обошли Сутоцкого, и все двинулись дальше, пригибаясь, таясь, объятые тем

отключающим сознание напряжением, которым отличается преддверие всякого, а тем более ночного боя.

На Матюхина и Грудина противник не наткнулся. Теперь все четверо по их общим, единым законам мечтали об одном — чтобы скорее все началось и можно было бы действовать: лежать стало невмоготу.

Но бой не начинался. Основная волна наступающих, видно, залегла, выравнивая боевые порядки. Сзади подкатывалась вторая, уже редкая, — ячейки управления, связисты, передовые наблюдательные пункты и многое иное, что пехота считает безнадежно тыловым, но что всегда рядом с пехотой и принимает на себя тот же огонь и те же опасности.

Когда мимо проходили немцы, Сутоцкий обреченно думал: «Вот и все. Вот и конец» — и готовился рвануть гранату. Ничего иного он придумать не мог. Но когда фашисты прошли, он с неожиданно вспыхнувшим весельем подумал: «А что, может, вот так и нужно, нахально?» Ощущение удачи скрасило первые минуты ожидания. Но они проходили, и начинало казаться, что наши прозевали противника, что он прошел в тыл и сейчас начнет расстреливать заснувших, опростоволосившихся бойцов и командиров.

Но вот в хорошо работающей военной машине противника будто щелкнуло какое-то реле, соединились контакты, и по единой цепи полетели нужные сигналы, потому что почти одновременно в разных местах немецкой обороны — справа, слева и сзади — полыхнули всполохи выстрелов: розовато-белые — гаубичные, чуть потемнее — пушечные и почти багровые — минометные. Они раздвинули и подняли небо и слизали с него слабо мерцающие звезды.

Потом донеслись звуки: ухающие — гаубичных выстрелов, хлесткие, звенящие — орудийных и похожие на хлопки — минометных. Все перекрыли режущие, берущие за сердце, до чертиков противные вопли реактивных минометов-«скрипунов». И небо над ложиной стало плотным от свиста и воя снарядов и мин. Они неслись, обгоняя друг друга, и, кажется, терлись друг о друга.

Вся эта масса металла обрушилась на советскую оборону. Разрывы встали густо, расцвели ярко и стремительно, на мгновение подсветив столбы земли и дыма. Как-то естественно и просто из этой мощной и словно бы неторопливой сумятицы разрывов вычленились одино-

кие автоматные очереди. Потом они слились, перемешались с пулеметными. Бой сразу набрал силу, и поначалу разведчики, оглядываясь назад и представляя, что сейчас творится в их такой обжитой и такой родной обороне, даже не заметили, как невысоко над ними пронеслись пулеметные трассы и легли на границе прохода в минных полях противника. Дзот, из которого они вышли на задание, жил, и пулеметчики делали свое дело, работали на них, па разведчиков.

Первая оторопь — надо думать о прорыве в тыл, а думалось о своих — стала исчезать. Все шло, как было задумано. И все опять без команд и напоминаний подобрались, стали готовиться к броску вперед.

Подготовка была несложной — половчее взять оружие, найти упор для ноги, как делают бегуны на старте, понадежнее надвинуть на пилотки капюшоны маскировочных курток.

Бестолочь автоматной трескотни удалилась. Противник втянулся в ложину. Через его головы били пулеметы. Но осветительных ракет было мало — обе стороны словно сговорились драться в темноте.

В какую-то минуту и на нашей стороне сработало реле и по нашей системе прошли нужные импульсы. Из леса высоко в небо взлетели огненные стремительные стрелы, им вслед прокатился злой шип — дивизион «катюш» отработал залп из всех установок.

Когда эта мешанина огня и стали долетела до ложины, в которую втянулся противник, даже бывалому Сутоцкому стало страшно. Земля ощутимо дрогнула и покрылась сплошным мерцающим, а потому кажущимся особенно злым огнем. Ракетные снаряды рвались ровно, могуче и красиво. От детонации взрывались установленные противником минные поля — земля от взрывов взлетала высоко и густо.

Николай Сутоцкий легко вскочил и сразу слева от себя увидел Матюхина и Грудинина. Они быстро шли, именно шли, а не бежали к немецкой обороне. Сутоцкий двинулся следом, начисто забыв, что первым должен был идти он. Потом его догнал Гафур.

Справа от них, обгоняя, пробежали несколько немцев, и разведчики присели, прячась в бурьяне, потом опять, пригибаясь, пошли дальше. Чем ближе подходили к вражеской передовой, тем больше теней металось вокруг них. Сквозь боевой шум стали пробиваться команды и вопли

раненых. В последнюю минуту Матюхин свернул вправо и пошел не в обозначенный пулеметчиками проход, а по немецким следам: поскольку противник выдвигался отделениями, гуськом, он протоптал безопасные тропы.

Уже за линией обороны, за первыми окопами, замаскированными и тщательно оборудованными, они столкнулись с немецкими санитарями. С носилками в руках они трусцой бежали к передовой и, налетев на разведчиков, остановились, словно радуясь остановке.

— Много раненых? — выдохнул один из них хриплым, прокуренным баском.

— Хватает, — прикрывая автомат, хмуро ответил Матюхин. — Какого полка?

— Семьдесят третьего, гренадерского, — поспешно ответил второй, и Матюхин начальственным спросил:

— Штурмбанфюрера Кребса не видели? Здесь должны быть его машины.

— Никак нет. Но какие-то машины стоят вон там, за дзотами. Слева.

— Спасибо, — поблагодарил Матюхин и опять хмуро буркнул: — Боюсь, у вас будет много работы.

Николаем Сутоцким опять овладело ощущение веселой удачи, он не удержался и прошипел:

— Шнелль! Шнелль!

Немецкие санитары, втягивая головы в плечи, поспешно засеменили к передовой, а разведчики принялись вправо и стали обходить хорошо замаскированные землянки. Возле них стояли люди, слышался говор и звуки команд, отдаваемых, видимо, по телефону. Вероятно, здесь размещался командный пункт.

Мимо пробегали и проходили солдаты и офицеры противника, обеспокоенные явной неудачей, проскакали запряженные в фуру тяжелые кони, и ездовой, нахлестывая кнутом, гортанно крикнул разведчикам, чтобы они посторонились.

Никому не было до них дела, никого они не интересовали. Только в километре от передовой разведчики столкнулись с взводом солдат, которые спешили вперед, — может быть, пополнение, а может, смена потрепанным частям. Их командир — низенький, толстенький — деловито осведомился, почему они идут в тыл.

— Люди штурмбанфюрера Кребса, — ответил Матюхин. — Выполняли особое задание.

Матюхин достаточно хорошо знал, как на армейских

офицеров действует упоминание эсэсовских чинов, и потому даже не остановился, а пошел дальше. Он не видел, как толстенный немец потоптался и повел свой взвод к передовой.

Потом, словно спросонья, стала бить советская артиллерия и сзади легли ее разрывы, позднее они легли и впереди, в деревне, и еще где-то в стороне. В деревне сразу разгорелся пожар, и Матюхин сошел с полевой, слабо накатанной дороги на скаты высоты — свет пожара освещал их, а на темном фоне скатов они были менее заметны.

Они шли размеренным быстрым шагом, шли молча к дальнему лесу. Перевалив высоту, разведчики постояли, прислушиваясь к тарахтению самолетных моторов — над ними прошли легкие ночные бомбардировщики. Сутоцкий искоса посмотрел на Матюхина и спросил:

— А кто такой штурмбанфюрер Кребс?

— Понятия не имею, — пожал плечами Андрей.

14

Ночной бой, пожалуй, не встревожил бы госпиталь, но в палате младших офицеров не спали: ночные жители передовой, они по привычке ворочались на соломенных матрацах, курили и шепотком болтали. Когда началась перестрелка — далекая, нестрашная, — вяло поговорили о ней, но, когда «сыграла «катюша», палата встревожилась и загудела. Проснулся за перегородкой и Лебедев.

Ходячие по одному, по два вышли во двор и долго рассматривали полыхающее небо, со знанием дела прикидывали, как разворачиваются события. На рассвете стали подходить машины с тяжелоранеными. В армейский госпиталь легких не привозили...

Настроение в палатах упало, люди стали раздражительными, почувствовали себя обиженными. Первой успокоила свои палаты старушка-санитарка. Она побывала в приемном покое и узнала подробности минувшего боя.

— Всех немцев дочиста перебили, — рассказывала она. — А уж вот теперь к соседям раненых фрицев повезли.

Это походило на правду — бой утих, далекая передовая молчала. Только высоко в небе проплывали самолеты-разведчики. Можно было отдыхать, но в привычном госпитальном настрое что-то сломалось...

142

На перевязке майор Лебедев попросил хирурга выписать его на долечивание в часть. Боль прошла, вернее, стала терпимой, а на перевязки он будет ездить. Майор ожидал, что хирург возразит, а тот вдруг согласился.

— Разумно. Смена обстановки приносит пользу.

К полудню майор Лебедев выписался из госпиталя.

В любое иное время Лебедев не поехал, а помчался бы в штаб, к привычному делу, к привычным людям и обстановке. Сейчас он не спешил. Не решался признаться, что больше всего ему хотелось в Радово. Он стыдился этого желания, но ничего не мог с собой поделать. Даже в курсантские годы Лебедев не позволял себе самовольных отлучек, а теперь, «на старости лет», как он, посмеиваясь, подумал, собрался в самоволку: захотелось поблагодарить Дусю.

Собрав немудреное имущество и затолкав его в полевую сумку, Лебедев вышел к контрольно-пропускному пункту и сел на попутную машину.

Дорога оказалась трудной. Его потряхивало и подбрасывало в кузове, рана стала ныть, и острее заболели позвонки. Он дотерпел до Радова и сошел на окраине. Посидел на развалинах дома, покурил и, когда боль притихла, не спеша, по теневой стороне пошел к штабу тыла.

За все время войны... да, пожалуй, и раньше, он не бывал в положении солдата в увольнении. Всегда на машине, всегда со спешным заданием. Он помнил пройденные города и села скорее по карте, чем по их облику. А сейчас, неторопливо шагая по тихим, полуразрушенным улочкам районного городка, он невольно разглядывал все: и заросшие лебедой и лопухами пепелища — старые, сорок первого года, и свежие, еще пахнущие горечью пожарища, и остовы сожженных машин. Видел, что здесь поработала авиация, и, оглядевшись, привычно находил воронки от авиабомб.

Потом он стал замечать и другое: аккуратненькие, свежепокрашенные домики, кое-где кокетливо и отталкивающе отделанные мертвенно-бледными, шелушащимися на августовском солнце березовыми стволами. Когда-то в них жили немцы, и они навели свой уют. Еще он заметил хорошо ухоженные большие огороды и сразу понял, что посажены они были задолго до наступления — еще при немцах.

Выходило, что кому-то и здесь жилось неплохо, кому-то делались послабления, а то и оказывалась помощь...

Нет, он, конечно, знал об этом не только из газет — разведчик же! — но видел такое, ощутил это страшное неравенство, кажется, впервые. Ведь не просто так, а за что-то делались послабления, их нужно было заработать. А как?

Выходило, что оккупация не только убивала, она еще и калечила души... И чем дольше он думал об этом, чем больше примет тому находил, тем неприятнее становилось на душе, и он уже не радовался своему мальчишескому решению сбежать в самоволку, чтобы увидиться с девушкой.

Девчонки с коммутатора, заговорщически переглядываясь, сообщили, где живет Дуся, и долго смотрели ему вслед — высокому, широкоплечему, с темно-русыми волосами. Они решили, что такой стоит Дусиных страданий, и, вздыхая, разошлись по рабочим местам.

Дуся спала, и хозяйка не пустила его в избу. Он присел на скамеечке у ворот. С непривычки к ходьбе ныли ноги и спина. Лебедев сдвинул фуражку на затылок, локтями уперся в колени и стал смотреть в землю. Он не думал о Дусе. Раз пришел — чего ж думать? Ему казалось странным, что не так давно на этой скамеечке сидел враг и, может, так же, устало уронив голову, смотрел на эту землю, на вот этого деловитого черного муравья и думал о женщине. В назначенный час он поднялся и пошел, а скорее, поехал к передовой, чтобы никогда не вернуться назад.

Да, возможно, и так... Но от этого тот, неизвестный, не стал лучше, и потому не было к нему ни жалости, ни сочувствия. Наоборот, оттого, что он мог сидеть здесь и топтать нашу землю, он был ненавистен.

Дуся вышла тихонько, незаметно и, поправляя светлые, выгоревшие на солнце, совсем овсяные волосы, долго смотрела на Лебедева. А он, провожая взглядом муравья, поначалу видел ее золотистые, в белесых, посверкивающих волосках стройные ноги, а уж потом, вскинувшись, увидел всю — смущенную, зардевшуюся, с тревожными светло-кариыми большими глазами.

Лебедев вскочил и, неудержимо, по-мальчишески краснея, поздоровался.

Она кивнула и облизала полные, пошерхнувшие от волнения губы.

— Вот... приехал поблагодарить, — стараясь взять себя в руки и потому грубовато сказал Лебедев, не решаясь

протянуть ей руку — когда-то, давным-давно, до войны, он знал: первой протягивает руку женщина.

А она не знала, можно ли это сделать, — ведь он был такой большой, строгий, а какой он начальник, она видела.

— Ну что вы... не стоит...

Оба понимали, что не так следовало встретиться, не то нужно говорить, и оба не находили слов, переступали с ноги на ногу. У него все-таки хватило сообразительности сказать:

— Давайте хоть сядем...

— Да, — испугалась она. — Вы ведь из госпиталя.

— Дело не в этом. — Лебедев чуть-чуть обиделся: он считал себя в полном порядке, и эта непрошенная жалость, казалось ему, умаляла его мужское достоинство. — Просто... вроде на перепутье...

Странно, и тон был не его, и слова приходили какие-то чужие, непривычные, и оттого все складывалось совсем не так, как он себе представлял. Она почувствовала это и испугалась — он показался ей таким взрослым, почти старым, таким серьезным, пришедшим из иного, недоступного ей мира высших интересов — и уже не могла быть сама собой, но по женскому инстинкту мгновенно перестроилась.

— А я ведь сегодня опять к вам собиралась, — громко и весело сказала она, присаживаясь на краешек скамейки. Сказала и подумала, что пригласить его в избу не сможет... по крайней мере, сегодня. В ней не убрано, да и хозяйка попалась злая. — Меня наши девчонки командировали...

— Что-нибудь срочное? — мрачно спросил он.

— А мы не знаем, может, все это и ерунда, но только...

Она улыбнулась. Улыбка очень украсила ее. И Лебедев в который раз отметил, что она хороша. Очень хороша. И дорога ему. Он тоже улыбнулся, перестал хмуриться и неувловимо помолодел.

— Так что же все-таки стряслось?

— Знаете... после тех неприятностей мы на все как-то по-новому смотрим. А тут еще беседы о бдительности... Женька... Она тоже телефонистка... Так вот Женька как-то говорит: «У нашей соседки — ее двор и наш тын — ми сходятся — почему-то всегда белье висит. Откуда у нее после оккупации столько белья?» И верно. На рас-

свете она всю веревку бельем увешивает. Днем снимает, а вечером опять вешает...

— Ну и что ж тут такого?

Сколько таких вот наивных сыщиков встречал Лебедев на своем веку!

— Вот и я так спросила. — Дуся оживилась и чуть подвинулась к майору. — А Женька ответила: а ты заметила, что немецкие разведчики летают на рассвете и на закате? Мы же посменно дежури́м и, конечно, это знаем. По ихним самолетам можно проверять часы. А Нина у нас девушка решительная. Пошла к той соседке — она оказалась вовсе не бабкой, а довольно интересной женщиной — и все высмотрела: мужиков у нее нет, только девочка, дочка. А белье-то мужское! Спят они с дочкой на одной кровати, на домотканом, а простыни вывешивает фабричные.

— Так-так... следопыты, — усмехаясь сказал Лебедев, но внутренне подобрался — в рассказе проглядывала опасная логика.

Она заметила его любование ею, уловила строгость в голосе и, покраснев, отвела взгляд.

— Вот... Нашим мы решили не сообщать, чтобы не посмеялись над нами. А потом узнали, что вот... вас ранило... И я... мы... — Она окончательно смутилась: не могла же она, не имела права рассказывать, как плакала, как волновалась, даже молилась, чтобы он выжил! И, заикаясь, продолжала: — А сегодня... сегодня... я дежурила с утра, прибежала Женька и сказала: «У нашей соседки красное белье». Я не поверила, передала ей дежурство и сбегала посмотреть. Точно! На веревках красные перины, подушки, платье и просто красная материя. А ведь, смотрите, вчера вечером к нам приехали шоферы, ездовые, все избы заняли, стало известно, что где-то поймали диверсантов. А ночью все слышали бой. Вот! А утром — красное белье. И заметьте, немецкие самолеты-разведчики уже не только на рассвете прошли, утром еще три самолета было... Девчонки и решили: иди, говорят, к... — она чуть не сказала «к своему», — майору и расскажи. Потому что, если мы своим расскажем, может, на смех подымут. А он должен знать... Я же ночь не спала, а днем к вам не пробьшся — не пускают...

— Откуда знаете? — быстро спросил Лебедев, словно найдя самое главное в ее рассказе.

— Я... это... В общем, я приезжала, да меня к вам

не пустили. Говорили, вы неважны... Вот потому второй раз я приехала на рассвете... В это время машина наша ходит — газеты возит... Вот с ней... Меня ж они знают... Иначе задержат...

Он все понял, и потому, не сдерживаясь, обнял Дусю и поцеловал в пахнущие мятой и тройным одеколоном волосы. Она напряглась, но не отстранилась. Отодвинулся он, заглянул в ее светло-карие строгие глаза, сказал: — Спасибо, девочка.

Она почувствовала, какую черту он переступил и куда повел ее, и потому, стараясь удержаться, залепетала:

— Нет, что вы, это же не я... Это мы все... Особенно Женька. Она заметила... — и умолкла, беспомощно глядя в его веселые, озорные глаза и угадывая в них такое, отчего ей стало и страшно, и радостно.

Лебедев взял ее маленькую шершавую руку, погладил ею себя по щеке и, нагнувшись, поцеловал. Она шепнула: «Не надо, не надо, увидят...» Он отстранился медленно, уже не смущаясь, не краснея и не отпуская ее маленькой, вздрагивающей руки.

— У вас когда дежурства?

— Всю неделю с утра, потом неделю с обеда, а потом... ночью. Мы еще поддежуриваем... днем... когда много вызовов.

— Понятно. Договоримся так: я как-нибудь заеду. Сбегаю в самоволку, — засмеялся он. — Я ведь в самоволке. Как и вы... когда ко мне ездили... Самовольщики! — Ему стало бездумно весело. Это веселье передалось и ей, и она тоже засмеялась. — А ночью... ночью вы вызывайте меня. Ночью я чаще всего один... если на месте. И я буду позванивать.

Он опять наклонился к ней, поцеловал за ухом, вдыхая ее запах и понимая, что поцеловать по-настоящему он сейчас не имеет права. Может, но не имеет права: улица, ходят люди, а то, что пробилось в нем, не терпит чужих взглядов.

15

В дальний лес они вошли на рассвете. На опушке Матюхина окликнул Грудинин:

— Товарищ младший лейтенант, оглянитесь.

Матюхин оглянулся. Позади остались дальняя луговина, незасеянное поле, перелесок. Все как обычно, все

как на карте. Андрей пожал плечами. Сутоцкий подошел поближе, с острым интересом вглядываясь то в одного, то в другого.

— Ничего не заметили?

— Нет... как будто...

— Неужель не замечаете следов?

Никто следов не видел — трава и трава. Грудинин смотрел на них как на неразумных: как можно не видеть, когда все так ясно и понятно.

— Дак вон же... глядите... стежка — она ж прямо в глаза бьет. Трава ж не весенняя, которую примнешь — она поднимется. Дело к осени. Бурьян ломкий, положил — уже не встанет. А мы ж вчетвером протопали. Умяли.

Только после этого разведчики увидели собственный след — почти прямую, лишь изредка искривляющуюся тропку.

— Хорошо, если фрицы дураки, не заметят. А умный же да опытный лесовик враз засечет.

— Откуда у них... лесовики? — усмехнулся Сутоцкий.

— Не говори. У них же финны есть. У этих глаз точный. Я с ними в дуэль играл. Знаю ихнюю силу. Не финны, и в разведку бы не попал.

— Что, испугался? Думал, у нас легче? — недобро пошутил Сутоцкий.

Грудинин внимательно осмотрел его скуластое, угловатое лицо.

— Нет. К вам я ж после госпиталя пришел. А в госпиталь меня ж финн отправил.

— Ладно, Сутоцкий, — оборвал Николая Матюхин. — Дело серьезней, чем ты думаешь...

— Об этом раньше думать следовало! — разозлился Сутоцкий. — Сейчас поздно.

Что-то вызывающе обиженное проступило и в тоне Сутоцкого, и во всем его облике. То, что раньше только иногда прорывалось в нем и что Андрей принимал за попытку Николая установить более короткие отношения с ним, вдруг обернулось иной стороной. Похоже, Сутоцкий завидует Андрею. Завидует и не доверяет.

Можно было вспылить и оборвать старшину, но поступить так в самом начале их нелегкого пути Андрей не мог, да и догадка есть всего лишь догадка. Поэтому он обратился к Грудинину:

— Что предлагаете?

— У фрицев же собачки...

— Знаю! — резко ответил Андрей: который раз ему сегодня напоминают о собаках.— Что предлагаете?

Грудинин быстро и немного обиженно взглянул на Андрея, но сдержался.

— Вот я ж и говорю, у фрицев собачки. Если кто увидит след и пустит по нему собак, те даже в лесу нас и завтра, а может, и через день разыщут, потому что сапоги у нас мало того что не по-немецки воняют, еще и полем пахнут, бурьянной пылью...

— Бормочет неизвестно что,— буркнул Сутоцкий.

Грудинин и не посмотрел в его сторону.

— Значит, нужно этот запашок отбить, прикрыть его лесным.

— Как? — спросил Андрей, поглядывая на Сутоцкого.

— Способов много. Я ж советую разыскать муравейник и муравьями оттереть сапоги.

— Как это — муравьями? — опешил Андрей.

— А вот так — выловить мурашей и растереть их на сапогах. На подошвах, союзках, а крепче всего в рантах. Запах, он же в рантах держится. А то еще грибами можно натереть. Только ж боюсь, что собаки тонкие — сразу разберут, например на полянах, что грибов нет, а грибами пахнет. И опять же смогут взять след. А муравьи везде. Лучше бы, конечно, больших найти, рыжих. Или черных. Мелкие, они и лесу полезней, и запах у них не такой сильный, и, главное, они ж далеко от гнезда не ходят. А большие муравьи везде ползают.

— Ладно. Пошли искать муравьев. Кстати, двигаться и впредь парами, на расстоянии зрительной связи.

Так они вошли в лес, приглядываясь к стволам и кочкам, пока не разыскали нужный муравейник, стали ловить больших черных лесных муравьев и, морщась от брезгливости и укусов, натерли ими сапоги.

— Вот теперь поспокойней,— мягко улыбнулся Грудинин и, кажется, впервые перестал сутулиться.

В лесу он неуловимо, но разительно изменился. Острее стали его маленькие и обычно чем-то недовольные узкие глазки. В них мелькали острый интерес и даже улыбка, словно он видел что-то очень ему дорогое и приятное. Походка стала легкой, скользящей, и хотя он распрямился, все-таки не стал от этого выше: на ходу он пружинил в коленях. И движения его больших узловатых рук стали точными и стремительно-легкими. Винтовку он теперь повесил на шею, на удлиненном ремне, и располо-

жил ее наискосок вдоль тела — так она не мешала ему при движении, но в случае нужды он мог сразу же ее вскинуть.

— Много охотились? — спросил Андрей.

— В лесу же вырос, товарищ младший лейтенант.

В этом уставном с добавлением полного звания ответе пожилого, по мнению Андрея, человека здесь, в лесу, в тылу врага, ему почудилось что-то чуждое, непужное. И Андрей сразу решил:

— Вот что, Грудинин, называйте меня просто по фамилии, а еще лучше — командиром. Оно и точнее, и короче...

Он недоговорил, но Грудинин понял его:

— Это уж точно! В лесу оно ж и в самом деле... как-то короче надо.

Потом они сошлись вчетвером, проверили компасы и наметили азимуты. Теперь нужно искать эсэсовцев.

Лес стоял тихий, словно притомленный. Хорошо пахло грибами и сухим листом. Иногда взлетали птицы, усаживались на ближние ветви и косили глазками-бусинками на разведчиков.

— Это ж хорошо, — покивал Грудинин. — Птица непуганая. Однако странно — сорок нет.

— Чего же странного? На кухне к эсэсовцам слетались.

— Разбираетесь... Сорока да сойка — самые проклятые птицы. Чуткие, они ж раньше всех заметят человека и обязательно поднимут ор. Их в нашем положении надо побаиваться. Умному человеку сорока или сойка много-огое расскажет.

Пообедали в зарослях на берегу ручья. Через силу доев тушенку, зарыли банки в землю, потом наполнили фляжки водой и пошли дальше, но почти сейчас же наткнулись на сороку. Она шумно взлетела, тревожно застрекотала, и тихий лес сразу откликнулся трепетом крыльев, падением посорок, шумом листвы.

Грудинин выпрямился, прижал двумя пальцами свой большой, уже покрытый выросшей за сутки седой щетиной кадык и издал гортанный клекот. Звук вроде бы и негромкий, но властный, пронзительный, такой, что его у слышали шедшие в сторонке Сутоцкий и Шарафутдинов.

Сорока сразу смолкла, и весь лес замер — ни шороха, ни трепета.

— Что это вы? — удивленно спросил Андрей.

— Это? — отнимая пальцы от кадыка, переспросил Грудинин. — Это ж сокол-тетереви́тник так кричит, когда на добычу идет. Кричит он и по-другому, а вот так, когда на добычу идет. Сороки и сойки — лесные сторожа — очень его боятся и, как услышат, забиваются в заросли. Часа по полтора молчат — знают, если появился этот разбойник, лучше носа не высовывать и не подавать голоса.

Матюхин посмотрел на Грудинина с уважением. Кое-какие лесные университеты и он прошел во время побегов из плена. Но тонкостей лесной жизни ему, донскому казаку, в степях познать было негде. А Грудинин, видимо, настоящий лесной житель.

— Здорово, — покачал головой Андрей. — Высший класс.

Они все шли и шли, перекатами — одна пара выдвигалась метров на сто вперед, замирала, в стороне выдвигалась вторая. Лес чуть поредел и стал взбираться на пологий скат высоты, под ногами зашуршала пересохшая трава, и Грудинин тотчас прошептал:

— Ногу ж на пятку ставьте. На пятку! Шума, треска меньше.

Пошли медленнее, побесшумнее. Когда вторая пара обгоняла их, Андрей услышал треск сухих ветвей и поморщился. Он догнал ребят, предупредил их.

— Все тайны какие-то, — покривился Сутоцкий, — все представления. Академия, да и только...

Андрей промолчал, но, вернувшись, спросил у Грудинина:

— Вы с Сутоцким о насадках говорили?

— Нет, — ответил Грудинин.

«Что-то нужно делать с Николаем, — подумал Андрей. — Неужели он не понимает, что сейчас не время и не место для самолюбия и обид? — Потом, на ходу обдумывая происходящее, с грустью отметил: — А может, он считает, что именно сейчас время и место показать свою независимость? Мы здесь одни, «третейских судей» не найдется...»

От этого на душе стало совсем плохо.

На водоразделе они постояли, прислушиваясь. До предполагаемого расположения эсэсовских частей оставалось не так уж далеко.

Здесь, на водоразделе, тянул западный ветер, и лес тихонько шумел. Где-то далеко проурчал автомобильный мотор, затих, но через несколько минут послышался вновь

и опять затих. Разведчики переглянулись. Учитывая ветер, усилившуюся к вечеру влажность воздуха — в таких случаях звук распространяется дальше, — можно было предположить, что автомобиль прошел примерно в километре, а может, и ближе. Получалось, что они слишком уж приблизились к расположению вражеских частей.

Матюхин достал карту и внимательно исследовал ее. По карте выходило, что до нужного района оставалось километра два с половиной-три. Но кто может знать точно, где расположились танкисты. Может, они уже продвинулись вперед?

В иное время Андрей обязательно посоветовался бы с Сутоцким. Но сейчас он не мог сделать этого — Николай словно сторожил каждое его движение, каждое решение. И Матюхин отдал приказ:

— Отдыхаем здесь. Спать по очереди, парами. Смена через два часа.

Он мог определить наряд и в другом варианте, чтобы отдохнуть самому: ведь разведчики отоспались и отдохнули, а он не успел. Но делать себе поблажек Андрей не хотел.

16

Штаб встретил Лебедева до обидного обыденно. Кто-то на бегу, улыбаясь, спросил: «Оклемался?» Кто-то осведомился, насовсем ли он или на побывку, а большинство встречных, знакомых и незнакомых, просто отдавали честь и проходили мимо: штаб жил напряженной жизнью.

Лебедеву чуть взгрустнулось. Потом, выслушивая штабные новости, он постепенно втягивался в привычную жизнь, по мельчайшим деталям оценивая, чем живут сейчас его сослуживцы, и понимая, что армия всерьез готовится к наступлению. Поэтому, прежде чем докладывать своему начальнику о прибытии, Лебедев пошел к подполковнику Каширину. Худое лицо подполковника почернело и заострилось: ему, видимо, доставалось. Увидев Лебедева, он улыбнулся и, пожимая руку, коротко сказал:

— Рад.

Сказал так, что Лебедев понял: Каширин действительно рад его возвращению. Потому и рассказ о девчоночьих наблюдениях получился веселым, с юморком, хотя с достаточной долей тревоги. Лебедев не знал, является ли новостью для контрразведчиков эта странная молодая

женщина из Радова. Ведь у каждого свои дела, и совать в них нос не положено.

Каширин сдержанно посмеялся, однако глаза его стали пронзительными.

— Ну что ж, сбегал, значит, в самоволку и — готово: шпион на крючке.

— Ваш?

— Нет, к сожалению. На той стороне, видимо, умный разведчик объявился. Задает нам хлопот.

— Да ведь сигнал бельем — наивность... в наши дни.

— Вот потому и умный, что понимает: несерьезно. Значит, мы можем не обратить внимания. А разве те, кто вас подстрелил, по-серьезному заброшены? Сработано по старым, классическим образцам, а результат в общем-то... не так уж плох.

Каширин рассказал о результатах допросов шпионов и сообщил, что группа Матюхина, видимо, благополучно прошла.

— Сейчас меня беспокоит одно: вдруг кто-то узнал об их задаче и дал знать... женщине? Тогда Матюхину придется туго... Своему начальству докладывал?

— Не успел. Прямо к вам.

— Спасибо. Я вот еще о чем подумал. А что, если эта... женщина...

Каширин вдруг замкнулся, и Лебедев непонимающе посмотрел на него. Подполковник молча ушел на кухню. Через некоторое время он вернулся с бутылкой коньяка, луком и тонкими, посушенными до бронзовой золотистости сухариками.

— Во-первых, за возвращение. Как-никак, а повезло вам здорово: били из трех автоматов. Во-вторых, когда-то под такой же коньячок мы с вами очень неплохо проанализировали обстановку и поведение противника. Наш анализ подтвердился. Давайте попробуем еще раз. Честно говоря, люблю рассуждать вслух, а не с кем.

— Можно. Хотя... сейчас из меня анализатор неважный.

— Это почему?

— Я ведь все-таки оторвался... нет, не от дела, а от самого его духа, души, что ли...

— М-м... Существенно. Тогда помогите мне. Будьте моим оппонентом. На свежую голову, так сказать. Да и вам необходимо войти в курс событий.

— Ну что ж, попробуем.

Они выпили по глотку коньяка, закусили луком и приятно хрустящими сухариками.

— Кстати, о свежем взгляде. Говорят, что обычай закусывать коньяк лимоном ввел по совету врачей наш последний царь. На полковых праздниках господа офицеры пили весьма солидно. А лимонная кислота довольно надежно нейтрализует алкоголь, и, значит, опьянение задерживается. Для царя это более или менее безопасно. Прием вошел в моду. А почему он родился, забыли... Нам с вами чрезмерное опьянение не угрожает, и потому скажите по совести: как вам нравится моя закуска?

— По-моему, здорово... Остается приятный привкус и сухарика и винограда...

— Вот! Значит, не всегда, даже в жизни, хорош обычай. Можно жить и своим умом. Вот и давайте поразмыслим своими слабыми умишками. В прошлый раз мы точно установили, что эсэсовцы прибыли из Франции. Они понесли солидные потери потому, что шаблонно перенесли обычаи карательных операций на Западе на войну на Востоке. Что мы видим теперь? Они забросили к нам в тыл несколько разведывательно-диверсионных групп. Заметьте, без особого риска — оставляя их в тылу наших наступающих войск. Умно. Для противника, привыкшего наступать и широко пользоваться техникой, такое решение нестандартно. Они не дали своим людям раций. Тоже можно понять — средства пеленгования резко улучшились. Диверсантов легче запеленговать, чем разыскать. Они учли это, и связь установили собакой, дымами, возможно и... разноцветным бельем. Согласитесь, это нестандартно.

— Да, но подобные «нестандартные» решения и приемы, в сущности, стандартны. Они описаны в десятках разведывательных учебников и в мемуарах. Поэтому здесь скорее стандартное мышление.

— А когда и где сказано, что использование оправдавших себя приемов нельзя применять в иной обстановке? Ведь что получается? Техника разведки развивается стремительно — подслушивание, аэрофотосъемка, пеленгование, инструментальная разведка и так далее. Но одновременно растут и средства контрразведки. В этой технической борьбе, борьбе умов и научных достижений, старые, проверенные методы теряются, забываются. Они кажутся наивными, и на них не обращают внимания как на недостойные для солидных разведчиков и контрразведчиков. Вы согласны?

— В известной степени.

— Хоть это хорошо. Ну-с, рассуждаем дальше. Видимо, разведчик — старый и опытный — проанализировал свои удачи и неудачи, не поленился изучить наш опыт, насколько он ему доступен, и пришел к выводу: а зачем мудрить? Ведь нужно немного — установить, поступают ли в нашу армию резервы, и если да, то где они располагаются. А для этого совсем не требуется вводить в дело сложные технические средства, засылать людей в штабы и прочее, и прочее. Ведь война на уровне дивизии или армии требует быстрого изучения противника. Главное — быстрота, оперативность. Через неделю самые ценные штабные сведения устаревают. Нам требуются данные за неделю, за два дня, а иногда — за день. Стратегические сведения нужны иным штабам, иным формированиям. Потому там и другая разведка.

— Ну это, как говорится, мы учили, — усмехнулся Лебедев.

— Вот именно — учили. И забыли. Мы ведь часто забываем даже школьные истины. А этот некто не забыл. Он все учел и повел разведку именно так, как ему нужно. Ему, а не вышестоящему штабу! Я не сомневаюсь, что их вышестоящий штаб тоже ведет свою разведку, но мы с ней не сталкиваемся — иные приемы, иные масштабы и задачи. Значит, перед нами умный и многоопытный разведчик. Правда, есть и другой вариант — перед нами молодой выскочка, педант: он вычитал примеры из учебников, вспомнил, чему учили в академии или в училище, и наивно решил применить эти немудреные знания.

— Если принять вторую легенду, то молодой педант вряд ли придумал бы возвращение с помощью захвата машины.

— Вот! Значит, второй вариант отпадает. Ведь, в сущности, это же чертовски просто: захватить машину и прорваться к своим. При кажущемся, если мыслить шаблонно, наиболее опасном варианте появляется наибольшая вероятность успеха. И еще. Показателен состав группы. Старший — немец, отлично владеющий русским. Это мозг. В случае провала группы согласно их же пропаганде на жизнь он рассчитывать не может. Будет верен до конца. Но ради спасения может пожертвовать остальными: они — чужие, низшие. Для гитлеровцев ничего не стоят. А двое других? Русский — предатель и знает себе цену. На той стороне связан детьми. Словом, зажат со всех сто-

рон. По расчетам нашего противника, обязан драться до конца при всех случаях жизни. Но русского легко и перевербовать. Я уверен, что этот противник отлично понимает: на какое-то время кого-то из советских людей можно обмануть, даже запугать, но патриотизм есть патриотизм. Рано или поздно он проснется. Допустим, он проснулся — а он и в самом деле проснулся! — именно русский не оказал сопротивления, и его перевербовали. Он возвращается и дает ложную информацию. Методы их допросов известны... Расколется, если виноват. А не виноват и умрет под пытками — не велика потеря. Он — чужак. Остается прибалт. Мне кажется, он включен в группу как невольный контролер. Если попадутся или погибнут первые двое — прибалту будет особенно трудно. И среди наших войск и среди немецких он сразу же выдаст себя акцентом. Но среди наших войск он шпион и предатель. Следовательно, ему нужно пробиться к немцам. Любой ценой. Он и дрался до конца. Как видите, психологическая обоснованность группы — в рамках их мышления — великолепна.

— Но ведь все это мысли нашего противника на случай провала группы. А ведь он надеялся на успех!

— Правильно! Но какой успех?! Недельный! А этот успех обеспечивался тривиальной связью — собакой! И дымами! А в течение недели, да еще после только что прошедшего наступления противника, когда все в брожении и движении, а средства охраны тыла распылены, в этих условиях два или три умных разведчика всегда поддержатся и соберут уйму сведений! А погибнут они или не погибнут при возвращении, не так уж важно. Сведения-то они передадут!

— Вы меня убедили, что противник наш умен и старыми способами пользуется разумно. А как радовская сигнализация?

— Еще не знаю... Но, рассуждая за нашего противника, можно ожидать, что, скорее всего, она не одна.

— Почему?

— Вот смотрите. Она живет с дочерью. Вам ли говорить, как мать дорожит дочерью. И если она согласилась на предательство, тому нужны очень веские основания.

— Заставили... ценой жизни той же дочери.

— Верно. Но заставить можно, когда она во власти противника. Сейчас его нет. А она действует. Почему? По логике, такой женщине нужно сделать небольшое — немед-

ленно податься куда-нибудь в сторону и затеряться, спасти себя и дочь: пусть попробуют найти ее среди наших! А она остается на месте. Допустим, она нерешительна, боится сдвинуться с места. Но не выполнять задание она ведь может?

— Может, но боится, что вернутся немцы и тогда...

— Если они начнут возвращаться, она всегда может уйти с нашими. Да и не окончательная же она дура — дуру на такое дело не оставят, — она же видит, что берет-то наша. Значит, кто-то ее контролирует и она знает об этом контроле. Знает настолько, что рискует даже дочерью. Ну, это уже по нашей части...

— А по нашей? — спросил Лебедев и налил коньяку.

— По вашей? Вам предстоит заслать еще пару — тройку групп. Так вот, предупредите ребят, что перед ними будет необычный противник. Не стандартный. Он наверняка придумает нечто такое, что по всегдашним нормам не делается.

— Это необычное может коснуться и эсесовцев?

— Уверен! Понимаете, они, в сущности, открыты. Наш противник понимает, что примерный район их сосредоточения нам известен — скрыть его трудно. Техника есть техника, плюс партизаны. Он прекрасно понимает, что поднять и передвинуть такую машину, как немецкая танковая дивизия, незаметно почти невозможно. А может потребоваться. А он — умный. Значит, придумает нечто необычное. И еще. Мне кажется, он разгадает наш финт с группой Матюхина. Наш почерк он, видимо, тоже знает и понимает, что, будь он на нашем месте, он бы не преминул под этот шумок заслать в тыл противника свою группу. Ситуация получилась отличная.

— Вы считаете, что группа Матюхина засечена?

— Еще не считаю. Понимаете, сегодня нашему противнику пришлось расследовать и оправдывать провал операции. Значит, подумать о Матюхине у него не было времени. Кроме того, предыдущую ночь он наверняка не спал. Мозг притуплен. Думаю, что утром он окончательно разберется — уже не для начальства, а для себя — в случившемся и подумает о Матюхине. Вот такие пироги. Ситуация серьезная.

Они чокнулись, и Лебедев понял, что пришло время уходить. Он дожевывал сухарик и поднялся. Каширин спросил:

— Неужели так хороша?

— Не знаю... — почему-то не смутился Лебедев. — Может, и не так уж, но...

— Черт! Завидую... — искренне сказал Каширин и крикнул за дверь: — Дежурного ко мне! — Пожимая на прощание руку, добавил: — Часа через два мои хлопцы будут у сигнаalistки, а к утру подъеду и я...

17

Ночевали спокойно. На заре вдалеке опять прошла неторопливая машина и замолкла. Где-то прокричал паровоз. Вот все, что слышали разведчики.

Но на свежую голову думалось легче, и Матюхин после завтрака принял решение:

— Сутоцкому и Шарафутдинову осторожно разведать лес на юго-запад. По-видимому, там проходит дорога. На карте ее нет, а машины ходят. Подчеркиваю особо — осторожно! Грудинин ведет наблюдение через оптический прицел с дерева. Я займусь тем же чуть дальше. Сбор здесь через четыре-пять часов. Все ясно? Вещмешки оставить и замаскировать.

— Так точно, — ленивенько ответил Сутоцкий. — А если промахнемся, а? Андрей? Сигналов не будет?

«Чего он все время придирается ко мне? — подумал Андрей, но отметил: — Впрочем, сигнал сбора не помешал бы».

— Я филином закричу, — сказал Грудинин. — Знаешь, как филин кричит?

— Слыхивал...

— И еще. Ты, Гафур, как пойдешь, елочки, подрост то есть, заламывай. Верхушечки. Легче возвращаться будет по таким заметкам.

Они разошлись. Грудинин выбрал высокую сосну с густой кроной и стал снимать сапоги.

— Зачем? — спросил Андрей.

— Если в сапогах лезть, смола к ним пристанет. А смола пахнет сильно и долго.

Ну что ты скажешь?! Знает солдат дело, знает. А командир не знает.

Может, и Сутоцкий потому такой ершистый и ревнивый, что видит: дела идут не так, как следовало бы. Но сколько Андрей ни перебирал в памяти свои поступки и решения, найти в них ошибочные не смог. Все было правильно. Все от души, для дела. И все-таки что-то идет не

так, как хотелось бы. Может, слишком рано он взялся командовать? Ведь и отделением на войне не покомандовал...

Подобрав подходящее дерево, Матюхин тоже снял сапоги.

С первыми лучами солнца вдалеке взревел танковый мотор, и Андрей отметил: танкисты на месте. Мотор порабатал, потом опять взревел — и звук стал отдаляться. Через некоторое время донеслись приглушенные лесом выстрел и пулеметная россыпь. Видимо, противник и в резерве не забывает о боевой подготовке: оборудовал где-то танкодром и ведет занятия.

На смену первому мотору взревел второй, потом опять донеслись выстрелы. От дороги пробился шум тяжело груженных машин. Над лесом низко проплыл маленький, вероятно связной, самолет. Проследив за ним, Андрей заметил, что над его бортом свешивается голова в авиационных очках-«консервах». Похоже, летчики кого-то ищут. И почти сейчас же вдалеке раздался собачий лай — залистый, злой, нетерпеливый.

Андрей впервые за все время вздрогнул и оглянулся по сторонам. Лай немецких сторожевых собак... Сразу вспомнился лагерь... неудачный побег и оскаленная, с уже желтоватыми клыками, собачья морда над лицом. И жаркое, вонючее ее дыхание. И глаза. Злобные... Да нет, не злобные. Это мягко — злобные. Звериные! С темно-розовыми от старательности и боевого возбуждения белками. Собака не лаяла, не рычала, она топтала грудь и норовила вцепиться в горло, а Андрей подставлял ей руку. Второй рукой он толкал ее в грудину, в острую кость, покрытую хорошо промытой жесткой шерстью. Собачий поводырь молча бил по руке плетью. Той самой плетью, которой он, вероятно, наказывал и собаку. Другие охранники смеялись — весело и громко. А собака нажимала на Андрея всей тушей, словно старалась выслужаться, доставить удовольствие своим хозяевам...

Укусы болели долго, но не гноились. Говорили, что в собачьей слюне есть какая-то сила...

Собака — это страшно. Сама по себе она ерунда, а вот в сочетании собака и охранник — страшно... Они как бы сливались, дополняли друг друга и уничтожали последнее, что есть в человеке человеческого. Оставалось только звериное стремление выжить. Любой ценой. Пусть оторвут руку, пусть ногу, но выжить.

Подул ветер, и собачий лай больше не повторялся. Андрей вытер испарину и постарался сосредоточиться. Это удалось не сразу. Давнее ощущение, что все идет не так, как надо, вернулось и стало предчувствием беды. Какой, почему, Андрей не понимал, но чувствовал: что-то сменилось в округе, что-то идет не так, как ночью или даже утром.

«Вот вернутся ребята, и мы сообща решим, что делать. И как делать», — думал он и понимал, что это отговорка, успокоение себя.

Все знали, что делать — сторожить танкистов — и как делать — бесшумно и незаметно. А он, командир, должен следить за выполнением этого приказа и учить, как нужно сделать, чтобы его выполнить. Учить... А он всегда знал, чему учить?

Сутоцкий и Шарафутдинов вернулись чуть позже, чем он их ожидал. И странные. Рассерженный Сутоцкий, с раздувающимися ноздрями чуть вздернутого носа, неприязненно поглядывал на бледного, с поджатыми губами, словно закаменевшего Шарафутдинова. Они сразу прошли в сосновые заросли, что окружили несколько старых, далеко отстоящих друг от друга сосен, и залегли. Что ж, появились грамотно и замаскировались правильно.

Матюхин спустился на землю, обулся и улегся возле ребят.

— Докладывайте.

— Чего докладывать?

— Что видели.

— Пускай он докладывает! — прошипел Сутоцкий и отвернулся.

— Старшина Сутоцкий! Вы, кажется, забыли, что получили боевой приказ! За его невыполнение — расстрел! В любом месте!

Николай круто повернулся с боку на бок и приподнялся на локтях. Видно, он заметил во взгляде младшего лейтенанта нечто такое, что подсказало: Матюхин на пределе. А каков предел на войне, Сутоцкий знал...

— Дорога действительно есть. Даже улучшенная и, видимо, недавно прорубленная. Движение войск не наблюдалось. Прошли одна легковая машина и с десятка грузовых с досками. Линий связи не обнаружили. Все.

— А что вы заметили, товарищ Шарафутдинов?

Гафур попытался было вскочить, но Андрей придержал его за плечо.

— Лежа.
— То же самое, товарищ младший лейтенант.
— Понятно... Какая машина, товарищ Сутоцкий?
— Обыкновенная... Крытая... Маленькая...
— Сколько человек в ней сидело и кто?
— Не успел рассмотреть. А рассмотрел бы — документы принес.

— Доски какие?
— Чего ты пристал? — возмутился Сутоцкий. — Обыкновенные доски!

«Больше я этой неврастении терпеть не буду, — решил Андрей, — как и панибратства. Сегодня же поговорю с Николаем. Если не понимает сам, нужно подсказать, а то и заставить».

— А вы, Шарафутдинов, что скажете?

Гафур быстро, остро-вопросительно посмотрел на Николая.

— Машина странная, товарищ младший лейтенант. Ехала медленно и на ямках очень тяжело скрипела. Прямо переваливалась. Сидели в ней двое. У шофера — справа пулемет. У второго, офицера, — он в высокой фуражке — автомат.

— Пулемет сквозь стекло?

— Так точно, товарищ младший лейтенант. Я очень удивился: как это сквозь стекло? Потом смотрю — правильно, в стекле дырка. И стекло странное — как бы туманное.

— Так... А доски какие?

— Это не доски, товарищ младший лейтенант. Это бруски, опиленные, квадратные.

— Почему не доложили о замеченном старшему группы? — Гафур взглянул на Сутоцкого и промолчал. — Старшина, почему вы не расспросили подчиненного о замеченном им? Что за машина? Она действительно с пулеметом?

— Ну... с пулеметом... А какое это имеет значение? Доски какие-то... На лесозаготовки сюда приехали, что ли?

И на этот раз у Андрея хватило выдержки.

— В самом деле странно, — протянул он, вытаскивая карту. — От передовой вывозить пиломатериалы в тыл. Впрочем... Впрочем, смотрите, вот здесь — лесопилка, — отметил он. — А дорога... Дорога идет по просеке как раз в район, занятый танкистами, а от них, возможно, к стан-

ции. А брусья? Брусья наиболее дорогой пиломатериал. Так что все верно. Больше ничего не слышали?

— Никак нет, товарищ младший лейтенант! — быстро отпортовал Гафур.

На этот раз Сутоцкий посмотрел на него с откровенным презрением.

— А я слышал вот что... — Андрей рассказал обо всем, что слышал, и заключил: — По-видимому, эсэсовцы стоят на месте довольно прочно. Нужно будет понаблюдать за ними с другой стороны. Давайте посмотрим откуда.

Он развернул карту. Синим кружком на ней был очерчен район сосредоточения эсэсовцев: лес, река, перелески, несколько деревенок и, значит, полей в их округе — идеальное место для занятий танкистов!

В это время слез с дерева Грудинин. Он аккуратно обулся, осмотрелся, прислушался, потом присел и закурил. И только тогда пошел к товарищам.

— Разрешите доложить, товарищ командир? — спросил он, не очень умело прикладывая ладонь к пилотке.

— Разрешаю, ложись.

— Танковые моторы вы, конечно, слышали? — Матюхин кивнул. — И выстрелы? Так вот, я поначалу думал, что у них боевая учеба. Но мне в прицел видно подальше, и вот что меня заинтересовало. Сколько было выстрелов, и ни одной трассы... Ладно бы пулеметной — день все-таки, трассер у пули слабый. Так и у снарядов трассеры не срабатывали! И опять-таки, если бы они стреляли бронебойными, значит, без трасс не обошлось бы. А если бы бризантом или там, к примеру, осколочным, где-нибудь, а должен же быть разрыв. Хоть если бы снаряд в цель попал, хоть пролет бы давал. Но должен же быть разрыв? А?

— Должен, — согласился Андрей, уже понимая, что Грудинин отметил то, что просмотрел, вернее, прослушал он. Артиллерист называется! Экая шаблонность мышления! Ведь на то он и разведчик, чтобы все замечать.

— А разрывов не было!

— Не было.

— Тогда все, товарищ командир. Раз и вы так думаете.

— Ладно. Давайте думать, куда и как выходить.

Они долго путешествовали по карте, пока не решили обходить район дислокации противника справа, чтобы заодно проконтролировать и железную дорогу — там можно

было подобраться и к ней. Сутоцкий иронически спросил:

— А сигналы подавать сюда будем бегать?

Гафур и Грудинин тревожно посмотрели на Андрея: неужели командир дал промашку?

— Сигналы действительны по всей полосе армии, — сдержанно ответил Матюхин, и Сутоцкий потупился.

Днем они наблюдали, выбирали примерный маршрут. Вечером подремали, а в двенадцать ночи Матюхин дал условный сигнал: противник на месте.

После этого они снялись с места и двинулись несколько наискосок от хуторка, на который собирались выйти. В три часа ночи Гафур залез на сосну и дал следующую пару ракет. Уже выровнив маршрут, Андрей подозвал Гафура:

— Передовая видна?

— Осветительные ракеты и зенитные трассы.

— Хорошо видны или только просматриваются?

— Хорошо!

— Тогда можно забираться поглубже: ракеты сильные.

К рассвету группа вышла к лесному хуторку. Здесь должно было быть несколько домов с огородами. Но ничего этого не оказалось. Обелиском торчали трубы над русскими печами, и пряно пах бурьян, разросшийся на пожарище.

Лишь там, где на карте огороды спускались в низину, к речушке, бурьяна не было. Плыл легкий туманец, и разведчики не сразу разобрались, что попали на большой, даже огромный огород. Тщательно спланированный и не менее тщательно ухоженный.

Впереди из тумана поднимался старый сеной сарай и еще какое-то кособокое строение. Пахло свежеполитой, хорошо удобренной землей. Грудинин вдохнул поглубже и отметил:

— Компосты делают. Из ботвы.

Теперь Матюхин уловил слабый кисловатый запах от невидимых компостных куч.

Сутоцкий нагнулся к Андрею и шепнул:

— Пошуруем! — Глаза у него поблескивали даже в сумерках, а в движениях, в фигуре появилось что-то хищное, стремительное.

— Нельзя, — покрутил головой Матюхин. — Сидеть или ползать тихонько.

— И ты туда же!

Мгновенно вспомнились перегляды Сутоцкого с Гафуром, и Матюхин спросил:

— Шарафутдинов тебе уже напоминал? — Сутоцкий отшатнулся и отошел. — Пара Сутоцкого на месте. Грудиня, за мной.

Пригибаясь и прислушиваясь, они прошли между грядок к сараю. Там, на сене, спали женщины и дети. От сарая прокрались к избушке-полуземлянке, заглянули в темное окно и осторожно приоткрыли дверь. Пахнуло конским потом и махоркой. Хриплый, простуженный голос спросил:

— Кто там?

Матюхин ответил по-немецки:

— Свой. Не бойся.

Чиркнула спичка, и засветилась стеариновая плашка. На топчане сидел босой старик в распахнутом немецком кителе и старых советских солдатских брюках. Он не спеша почесал впалую грудь и раскурил сигарку.

— Что надо, пан?

— Никто не заходил к вам? — опять по-немецки заговорил Матюхин. — Нет ли здесь или поблизости наших солдат?

— Нихт зольдатеи, — ответил старик и отвернулся к окошку.

Грудиня немедленно загородил его собой. Старик повернулся в другую сторону.

— Чем занимаетесь в такой поздний час? — спросил Андрей.

Старик каменно молчал, потом вдруг стал обуваться — быстро и сноровисто. Встал, застегнул немецкий мундир и спросил:

— Чеснок? Шпинат? Капуста?

— Ладно, — переходя на русский, махнул рукой Андрей. — Кем здесь пристроился?

Лицо старика не дрогнуло, только на мгновение чуть расширились глаза.

— Огородник... По-старому, по-колхозному — бригадир. А по-немецки... Ей-богу, не выговорю.

— Немцы есть?

— Нет. Тут их всего двое — начальник да кладовщик. Они в деревне живут. Там у них контора.

— Что за женщины в сарае?

— Заночевали. Третий день на уборку гоняют, им ту-

да-сюда ходить не захотелось. Да и бояться: самолеты зачастили. Начнут бомбить — не обрадуешься. Вот они здесь... которые с детишками, которые одни... Да и прокормиться здесь легче.

Старик отвечал быстро, но слишком уж заученно. Так можно отвечать и немцу, и русскому, и полицаю.

— Садись, отец, — предложил Матюхин, и старик сразу же опустился на топчан. Андрей сел на ящик из-под консервов так, чтобы видеть дверь. — Не будем скрывать. Мы — разведчики.

— Партизанские?

— Нет. Красной Армии.

— Далеконько забрались...

— Служба.

— А чем докажете?

— Чем же доказать? — усмехнулся Андрей и повернул под капюшоном маскировочной куртки пилотку звездой вперед. — Смотри.

— Понятно... — кивнул старик. — И чего ж вам нужно?

— Давай по порядку: что это за огород?

— Обыкновенный. Снабжаем овощами и зелеными ихние столовки. Солдатские маленько похуже, офицерские много лучше.

— Всех снабжаете или только эсэсовцев?

— Раньше — всех, а теперь только эсэсовцев.

— Это ж почему такое изменение?

— Урожай... Август ведь...

— Так урожая должно на всех хватить.

— Не знаю. Нам — как приказано. Приказано все эсэсовцам отвозить, вот и вожу. Другой раз и они приезжают...

Нет, он не собирался радоваться советским разведчикам, не спешил открываться, не рвался в помощники. Он выжидал, тянул время, и Матюхин не знал, что сделать, чтобы старик раскрылся. Ведь он, если возит овощи эсэсовцам, многое знает. Видит и знает.

От окошка подал голос Грудинин:

— Тебя как кличут-то?

Старик, не поворачиваясь, все так же ровно ответил:

— Егором. А тебя?

— А меня Николаем. — И добавил с непонятным значением: — Я — зимнего Николая.

— Ага... Ну что ж, Николай зимний, дал бы ты мне

закурить хоть штучку — своя махорка еще не дошла, курю прямо-таки зеленый лист. Дерет уж очень.

Грудинин вынул кисет и кинул его на стол перед стариком. Тот не торопясь развязал его, вынул газетку и стал разворачивать. Андрей и Грудинин переглянулись — хитер старый. Как разыгрывает: «Дай хоть штучку!» Ведь полицейские и немцы курят сигареты. И не стал спешить скручивать цигарку, а прежде всего рассматривает газету.

Старик читал газету, далеко отставив ее от себя, натужно шевеля губами. Он прочел общую часть сводки Совинформбюро, перевернул газету, прочел все заголовки, заглянул вниз, прочел и номер полевой почты.

— Да-а... Вот оно, значит, как получается... На юге их лупят, а они здесь шевелятся.

— Как это — шевелятся? — подался вперед Матюхин.

— Не спеши. Когда-нибудь, а рисковать нужно. По газетке вижу, наши. Рискну. — Он развернулся к Андрею и, навалившись на столик, доверительно зашептал: — Сматываются эсэсовцы. Видать, на юг подаются.

— Отец, ты не путаешь? Партизаны бы узнали...

— Фиг с редькой они узнают. Откуда? Железнодорожники и те не знают. И я в аккурат только вчера догадался. Второй день по три, а то и по пять эшелонов уходят.

— Слушай, мы второй день здесь, мы слышали бы...

— Ха! Партизаны не узнали, а они слышали б! Ведь они как поступили? Дён пять назад, в ночи, прибыл на станцию вроде ремонтный поезд — это мне стрелочник знакомый, за семенами ко мне приходил, рассказал. И за ночь выложили в лесу ветку километра на два. Сверху сеткой замаскировали. Вот. И уже третий день, как темнота начинается, на станцию подается два, а то три эшелона порожняка. Стоят себе на запасном пути. Потом на рассвете приходят эсэсманы, все прочесывают насквозь, всех разгоняют и — порожняк на ветку. Там и грузят. И танки, и машины, и пушки.

— А стреляют зачем?

— Как это зачем? Они же раньше каждый день занимались. То одни, то другие. Люди и привыкли — стреляют, ну и пусть стреляют, хай они скажутся. И никому до них дела нет.

— Понятно. А почему считаете, что уходят? Может, наоборот, пополнение получают?

— А они, значит, как грузятся.. Еду я вчера утречком, везу зелены, приказали к рассвету подать две подводы, в эшелон, выходит. Как бы на дорогу. Эсэсовцы — народ балованный, им все свеженькое подавай. Ну вот, везу, а мне вперерез по лесной дороге целая экспедиция. Один танк второй тянет, а за ним еще две машины с орудиями прицеплены. Ползет прямо к ветке. Я остановился, вроде хомут на второй подводе поправляю — это я за первую прячусь, — и гляжу. Вот та экспедиция по такой пологой настилушечке и поехала прямо, видать, на платформы. А вскорости еще одна такая тянется. Сдал я свои зеленые и поехал не на огород, а в деревню, вроде к начальству, а сам зашел к стрелочнику — он тоже в деревне живет. «Куда это, говорю, фрицы налаживаются?» — «Машины, спрашивает, что ли?» — «Да, говорю, и машины...» — «Кто ж их знает, отвечает, должно, на ремонт. А лес, говорит, прямо в Германию адресуем. Как всегда». И ведь верно! Второй уж год он с этой станции пиломатериалы в Германию возит. У нас тут в округе несколько лесопилок, и все работают. Все вроде верно. А я проверил: «А танки, говорю, тоже в Германию?» — «Да ты что, говорит, заболел? Уши у тебя заложило? Они ж, как всегда, режут. И я, говорит, ни разу танков на платформе не видел». Вот поехал я домой, слушаю, как локомотив подали, как второй эшелон втянули и опять танки зарычали, опять стрельба. И тут меня осенило. Вот, думаю, значит, как получается. Они танки досками или там брусом обкладывают, и ни один черт не догадается, что под теми пиломатериалами. Драпают эсэсовцы, драпают. Ночью я, однако, засомневался: наемный бой до нас донесся, даже «катюши» играли, немцы их ужасно боятся. Думаю, плохи у нас дела, если наши не наступают, а немцы не только воюют, но еще и танки свои перебрасывают. Значит, им здесь непотвотив кого воевать. А газетку прочел, понял: вот почему их туда гонят! На юге у них дела плохие.

— А вы что, ничего не знали о наступлении на юге?

— Откуда ж узнаешь, мил человек? Мы ж тут — как медведи в берлоге на переломе зимы, хоть вой, хоть молчи, никто ничего не услышит и не узнает. Ежели вперед — там солдатня немецкая, хоть что, да проговорится. Ежели назад — там партизаны, нет-нет да листовочку кинут или газетку передадут, а то кто завернет, как в прежние времена, политинформацию сделать. А здесь мы как бы посередине. Никому до нас дела нет.

— Понятно... Партизанам о своих догадках сообщили? Старик приподнялся от стола, выпрямился и удивленно посмотрел на Андрея:

— Ты что ж думаешь, мил человек, партизаны наподобие грибов? Раз лес, значит, и партизаны? Кому я сообщу? Да хоть бы и сообщил, так, думаешь, они мне поверят?

— Что, из веры вышел?

— Окончательно! Одно то, что партизаны сына моего старшего, полицейского, застрелили. Второе, они знают, что дочка моя замужем за полицаем. А третье, я ведь и сам у немцев в начальниках хожу: вишь какие огороды для панов развел? А ведь работает здесь кто? Бабы! Особенно те, у кого мужья или там сыновья в Красной Армии или неизвестно где. А неизвестно где, по нашим понятиям,— значит, в партизанах. Так что ж ты думаешь, если я их тут гоняю, так они за меня свечку ставить будут? Или своим не шепнут, какой я их гонитель являюсь? Шепнут! Вот почему партизанские разведчики ко мне и не ходят.

— Ну а если наши придут? — несколько обалдело спросил Матюхин. Он не знал, верить ли старику или не верить.

— А что ж мне их бояться? Разберутся!.. Одно то, что хоть и сын он мне, а я его... не очень и жалею. Неудачный он получился. В армии не служил, дисциплинки не знал. Все самогон да бабы. С него при наших никакого толку все равно не получилось бы. А второе, как я замечаю, зять у меня не такой уж дурак. Так, по вопросам, по заглядам понимаю: он с партизанами снюхался. Опять-таки третье. Два сына у меня в армии и дочка, поскольку она фершал, тоже не минула. Наши зачтут. Да и я не такой уж дурак. Огородник. Травки знаю претоллично... Тут у нас ферма молочная была. Для госпиталей молоко поставляли. Ну, скажи, напал на скотину мор! Вздутие живота и — копыта на сторону. Вот ведь какое несчастье...

— Что ж вы мне рассказываете? А вдруг я из полицейских?

— Не-ет... Я поначалу погрешил маленько — взгляд у тебя тяжелый, ты, видать, насмотрелся, хоть и молодой. Неулыбчивый у тебя взгляд. А вот у Николе зимнего, сразу видно, свежий взгляд, легкий. А я, мил человек, как с германской вернулся, только хозяйство начал ставить — тут немецкая оккупация. Накрутился. Потом — граждан-

ская война. То одни, то другие. Потом — поляки прокатились. Ко всему приобвык и многое чего вижу. Так что ты насчет меня не сомневайся, но проверять проверяй. А вдруг я сбреншу? И еще скажу тебе: поостерегись! Тут дозоры с овчарками черными так и шастали. Правда, вчера уже не было. Но могут вернуться.

— Спасибо. Поостерегусь.

— Храни тебя бог, а все ж таки уходил бы... Зорька вон разгорелась, а начальник мой немецкий хлопотун: не ровен час появится. Поскольку тебе меня проверить нужно, подавайся ты отсюда влево. Те, что поблизости здесь стояли, те все ушли. Теперь, надо думать, дальние поедут. Там у них дорога новая, вот они за дорогой и стоят. Начальничек мой вчера предупредил, что повезу дальше, чем обычно. И машина придет. Надо эсэсовцев витаминчиками снабдить. Надо... Может, они на юге перепреют, все земля богаче станет.

Они попрощались, и старый Егор попросил у Грудинина:

— Слышь, Никола зимний, оставил бы ты мне газетку, а? Ведь как-то на душе с ней радостней.

— Так мне не жалко... Только ж бумага...

— А бумаги я тебе дам. Дам, мил человек. Немецких газет, ясно, не дам. У них бумага тонкая, глянцева, для курева неспособная. Я тебе старую газету дам. У меня в ней фото замотаны. Так я перемотаю. — Он полез под топчан, достал из сундучка сверток и перемотал газеты. — Держи. Кончится война, приезжай. Разыскивай Егора Грубого. То я как раз и есть. Охота у нас сказочная! А я тебя по глазам остреньким вижу — ты охотой балуешься.

С Грудининым Егор попрощался за руку — признал своего...

Ночью капитан Маракуша провожал в тыл врага вторую группу. Если группа Матюхина просочилась в направлении левого фаса расквартирования немецких резервов, то новая группа пошла в центр. И все-таки на всякий случай Маракуша предупредил, что, если группы столкнутся, пусть самостоятельно разделят зону границами наблюдения.

Поставить задачу, проверить подготовку к переходу и сам переход поехал полковник Петров. Поэтому его встре-

ча с майором Лебедевым оказалась мимолетной. Полковник по дороге к машине рассказал Лебедеву о положении дел и приказал сидеть у телефонов, знакомиться с документацией.

Донесения с передовой, процеженные офицерами разведок полков и дивизий, приходили спокойные, деловые. Наблюдатели отметили сигналы группы Матюхина, и Лебедев почувствовал себя увереннее. Однако разговор с Капириным не позволял удовлетвориться только донесениями. И Лебедев, пользуясь относительным затишьем, вызвал к телефону командира полкового разведвзвода, на участке которого уходил в тыл врага Матюхин.

Как и предполагал Лебедев, все оказалось серьезнее. Полковые наблюдатели доложили своему командиру о движении отдельных групп противника по луговине: солдаты развернутым строем двигались к дальнему лесу, слышался собачий лай. Но тот не считал эти события достойными внимания. Противник и раньше занимался боевой подготовкой, и раньше в его ближнем тылу слышался собачий лай.

Лебедев поблагодарил командира взвода и связался с артиллеристами. Те, со своей мощной разведывательной техникой, могли сообщить дополнительные данные. Но оказалось, что такие мелкие цели, как отдельные группы противника, их в данной ситуации не интересовали — бить по ним далеко, точности попадания не жди, а снаряды приказано экономить. Майор попросил артиллеристов уточнить непосредственно на НП интересующие его вопросы и занялся документами. К утру приехал полковник Петров и спросил так, словно Лебедев не был в госпитале, а все время оставался в штабе:

— Что от Матюхина?

Лебедев доложил и не удивился поведению полковника: все правильно — раз на рабочем месте, значит, должен работать.

— Хорошо. Я немного отдохну, а вы подежурьте.

— Как с остальными?

— Нормально. Маракуша — толковый офицер. Переход организовал умело, воспользовался болотом. Наделали фашин с помощью саперов. Переползли. Да... Вот что главное — от недосыпа голова звенит, начинаю забывать — сегодня забросили к партизанам взвод из дивизии Лунина. Самолет вернулся, пилоты доложили, что все в порядке: сдали с рук на руки.

— С посадкой?

— Да. Высадились глубоко в тылу. С аэродрома разведчиков перебросят прямо к ближним партизанам. Вместе с ними они должны будут пощупать противника с тыла, с запада, и в случае нужды организовать диверсии. Связь с этой группой держим по радио. Радисты стоят вот здесь.— Полковник показал на карте точку.— Километра два западнее Радова. Днем не забудьте проехать к радистам и проверить, как идут дела. Следить за этой группой будете лично. А мы с Маракушей займемся еще одной группой.

Они попрощались, и Лебедев обрадованно усмехнулся: надо же как повезло! Ведь поездка к радистам — это поездка к Дусе.

Позвонили артиллеристы, подробно доложили о выполнении его просьбы. Сведения подтверждались: противник прочесывал местность, используя собак. Это погасило радостное настроение. Майор уткнулся в карту, гадая, чем можно помочь разведчикам, над которыми нависла беда.

Зазуммерил телефон, и Лебедев с досадой снял трубку: мешают думать.

— Майор Лебедев,— буркнул он в трубку.

— А-а! Явился герой ночных сражений,— зарокотал командармовский голос.— Шею не совсем свернули? Нет? А надо бы, чтоб понимал: лихость в таком возрасте, а тем более в таком чине до добра не доводит. Ну ладно, ладно, не сопи. Главное, жив и при деле. Так вот, как там дела?

Лебедев доложил — четко, ясно, но отчужденно-деловито: он еще не знал, как оценивает его поведение командарм. Судя по голосу и грубоватым шуткам, все в порядке. Но... Но лучше не расслабляться.

— Вот что, майор. Матюхинским следопытам я ставил задачу лично. Кроме того, мы с Добровольским дали им еще одно чрезвычайно важное задание. Какое — скажу тебе лично, после того как я выпорю тебя за мальчишество. («Кажется, все-таки пронесло, командарм относится по-прежнему хорошо».) А теперь прошу: следи за ними. Кстати, ты в них уверен? Лично, я имею в виду?

— Товарищ Первый, мои люди — с меня и спрос. Скажу честно, всех не знаю. Там двое новеньких. Но если их отбирал Матюхин, а командир роты дал добро, полагаю, что оснований для волнений нет. Прошли. Подали сигнал.

— В случае захвата перевербовка невозможна?

— Полагаю, нет. Они умели драться до последнего.

— Ладно. Следи и докладывай.

Под утро Лебедев поспал, а когда проснулся, увидел, что на лавке спит капитан Маракуша — небритый, в забрызганных грязью сапогах. Шинель с него сползла, фуражка свалилась, и черные волосы прилипли ко лбу.

Лебедев не стал его будить, привычно подготовил сводку, потом сходил позавтракал и, возвращаясь, крикнул умывавшемуся шоферу:

— Приготовь ключи, скоро поеду!

Шофер выпрямился, радостно уставился на майора, но ответил странно:

— Никак нет, товарищ майор. Ключей не будет!

— Это почему?

— Запрещено передавать ключи от машин кому бы то ни было. Даже под пистолетом. Все. Отъездились.

— Кто приказал?

— Начальник штаба, и под приказом все шоферы расписались.

Это огорчило Лебедева. Не хотелось, чтобы шофер знал, куда он заедет и почему. Но глядя в его радостное, веселое лицо, мгновенно припоминая все, что им пришлось пережить вдвоем, он вдруг понял, что шофер не только сослуживец, но, пожалуй, еще и друг. Верный и надежный. И, подчиняясь этой не свойственной ему вспышке сентиментальности, Лебедев подошел к шоферу, обнял за худенькие незагорелые плечи.

— А знаешь, чертушка, я ведь по тебе соскучился.

— И я. Каждый день канючил у полковника: отпустите к майору. Куда там! Все в разгоне... Но главное — вы живы. — Он посерьезнел: — Мы тут с ребятами обсуждали: ведь если бы мы вместе тогда поехали, могло стать, кто-то и не вернулся...

— Ерунда. Случай! Считай, что я за тебя твои пули принял.

У радистов известия оказались радостными. Шифровальщик передал радиограмму, из которой явствовало, что разведчики-десантники благополучно добрались до близких партизан. Во второй половине дня начнут работу. Предварительные данные о противнике: эсэсовцы на месте, ведут боевую подготовку в обычное время, в обычном месте и обычными силами. В воскресенье проводят футбольный матч.

Ну что ж, все идет правильно, все грамотно. Одна группа подстраховывает и контролирует другую. В таком деле, как разведка, это и есть высший класс точности.

Шофер развернул машину так, чтобы сразу двинуться в штаб, но Лебедев приказал ехать в Радово.

— Только не болтать! Понял?

— Так точно! Понятно было и раньше — прибежала...

— К тебе?

— Ага. С почтой. Интересовалась, как вы, где...

— Чертова девчонка! — сияя, выругался Лебедев.

— Это уж точно, — расхохотался шофер. Не доезжая до штаба тыла, он остановился. — Идите, а я поеду заправляюсь...

Они стояли в бывшем школьном саду. Теперь здесь торчало несколько спецмашин — тяжелых, неуклюжих, людей почти не было. Дуся прижимала к груди какие-то бутылки, словно прикрывалась ими от того неизбежного, чего оба ждали и чего побаивались. Он понимал это и потому уже не краснел, не смущался, был покровительственно-спокойным.

— Тут у нас девчонки-травницы. Вот... — Она протянула ему бутылки. — Настои. Сами делали. Очень помогают.

— От чего? Вы даже не знаете, что у меня...

— От ран. Всяких ран. Потом они укрепляющие. Вам нужно. Вы ведь еще бледный. Я вижу.

Они говорили о пустяках и знали, что за сказанным стоит другое, невысказанное, гораздо более важное и нужное. И это невысказанное было самым прекрасным и желанным.

Странно, Дуся уже не казалась Лебедеву ни молодой, ни хорошенькой. Она была Дусей. И большего ему не требовалось, потому что приятно было ощущать эту вечную женскую заботу о раненом, видеть эти тревожные и любящие глаза и чувствовать тепло ее рук. Он никогда не испытывал такого. Жена всегда казалась ему очень правильной, но слишком сдержанной: она была учительницей. Ему нравилось, что Дуся не спрашивает о соседке за тыном и ее судьбе. Вероятно, считает это неважным. Самое важное — встреча.

Уже отговорив о разных разностях и пустяках, уже поцеловав ее украдкой, Лебедев как бы между делом ска-

зал, что начальство благодарит ее и девчонок за сообщение о соседке. Дуся ответила:

— А я знаю.

— Откуда?

— А у нас были. Беседовали. И у нее были. Нам велели молчать.

Вот в чем дело!.. А он-то думал, что во всем виновата встреча... Оказывается, «велели молчать». Впрочем, Лебедев быстро утешился. Дуся стала рассовывать по его карманам бутылки с темным настоем. Он ловил ее руки, пытаясь попридержать и привлечь ее к себе... Тут подъехал «виллис», и они распрощались.

— Завтра я подскожу, — пообещал он, потом, вспомнив, спросил: — Какое белье висит — красное или белое?

— Красное... А... зачем все это? Так нужно?

— Да. Нужно, — кивнул он.

В штабе он опять зашел к Каширину и узнал, что красное белье — сигнал отхода наших резервов.

Совпадение методов сигнализации — разноцветные ракеты у разведчиков и разноцветное белье у немцев — огорчило и заставило задуматься. Как помочь Матюхину, как предупредить его о грозящей опасности?

Дома Лебедева ждал полковник Петров.

— Командующий торопит: сверху требуют ускорения событий. Командарм жметесь, ссылается на зсэсовцев и на этом основании выпросил из резерва фронта целую танковую бригаду. Сейчас для него главное — зсэсовцы. Как, впрочем, и для фронта.

— Подождем ночи, — ответил майор.

Он, конечно, мог сказать, что подготовка событий и их развитие происходили без него и нести за них ответственность он не хочет и не может, что недовольный, чересчур требовательный тон полковника неуместен. Но Лебедев ничего не сказал, даже не подумал об этом. Как и всякий штабной офицер, он знал: раз сел на свое место, значит, автоматически принимаешь на себя ответственность за действия предшественников.

Он принялся за дела и вдруг вспомнил о телеграмме от партизан, спросил:

— Товарищ полковник, на кой черт они затевают этот самый футбол?

— Ну — формально — почему бы и не отметить восхождение хорошим отдыхом? А вообще-то стоит подумать.

Полковник ушел, а Лебедев позвонил Каширину. Тот

выслушал сообщение о предстоящем футбольном матче и предложил зайти к нему.

— Не могу. У телефона.

— Ладно, я подскочу.

Каширин пришел со свертком, выложил из него сухарики и вчерашнюю початую бутылку.

— Послушайте, майор. Я убежден, что сообщение о футбольном матче либо ерунда, либо очень важный ход. Что слышно от Матюхина?

— Дал сигнал: противник на месте.

— Врать не станет. Предположить, что их захватили и выжали сигналы, маловероятно. Значит, Матюхин верит в точность донесения. Но давайте опять-таки пораскинем мозгами. Первый день у разведчиков, вероятнее всего, ушел на акклиматизацию: осмотрелись, провели первую разведку...

— Так. Но мне сообщили, что в той стороне был слышен лай собак и там заметили развернутые цепи противника — очевидно, шло прочесывание.

— Ну что ж... Значит, вчерашние наши предположения оказались не беспочвенными. Наш с вами противник отдохнул и разгадал наш финт с Матюхиным. Мы ждали этого. А перестрелка, шум отмечались?

— Нет.

— Наши наблюдатели сообщили, что ракеты взлетали в разных местах. Первые — в полночь, южнее, вторые — в три часа ночи, севернее. Правее. Если предположить, что Матюхин попался и выдал сигналы, то противник не стал бы кочевать. Он выпустил бы ракеты с одного места. А эти, видимо, шли. Скорее всего потому, что кое-что узнали, но сведения показались недостаточными, а уточнить их на месте невозможно. Все правильно, как мне думается.

— Ну, если так, то что значит сообщение о футбольном матче? Зачем партизаны сообщили о нем?

— Они, конечно, лучше об этом знают, — улыбнулся Каширин и налил коньяку.

— Мне думается, партизаны подчеркивают этим: наша разведка точная. Мы на чеку. Даже вот какие подробности нам известны. Так что верьте. А чему верить? Вчерашний наш разговор заставил меня задуматься, и я пришел к такому выводу: после неудачной операции по выручке своих разведчиков у них должен быть хоть небольшой, но траур. Тем более он совпал с нашим успеш-

ным наступлением на юге. Судя по сводкам немецкого радио, там пока ничего страшного не происходит. Разгромлены наши танковые бригады, захвачены пленные, и только кое-где для выпрямления линии фронта оставлено несколько населенных пунктов. Но ведь, как и мы когда-то, немцы научились читать между строк. Они понимают, что на юге — серьезно. Может быть, местное командование просто старается поднять настроение, показать, что ничего особенного не случилось?

— Вариант возможный. Я бы даже сказал, что единственно возможный. Что-то, а показная пропаганда у фашистов поставлена отлично. Но при нашем с вами противнике, мне кажется, есть и другой вариант. Следите за мной. Едва наши шоферы и ездовые подались в тыл, убежденные, что им предстоит погрузка — а именно так их ориентировали, — некто, теперь нам уже почти точно известный, заставил сигнальщицу из Радова сменить цвет белья. На допросе она призналась, что такой цвет предусмотрен на случай, если от нас начнут грузиться войска. От нас! Давайте подумаем: какой же это, к черту, разведчик сидит у нас в тылу, если он первые и довольно naive сведения о погрузке сразу же принимает за действительность? У него даже в мыслях нет перепроверить данные, уточнить их. Вы бы так поступили?

— Нет, разумеется.

— Вот и я думаю: что-то тут нечисто.

— А что нечистого?.. Возможно, этого резидента все время бомбардируют приказами установить и проверить отвод наших резервов. Он мечется, ищет, не находит, а его ругают, ему грозят. Тут, конечно, едва увидев нечто похожее, можно сразу сделать вывод, который от тебя ждут.

— И я так считаю. Запеленговать этого резидента мы не можем. Очевидно, у него только приемник. Давайте проследим события последних дней. На юге готовится наше наступление. Высшее фашистское командование обеспокоено. Оно понимает, что потребуются резервы, и начинает прикидывать, откуда их взять. Эсэсовцы давно бездействуют. Встает естественный вопрос: можно ли их снять с этого участка? Однако собака принесла известие: у русских здесь солидные резервы. Вывод: снять эсэсовцев — значит поставить под угрозу этот участок фронта. Надежда: у русских не так густо с войсками, и для развития успеха на юге они снимут резервы отсюда. Пони-

маете? Они живут этой надеждой, им хочется, чтобы наши резервы ушли. Вот они и терпят своего резидента. И он, наэлектризованный, взвинченный, принимает первые же известия за истину.

— А раз так, то Матюхин не справился с задачей?

— В каком смысле?

— Эсэсовцы уже снялись или снимаются, а он этого не заметил.

— Мы ведь говорили вчера, что противник перед нами умный. Я думаю, что уход танкистов обставлен очень тонко. Видите, партизаны тоже ничего не заметили.

— Вы думаете, что футбольный матч рассчитан на партизан и возможных разведчиков?

— Думаю! И вот почему. Как же нужно разрекламировать матч, если о нем узнали даже партизаны. Ведь связи у них с этим районом, кроме нашей, нет. Посчитайте. Партизанский разведчик пришел на станцию или в округу. День потерял там, нашел своих людей, усек положение — это полдня или ночь. Дорога назад — опять день. Значит, по крайней мере двое суток. Видите, как давно говорят об этом матче. Причем так легко, что даже партизанские осведомители и те знают. Непростительная беспечность или, наоборот, преднамеренные действия: иметь под боком партизан и сообщать всем и каждому о таком массовом и мирном мероприятии, как матч? Нет, Лебедев, дело не мое, но, думается, эсэсовцы снимаются или вот-вот снимутся. Как — неизвестно.

— Еще две группы ушли.

— Знаю. Но пока они займутся делом... давайте поступим так. Я доложу начальству о своих предположениях. Вы тоже. И мы оба, каждый по своей линии, поставим в известность вышестоящие штабы. Надеюсь, те проявят достаточный интерес и подключат дальнюю разведку. Во всяком случае прозевать ни нам, ни вам нельзя — головы снимут...

Так началась вторая тревожная ночь Лебедева. Он докладывал полковнику, потом командарму, писал шифровки, принимал их и все время с нетерпением ожидал сигналов из-за линии фронта. В двадцать два часа ему позвонили.

— Замечены две ракеты примерно из того же места, что и прошлой ночью.

Первая ракета была зеленой, вторая — красной. Вторая группа — двадцать два часа и два часа было время ее

сигналов — приступила к работе и противника не обнаружила. Теперь Лебедев почти не ждал сигналов Матюхина. Все сходилось и так.

20

Они возвращались новым путем — поближе к тому месту, которое на карте было очерчено синим кружком. Следовало проверить слова огородника Егора Грубого. Матюхин поверил ему, но проверить обязан. По дороге он сообщил Сутоцкому и Гафуру о добытых сведениях и поставил новую задачу — обойти месторасположение эсэсовцев с юга и выйти к железной дороге. Напомнил об осторожности и предупредил, что в случае чего оставшийся в живых должен подать сигнал. Новый сигнал — танкисты грузятся.

— Вот и все, товарищи.

— Товарищ командир, — деликатно покашляв, вмешался Грудинин. — Оправляться нужно было бы только в воду. Собачки этакое дело за версту чуют.

— Где ее найдешь, ту воду? — проворчал Сутоцкий.

Вот это ворчание и стало той частичкой, которая довела Андрея Матюхина до бешенства: не понимать таких простых вещей! Разведчик называется!

— Сутоцкий, за мной. Грудинин старший в паре с Шарафутдиновым.

Матюхин убыстрил шаг и, когда от второй пары их отделяло метров сорок, сказал:

— Вот что, старшина Сутоцкий, вы ведете себя подло. Кто бы я ни был, как бы я неумело ни командовал, вам вести себя так нельзя. Не только по отношению ко мне как к товарищу и командиру, а ко всему нашему делу.

— Ты чего? — угрожающе понижая голос, спросил Николай. — Ты... Опять все заслуги себе взять хочешь? А я чтобы при тебе прихлебателем? Да кто тебя спас в прошлый раз?! Забыл?! На своих хвост поднимаешь?

— Молчать! За спасение — спасибо. По гроб не забуду. А сейчас запомните: я — командир. Прекратите болтовню! Вернемся, тогда доложите начальству. И запомните, если еще раз услышу такое — пристрелю. Ты меня знаешь. Все!

Сутоцкий яростно пыхтел, потом немного успокоился.

— Слушай, чего ты? Враг я, что ли? Вижу, не так ведешь себя, вот меня зло и берет.

— Врешь! Если бы ты был такой, как раньше, ты бы мне все с глазу на глаз сказал, как я тебе сейчас, где я засыпаюсь. Вот Грудинин помогает. А ты? Имей в виду, мое слово свято.

— Подожди, Андрей...

— Хватит! До возвращения нет Андрея! Есть товарищ младший лейтенант. Почему у тебя такие отношения с Шарафутдиновым?

— Он что?.. Вам докладывал?

— Отвечай!

— Ну, когда мы лежали в засаде, прошла машина. Легковая. Я попросил: прикрой меня, я ее подорву и возьму «языка» — враз все будет ясно. А Шарафутдинов приказ не выполнил. Говорит, командарм приказал тихонько и смирненько. Я разозлился. А он мне, старшему по званию, отвечает: мне командарм лично приказал и только он свой приказ может отменить. Ну, говорю, черт с тобой, я ее сам сейчас резану. Так он на мой автомат навалился. «Стреляй, говорит, сначала меня». Ну, а машина проехала. Ушел «язык».

— Ну и сволочь же ты, Колька, — задохнулся Матюхин. — Ради того, чтобы выхвалиться, выдвинуться, поставил бы под удар все дело. Счастье твое, что Гафур тебя не выдал, а то я бы тебя под горячую руку сразу шлепнул.

— Это за что же? За то, что я хотел как лучше? Мы вот подали сигнал, что танкисты на месте, а они, сам говоришь, уже сматываются. А взяли бы «языка», сразу же уяснили, что к чему.

— А ты уверен, что это ехали эсэсовцы? Уверен, что вам удалось бы взять двух? Подняли бы стрельбу — сразу же известили врага: вот они мы, разведчики. Даже если бы ты и взял «языка», даже если бы он нам все рассказал, так нам же еще ночи нужно было дожидаться, чтобы сигнал подать. Ты об этом думал? Что мы здесь, ради собственной выгоды?

— К партизанам бы подались...

— К партизанам? Куда? Сутки пробиваться? А ты уверен, что «язык» не соврал? Разве можно без проверки? Нет, Николай, я тебе сказал все. Делай вывод. Снял бы тебя и со старшего, но...

— Вот именно — «но». Все темнишь, все скрываешь... С Грудининым о чем-то шепчетесь, что-то прячете... А я так... пришей кобыле хвост.

— Ничего я не темню. Просто... Просто не имею права говорить. Скажу... придет время. Все! На этом кончили.

Они вернулись ко второй паре, и Сутоцкий поменялся местами с Грудининым. Шли по склону высоты, и снизу едва заметно тянуло сыростью.

— Ручеек имеется, — отметил Грудинин.

— Вас как по батюшке?

— Васильевич. А что?

— Да так... Хочется иногда назвать вас по батюшке.

— Что вы, товарищ командир...

— Ладно. Это к слову. Давай слушать.

Утренний лес был тих и глух. Спустились вниз, поели, попили воды из ручья и по очереди вздремнули. Когда уже собрались уходить, Гафур толкнул Матюхина и глазами показал вверх. Там, на прогалинке между высокими деревьями, стояли два немца и собака — большая, почти черная, с подпалинами на груди и в подбрюшье. Ее поводыр, придерживая одной рукой поводок, прикуривал у второго. Собака смотрела прямо на разведчиков, и уши у нее стояли торчком. Матюхин ногой толкнул Грудинина и шепнул:

— Видишь? Насадку! Время!

Грудинин осторожно полез за пазуху, вытащил насадку и надел ее на ствол винтовки. Действовал он, кажется, нарочито медленно, потому что Матюхин успел несколько раз взглянуть на собаку. Она явно почуяла их и уже щерилась, уже вытягивала свою острую, такую ненавистную Андрею морду. Немцы, к счастью, все еще прикуривали, и Андрей Матюхин мысленно молил Грудинина: «Скорей, скорей же!» Но он так и не заметил, когда Николай Васильевич снял чехольчик с оптического прицела и оттянул назад пуговку, снимая затвор с предохранителя.

Щелчок показался нестерпимо громким, так что перематывавший портянки Сутоцкий резко обернулся. Собака негромко рыкнула и натянула поводок. Немец что-то сказал поводырю, и поводыр дернул собаку: успокойся.

Раздался второй щелчок и слабый хлопок. Собака подпрыгнула, издала странный утробный звук и упала. Немец растерянно посмотрел на нее и тоже стал валиться на бок: Грудинин успел перезарядить винтовку и почти беззвучно выстрелить. Второй немец оглянулся по сторонам и после очередного хлопка опрокинулся навзничь.

Все произошло так быстро, так незаметно, что не только немцы, но и разведчики толком не поняли, что случилось.

— Обходить их левее! На высоту! — приказал Матюхин и бросился вперед.

Его догнал Грудинин, на бегу спросил:

— Может, убрать? А то наткнутся.

— Это когда еще будет, а следы оставим.

Они круто забрали влево вверх, перевалили через гребень высоты и вышли к дороге, почти в том месте, где накануне сидели в засаде Гафур и Сутоцкий.

В лесу все еще было тихо. Отдыхались, и Матюхин восторженно посмотрел на Грудинина.

— Ну молодец! Как автомат!

— Младший лейтенант, что произошло? — спросил Сутоцкий. — Отчего они попадали? Я не понял. Отчего они попадали? Кто стрелял? Неужели Грудинин?

— Он. Вот теперь смотри. — Матюхин ткнул пальцем в насадку. — Вот из-за этой насадки мы с Грудининым и темнили. Зато как она нас выручила! Ни звука! А ведь до них метров сто было, не меньше. Ну все! Теперь запрет и секретность сняты. Дожить бы до ночи и проверить сообщение Егора. Двинулись парами к дороге.

На этот раз впереди шли Матюхин с Грудининым. Они выползли на опушку, осмотрелись. Справа от них на дороге стояло пять грузовиков с пиломатериалами. Шоферы сошлись в кружок и курили. Потом подошли еще две машины. Соскочившие шоферы подбежали к курящим, что-то спросили и сразу успокоились.

Прошло немало времени, пока дорогу перед машинами пересек взвод солдат в полном боевом снаряжении — с противогазами, ранцами и оружием. Взвод развернулся в цепь и скрылся в лесу.

— Прочесывать начинают, — шепнул Матюхин. — Могут наткнуться на наших немцев.

— Не думаю. Их человек сорок. Даже если через десять метров друг от друга и то больше чем на полкилометра их не наскребется. А мы собачников подстрелили в километре от дороги. Не меньше. — Грудинин подумал, прикидывая обстановку и подытожил: — Энти, с собакой, либо заблудились маленько, либо старательные слишком.

— Почему?

— Я так понимаю, что сейчас пойдут танки и машины. Чтобы их не засекли, решили прочесать лес по обе сто-

роны дороги. С собаками послали вперед, вроде как для разведки, а энти, сзади,— на полный прочес.

— Может быть, и так... Но я еще вот о чем думаю: может, эти, с собакой, нас ловили? Ведь последнюю ракету мы примерно в том месте давали. Могли и засечь.

— Возможно. Но если так, то мертвяков тех до вечера не разыщут.

— Почему?

— Они же не одни были. Другие, наверно, нас «окружают».

Далеко впереди и влево, на юго-западе, взревел танковый мотор, и почти сейчас же над лесом пронесся самолет. Он летел низко и полностью глушил звук мотора. Потом прошел второй самолет, а через некоторое время и третий.

— Глушат,— отметил Андрей.— Надо перебежать дорогу и идти на запад, куда намечали.

— Парой побежим или все вместе?

— Давай рискнем парой. Наши увидят — поймут.

Они выбрались на дорогу, выглянули из-за машины и, убедившись, что все шоферы смотрят вперед, в два прыжка преодолели дорогу, юркнули в заросли. Потом, отметив, что вокруг тихо, опять выползли к дороге. Ее стремительно перебегала вторая пара.

Разведчики опять собрались вместе и перекатами двинулись строго на запад. По-прежнему летали самолеты и с передовой иногда доносилась артиллерийская перестрелка. А лес принимал в себя тяжкий, натруженный гул. Кто бывал на войне, тот ошибиться не мог — шла мощная моторизованная колонна. Скорее всего, танки попеременно с бронетранспортерами и автомашинами. Колонна была уже близко, но еще скрыта сплошной стеной леса: от гула трепетали листья осин.

Разведчики ползли осторожно, чутко прислушиваясь к каждому треску и шороху. Гул все нарастал, и, когда неожиданно резко фыркнул танк, они поняли, что дорога рядом.

Матюхин поднял руку, приказывая остановиться, жестом подозвал Сутоцкого:

— Прикройте, выползу к дороге.

Он полз один, полз легко, успевая и прислушаться, и осмотреться, и даже принюхаться — чувства были обострены до крайности. Теперь он знал, что рядом проходит еще одна, не отмеченная на карте дорога, которая как бы

вливается в открытую ими ранее. И по этой дороге движутся самые дальние резервные части. Именно части — Матюхин был уверен в этом. Противник решил сразу, одним броском перевести оставшиеся части к месту погрузки. Для этого он затеял артиллерийскую дуэль, для этого пустил самолеты. Поэтому вдоль дороги прошли группы прочесывания. И то, что они были в полном боевом снаряжении, показывало: возвращаться назад они не собираются. На станции они погрузятся в вагоны.

Дорога открылась сразу. Собственно, это была не дорога, а просека. Вероятно, накануне саперы позаделали вымоины, кое-где положили бревна, сделали на мочажинках настил, и теперь по просеке шла техника. Танки тянули автомашины и бронетранспортеры. Автомашины — пушки и кухни, а часть машин проходила по-перегонному: передок второй лежал в кузове первой. Что ж, понятно. Пехота ведь пошла пешком.

Егор Грубый не обманул. Эсэсовцы отправились на погрузку. А вот погрузятся они или нет?

Матюхин вернулся, и все отступили в глубь леса, растелили карту, стали держать совет. Просеки на карте не оказалось. Танкисты выдвигались явно из-за границы обведенного синей линией овала — видно, предыдущая разведка не слишком точно определила их месторасположение. Да и то сказать, такая махина, как танковая дивизия, могла и должна была рассредоточиться на большой площади. Неожиданно подумалось: а вдруг погрузочная площадка не одна? Может, танки грузятся и в других местах, а они об этом не знают? Эта догадка взволновала Андрея Матюхина, но он сейчас же успокоил себя: «Ну и что же, если в разных местах? Скорее уберутся».

Как ни прикидывали разведчики, а выходило, что к железной дороге они смогут выдвинуться только после того, как пройдут механизированные колонны. Ясно, что разрывов в них не дожидаться: самолеты долго летать не будут. А без шумового прикрытия колонны могут выдать себя.

Матюхин разрешил отдыхать. В относительном покое и тишине лучше думалось. Карта подсказывала, что деревья им на этот раз не помогут: впереди поднималась покрытая лесом высота. И Матюхин терпеливо коротал свою смену с Грудининым. У каждого свой сектор наблюдения, свои обязанности. Потом поспали и они, а колонна все не кончалась. Только далеко за полдень прогремели послед-

ние танки и все стихло. Лишь издалека слышались уже привычные выстрелы и пулеметная бестолочь. Теперь-то разведчики знали, что к чему, и потому без особой опаски вышли к просеке, осмотрелись и двинулись вперед, на запад, к железной дороге.

Лес на высоте оказался вырубленным — внизу стояла лесопилка, и бревна, вероятно, скатывали вниз. С этой лысой, обезображенной высоты просматривалась и железная дорога.

По опушке разведчики прошли к нетронутой стене леса, нашли густые заросли, и Грудинин, сняв сапоги, первым полез на высоченную сосну. После разведки местности влез на сосну и Матюхин. Влево, южнее, виднелись полосы полей — жалкие и узкие. Правее раскинулось большое село с приземистой церковью, выгонами, переходящими в луга. Прямо перед ним, в выемке между пологими скатами, проходила железная дорога.

Раньше она была, вероятно, незаметна, скрыта лесом. Но, опасаясь партизан, немцы вырубили лес по обе стороны, и теперь дорога лежала как на ладони. Уже через полчаса в сторону станции, возле которой грузились танкисты, прошел состав порожняка, а минут через десять от станции на юг проследовал эшелон. Впереди закрытые красные вагоны, за ними платформы с лесом, с грузом, покрытым брезентом, с машинами. Потом снова платформы с лесом и специальные крытые машины, украшенные свежей хвоей.

Часа через полтора прошел еще один эшелон, но часть платформ несла уже круглый лес — вероятно, пиловочника не хватало, и немцы рубили лес прямо у погрузочной платформы.

Разведчики наблюдали до самого вечера, и до самого вечера вдали слышались взрывы моторов, стрельба, и до самого вечера время от времени по железной дороге проползали то порожняк, то эшелоны. Порожняк было больше. Сомнений не было: эсэсовцы действительно грузились в эшелоны.

В сумерках разведчики возвратились обратно и ровно в двадцать четыре часа и в три часа ночи дали по две ракеты: первая — красная, вторая — зеленая.

Теперь можно было забраться в чащобу, залечь и ждать наступления, чтобы выйти навстречу своим и доложить о выполнении обоих заданий: эсэсовцы выслежены, насадки проверены.

Но Матюхин помнил приказ командарма: если танкисты уходят, сигналить каждый день, вернее, каждые сутки. Значит, нужно проверять и проверять. Мало ли на какую хитрость может пойти противник! Вот почему, так и не дав ребятам отдохнуть, Матюхин опять повел группу через просеку к лысой горе. Они постояли на опушке и услышали далекие пулеметные очереди. Немцы, кажется, обнаружили убитых Грудининым собачников и начали прочесывать лес. Однако Матюхина это уже не волновало.

На этот раз они направились по опушке в сторону села — поближе к станции и месту погрузки.

Село огибала река — извилистая, тихая, с вековыми ивами по берегам, с куртинами берез и дубов на чистых, с крапинками поздних цветов, выкопшенных лугах. От них уступом поднималась высота, по склонам которой шли разведчики.

Было тихо, покойно — ни выстрелов, ни гула моторов. Гафур вздохнул и сообщил:

— Воскресенье.

— На войне без выходных, — хмуро откликнулся Сутоцкий и тревожно взглянул на Матюхина.

За эти сутки Сутоцкий как бы сник, держался скромно и больше помалкивал. Андрей Матюхин старался не глядеть в его сторону, и старшина чувствовал его отчуждение.

На северо-западных склонах высоты пошел разнолесок, сосны пропали. Тянуло прелью и грибами. Они попадались на каждом шагу — сытые, подбоченившиеся белые, красноголовые, ровные, как свечи, подосиновики. Иногда попадались россыпи рыжиков и лисичек.

Матюхин проходил мимо грибов спокойно — южанин, он не знал их прелести, а Грудинин и Сутоцкий невольно следили за ними и иногда, не сдержав позабытой страсти, вынимали из-за голенища ножи и срезали особенно красивый гриб.

Он лежал на ладони как белый слиток — тяжелый, влажный от невысохшей росы, источая сытый, застольный аромат. Сущим горем казалась необходимость выбросить такую драгоценность, и ребята грустнели.

— Вам не кажется странной такая тишина? — спросил Матюхин у товарищей. — Даже погрузка не ведется.

— Воскресенье... — опять вздохнул Гафур.

— Ну и что?

— Так у них же всегда в воскресенье потише.

Матюхин задумался. Гафур прав — немцы дисциплинированно соблюдают воскресный отдых, особенно утренний: молитва, жирный завтрак, некоторое расслабление. Но позднее словно спохватываются и делают дела быстро, четко, но как бы скрывая от самих себя работу, переводя ее в удовольствие.

— Что ж, подождем, пока они отдохнут.

К полудню на выгоне за рекой начали собираться солдаты, подъехали машины. Стало шумно и крикливо. Появилась походная автолавка. Возле нее столпились солдаты. Солнце засверкало на бутылках.

Начался солдатский отдых — с песнями, лихими выкриками и танцами. Странно было смотреть на этот словно бы и бесшабашный, но тщательно отрегулированный разгул: ни драк, ни пьяных, ни ругани. Хоть и шумно, но очень прилично и дисциплинированно. Лучшее место — старшим по званию, первый стакан пива или рюмка пшнаса — им же. Должно быть, поэтому старшие по званию не замечали расстегнутых мундиров, закатанных рукавов — свобода на отдыхе есть свобода...

Машин становилось все больше. Гомон постепенно улегся, и отдыхающие немцы чинно уселись на траве вдоль давнего, видно еще колхозного, стадиона — на нем сохранились футбольные ворота. Конечно, офицерам принесли специально сколоченные, оструганные скамьи — солнце бликовало на них желтыми, масляными пятнами. Конечно, нашлись фотографы, которые бродили за обоими воротами.

За машинами уже прыгали футболисты в трусах и сапогах. Но матч не начинался. Ждали, видимо, начальство.

Оно появилось — и футболисты вышли на разминку. Каждая команда бежала со своей стороны поля: бледные, незагорелые — с левой, где зрителей было побольше, а смуглые — с той, где среди зрителей, пятная зеленый травяной фон черными выходными мундирами, сидели эссовцы.

Начальство подъехало с двух сторон и одновременно, как по команде, стало занимать свои места: серо-зеленое, армейское — на левой стороне поля, черно-белое, отличающееся особым пиком, со стеками — справа. Несколько минут ушло на приветствия и устройство и еще на сосредоточение внимания и проводы размявшихся команд. Судья дал свисток — и команды вышли на поле.

Что-то несерьезное проступало в этом так тщательно организованном матче. Странно было смотреть на людей в сапогах с широкими голенищами, мечущихся по зеленому полю, на зрителей, которые свистели, орали, иногда вскакивали и трясли над головой кулаками. Странно и непривычно, может, еще и потому, что крики не умолкали даже тогда, когда ничего особенного на поле не случилось. Зрители кричали, потому что им разрешили кричать, потому что так принято.

Начальство изредка поглядывало по сторонам, словно прикидывая, не пора ли навести порядок. Но все шло хорошо — кричали и свистели, стучали бутылками и консервными банками в строгом соответствии с установленными нормами, в рамках той дисциплины, которая предусмотрена для подобных зрелищ.

От залегших на опушке разнолеска разведчиков до стадиона было метров триста — триста пятьдесят, и они видели матч почти так, как видели такие же матчи в детстве, когда их, голоногих, загоняли на скамьи за воротами. Сутоцкий сразу же увлекся игрой и даже постанывал, когда смуглые пробивались к воротам бледных, — он по привычке болел за армейцев. Гафур почти не смотрел на игру — не понимал ее. В его поселке в футбол играли редко. Матюхин сдерживал бешенство. Он вспомнил лагерь, игру сытых охранников, их полупьяные вопли. Матчи кончались экзекуцией провинившихся пленных. Возбужденные футболом охранники били с особым упорством. Из наказанных выживали немногие...

И только Грудинин, отползший в сторонку, под куст жимолости, и наблюдавший за игрой и зрителями через оптический прицел, был собранно спокоен. К середине первого тайма он подполз к Матюхину и доложил:

— Генералов нет, полковники...

— Оберсты? — резко спросил Андрей.

— Ну, оберсты... имеются. Не пустить ли их в расход?

— Николай Васильевич, а себя не выдадим?

— Вы спрячьтесь. Я в эту штуку поверил. — Он показал на надетую насадку. — Мы им устроим воскресенье.

— А если заметят?

— Так между нами речка! Пока форсируют, мы ой куда убежим.

— Ладно... — облизал губы Матюхин. — Начинайте. — Он подполз к Сутоцкому и Шарафутдинову и лег между

ними.— Давайте чуть отойдем. Дадим Груднину простор.

— Какой простор? — обернулся увлеченный игрой Сутоцкий.

— Сорвем праздничек...

Сутоцкий с недоверием покосился на Матюхина, но подался назад. Теперь все трое смотрели на футбольное поле с новым, тревожным интересом.

Груднин не спешил. Он вынул из подсумков обоймы с патронами, как на занятиях, разложил их под рукой аккуратной стопочкой: обычные патроны — поближе, с зажигательными пулями — подальше. Потом снял пилотку и положил рядом. Вычислив расстояние и установив барабанчик на нужную дистанцию, он несколько раз прицелился, клацая вхолостую, и замер.

У ворот загорелых эсэсовцев образовалась куча мала, донесся залиvistый свисток. Кто-то из бледных армейцев попытался спорить с судьей, но толстяк судья решительно растолкал спорщиков и назначил штрафной удар. Тогда футболисты еще не знали «стенки», и потому игроки обеих команд смешались, перебегая с места на место. Здоровенный эсэсовец установил мяч и медленно отошел для разбега. Зрители неистовствовали — ревели, свистели, били в банки. Подключились шоферы, и над полем заревели клаксоны.

Загорелый эсэсовец подтянул голенища сапог и чуть наклонился вперед... Раздался уже знакомый разведчикам хлопок. Эсэсовец дернулся и упал лицом в землю. Голая нога в сапоге — такая заметная на зеленой траве — судорожно подтягивалась и распрямлялась.

Ни зрители, ни игроки не поняли, в чем дело, и продолжали неистовствовать. К игроку подбежал судья, наклонился — и тоже свалился на бок. Стадион стал замирать. На поле творилось нечто непонятное и потому — ужасное.

На стороне эсэсовцев медленно сполз со скамьи какой-то высокий чин, за ним второй. Поскольку все смотрели на поле, это заметили не сразу. И тут свалился еще один футболист.

Стадион охватило всеобщее оцепенение. На глазах сотен вооруженных солдат гибли люди. Небо было безоблачным, где-то играла музыка, а люди гибли. И ни выстрела, ни клацанья. Только тоненький веселый посвист пулек.

Вероятно, в этой тишине, в этих безмолвных смертях

зрители увидели нечто мистическое, потому что, когда начали падать старшие офицеры армейцев, их не пытались спасать. От них шарахались в разные стороны и, оглядываясь, разбегались. Грудинин перенес огонь на эсэсовцев. Он стрелял быстро и точно, стремительно перезаряжал винтовку, а каждую стреляную гильзу ловил между пальцами и складывал в пилотку. Ни одна выпущенная им пуля не минула цели. А когда зрители стали разбегаться, над стадионом впервые взметнулся крик раненого. Он, словно команда, подстегнул остальных, толпа взревела и — перестала расползаться. Началось кружение. Кто-то бежал, кто-то залег и стал стрелять туда, откуда, по его мнению, неслась смерть. Перестрелка разрасталась, крики усилились. Поскольку большинство солдат бросились к машинам, Грудинин сменил патроны и стал бить по ним зажигательными пулями. Две эсэсовские машины загорелись. Пламя взвихрилось быстро и весело. Шоферы стали уводить другие машины подальше от опасности.

Грудинин поджег машину армейцев и начал бить на выбор тех, кто подбегал к легковым. Кто-то падал и замирал, кто-то еще полз и, вероятно, вопил, но в общем гаме вопли терялись.

Стрельба — беспцельная, паническая — то разгоралась, то опадала. Кто-то пытался командовать, но Грудинин сейчас же снимал его точным выстрелом.

Расстреляв все обоймы, он отполз к Матюхину и устало доложил:

— Все. Пора драпать.

— А может, еще? — спросил охваченный отчаянным и в чем-то жутковатым азартом боя Сутоцкий.

— Нет. Они же солдаты. По трассам поймут, что к чему. А у меня, на беду, попадают пули с трассерами.

— А чего ж ты их раньше не отсортировал? — возмутился Сутоцкий.

— Кто ж на такое рассчитывал? На обычной «охоте» без них не обойдешься: трассирующими пристреливаем рубежи. А здесь видишь как...

Они скрылись в лесу и перебежками, перекатами пробрались в чащу. Здесь Грудинин выбросил из пилотки стреляные гильзы.

— Чтoб и места не разыскали, — сказал он.

Отдышались, отдохнули. Стрельба в селе затихла, шум разъезжавшихся машин удалился. К вечеру разведчики взобрались на левый скат лысой горы. По железной до-

роге прошел уже привычный эшелон с машинами и лесом. Только один. Может быть, с последними танкистами и остатками футбольной команды...

Матюхин мысленно подсчитал, сколько же прошло эшелонов, и огорчился: получалось, что либо некоторые эшелоны проскочили где-то в стороне, либо еще немалая часть эсэсовцев не начинала погрузку. Матюхин рассматривал карту, но другие станции, в том числе и узловые, оставались за ее кромкой.

Конечно, можно было считать задачу выполненной, но мысль, что эшелонов прошло слишком мало, не давала покоя, и Матюхин решил не удаляться от этих мест. Наоборот, раз эсэсовцы прячутся, ждут эшелонов, он обязан подобраться поближе к ним и по возможности точно установить, сколько их, остаются они или собираются уходить.

Ночью он повторил сигналы и повел людей к селу. Там еще дымили сожженные машины.

24

В первом часу ночи Лебедеву доложили, что южнее, чем прежде, ясно просматривались красная и зеленая ракеты. Майор несколько растерялся.

— В каком порядке они появились?

— Красная, потом зеленая.

Сомнений не было, сигнал точен: танкисты отходят, грузятся. Но ведь два часа назад был принят сигнал — танкисты на месте. Наконец, почему ракеты на юге? По времени — это Матюхин. Как он попал туда? Чего он мечется по всему фронту?

Лебедев склонился над картой. Ранее полученные данные показывали: поблизости от того района, из которого взлетали ракеты, эсэсовцев быть не должно. Они севернее и правее. Матюхин прошлой ночью и вторая группа сегодня подавали сигналы в нужной точке. И подавали правильно — танкисты на месте. Что заставило Матюхина перекочевать и сменить сигнал?

Позвонил командарм:

— Что у нас? Как твои орлы?

— Не все понятно, — признался Лебедев. — Разноречивые сигналы. Через час кое-что прояснится.

— Хорошо. Позвоню позже.

Но и через час, и через два ничего не прояснилось.

Вторая группа сигналов не передала. Партизаны молчали. Оставалось ждать. И майор ждал.

В три ночи его разбудили и сообщили, что из того же места поданы те же условные сигналы: красная ракета, затем зеленая. «Из того же места... А может, матюхинскую группу захватили и кто-то сломался? Может, это немцы передают сигналы?»

Лебедев походил по комнате, разозлился и выпругался: — Система связи называется! Ни черта не разберешь!

Ему казалось, что он выдумал бы что-либо надежнее, но, размышляя, ничего путного придумать не мог. Либо рация, которая давным-давно была бы запеленгована, либо примитивные сигналы. Настроение окончательно испортилось. Заболели позвонки, и Лебедев прилег.

Опять зазуммерил телефон. Не поднимаясь с койки, майор взял трубку.

— Спите? — спросил женский голос.

— Нет, — улыбнулся Лебедев, и волна нежности смыла паршивое настроение. — Нет, лежу и думаю. В том числе и о вас.

— Пьете настой? Помогает?

Нет, настоя он не пил, забыл о нем, потому что не верил в бабушкины средства. Но обидеть ее не смог и соврал:

— Мало!

— Плохо! Пейте побольше. Мы вам еще наготовили.

— А вы почему не спите? Вам же с утра на дежурство.

— Так... Пришла помочь.

Он понимал: ночью помогать незачем. Нагрузка уменьшается. Вот с утра работы будет невпроворот, а она не выспится.

— А утром будете носом клевать? Имейте в виду, утром я подъеду.

— А спать когда будете? Вы ведь ранены! — В голосе Дуси прозвучали такие нотки, что у Лебедева перехватило дыхание: никогда о нем так не заботились, не думали. Впрочем, может, и думали, только он не знал.

— Ладно. Отосплюсь.

— Нет, вы сейчас отдохните. А как встанете, выпейте настоя. И каждый день по три раза. Чем больше, тем лучше. Мы еще наготовили...

Их разъединили. Мужской голос попросил Лебедева зайти к шифровальщикам,

В этой бессонной избе люди делали свою невидимую, неизвестную и непонятную солдатам и строевым командирам работу: из колонок цифр они извлекали слова. Расшифровывали.

Шифровка расстроила Лебедева. Докладывала группа, действовавшая вместе с партизанами. Обнаружено подозрительное движение эшелонов в обе стороны дороги. Возможно, начало отхода. Принимаются меры уточнения.

Потом ему позвонили артиллеристы и сообщили, что в тылу врага засечены осветительные ракеты и, кажется, стрельба.

— Примерно в том месте, откуда вчера сигналили.

Час от часу не легче! Вот почему вторая группа не подала повторного сигнала — ее засекли. Охотились за группой Матюхина, а наткнулись на нее. Тогда понятно, почему Матюхин увел свою группу на юг, и, выходит, он прав, подавая сигнал об отходе резервов.

Майор тщательно обдумал ситуацию и написал разведсводку так, чтобы каждый читающий ее понял: резервы, кажется, отходят, но нужна проверка.

Как ни странно, полковник Петров не разбудил его утром — дал выспаться. А когда Лебедев вскочил, то выяснилось, что Петров на совещании у командарма. Шофер и Маракуша спали — видимо, приехали под самое утро. На столе у телефона лежала деликатная записка:

«Переброска завалена. Есть потери. Маракуша».

Словом, все складывалось как нельзя хуже. Одна группа засечена, вторая — не прорвалась. Майор представил себе положение полковника Петрова на совещании у командующего. Пусть никто ничего не скажет — неудачи неизбежны. Война есть война. Но каждый обязательно посмотрит сегодня в сторону Петрова. Друзья — с сочувствием, другие — осуждающе.

Уточнив ситуацию, отдав кое-какие распоряжения, Лебедев разбудил шофера, и они поехали к радистам — майор спешил... Партизанская рация оказалась единственной ниточкой, позволявшей хоть как-то следить за происходящим в тылу врага.

Ах, если бы Матюхин не ошибся! Если бы у него было все в порядке! Но страшно за него. Впрочем, может, он такой же удачливый, каким был Зюзин. Тот ведь тоже всегда действовал не по правилам, вопреки здравому смыслу, а все у него получалось.

«Нет,— с неожиданной грустью подумал Лебедев,— Матюхин не Зюзин. Матюхин осторожен, пожалуй, даже чересчур строг. Рисковать он не станет: получил приказ,— значит, выполнит его пунктуально, тютельница в тю-тельку».

И Лебедеву стало казаться, что, рискуя, Зюзин был прав. Зюзин что-нибудь придумал бы, а Матюхин слишком молодой офицер. Не рискнет.

Но чем и как должен был рискнуть Матюхин, Лебедев не подумал.

У радистов выяснилось, что партизаны пропустили утренний сеанс, а дежурный шифровальщик отправился в штаб тыла, в военторг: он торгует только в воскресенье.

— Черти! — от души возмутился Лебедев. — Они еще помнят, что бывает воскресенье! Тыловики несчастные!

Нет, он искренне полагал, что штабник не тыловик. А вот эти — тыловики. И он тоже поехал... в штаб тыла.

Они опять стояли в саду и разговаривали. Майор обещал приехать вечером, чтобы поговорить как следует, а Дуся опять совала ему в карманы бутылки с настоем...

Второй сеанс связи партизаны тоже пропустили. И шифровальщик — пожилой брюхастый лейтенант со злыми глазами навывкате, — не обращая внимания на возмущение майора, внимательно рассматривал свои покупки: одеколон, галеты, зубной порошок и женские чулки. Потом он сложил покупки в заранее приготовленный ящичек для посылки. Лебедеву вдруг стало все безразлично: «Волнуйся, психуй, а такому все до лампочки. Он думает только об одном — как бы отослать посылку...»

И Лебедев вспомнил, что сам он ни разу ничего не послал семье. Нечего ему было посылать — все имущество в стареньком чемоданчике, который он не открывает месяцами. Даже Дусе, которая так заботится о нем, он ничего не подарил. А что подарить? Что ей нужно? Как сделать, чтобы это выглядело... прилично?

Лебедев совсем запутался, разозлился и уехал в штаб.

Полковник Петров встретил его хмуро, но Лебедев понимал полковника. Неудача, неясность...

— Что от Матюхина? — спросил полковник Петров.

— Надо ждать ночи, — ответил Лебедев и, перехватив строгий взгляд, пожал плечами: — Такая связь. И партизаны молчат.

— Послушайте, Лебедев. Командарм принял решение начинать завтра. Он верит Матюхину. Фронт утвердил

его решение. Открою тайну: командарм будет рвать оборону всеми танковыми силами в одном месте. В той лоцине, в направлении эсэсовцев. Хуже того. Танковая атака начнется одновременно с общей артподготовкой... «Катюши» проделают проходы в минных полях, и они пойдут.

— Любопытно, — профессионально-заинтересованно произнес Лебедев и бросился к карте. — О таком я не слышал.

— Интересно получится, если они напорются на танковую дивизию. Во всей нашей армии танков меньше, чем у эсэсовцев. Вы представляете, как мы будем выглядеть? Тем более что в связи с решением командарма я отослал капитана Маракушу в часть.

— Что сообщил на совещании контрразведчик?

— Вам что-нибудь известно?

— Да. Я вам докладывал. Кроме того, мы анализировали обстановку с Кашириным.

— Полковник Целиков сказал, что они обезвредили резидента и продолжают вести игру. Но командарм приказал сменить сигнал.

— Как это — сменить сигнал? Уведомить противника, что наши резервы на месте и что мы можем начать наступление?

— Именно.

— Но какой же резон?

— Не все понимаю. Командарм, посмеиваясь, сказал, что это вызовет у противника если не панику, то во всяком случае разногласия.

— Что ж... Может быть, в этом есть доля истины.

— Но вы представляете, что произойдет, если противник разберется во всех этих увертках?

Полковник говорил слишком многозначительно и слишком нудно предупреждал о предстоящих бедах. Увлеченный замыслом командарма, Лебедев не слишком верил в эти будущие напасти.

— Что будет? Влетит полковнику Целикову. А значит, нам с вами перепадет вдвое меньше. Но я полагаю, что никому не влетит. Я почему-то уверен: Матюхин прав. Танкисты или смотались, или сматываются. И командарм прав: вывешивая новый сигнал, намекая на возможное наступление, он как бы приостанавливает отход эсэсовцев, задерживает хотя бы часть. А что может быть для нас лучше, если главный резерв противника окажется ни

в тех ни в сех. Половина на колесах, в пути, а половина сидит и ждет вдаль от фронта. На это он и рассчитывает, а пехота подтянется позднее. Удача — быстро пойдут вперед. Неудача — сбережет пехоту. Нет, товарищ полковник, ничего страшного я не вижу. Командарм верит нам, верит Матюхину.

Полковник Петров походил по горнице, спросил:

— Чаю нет?

— Нет. Есть коньячок. Вчера мы с Кашириным ма-
раковали — остался.

Петров поморщился и махнул рукой:

— Старею. Нужно поддержать тонус. Наливайте. — Он выпил залпом, закусил пододвинутым Лебедевым су-
хариком. — Вы положенную водку берете?

— Редко...

— Я тоже... А коньяк с сухариком... неплохо. Сами
придумали?

— Каширин.

— Умно... Ну-с, перестраивайтесь, проверяйте, как
работают разведчики, я уточню задачи у начальника
штаба.

Полковник ушел. Лебедев занялся текущими делами,
и тут его вызвали к радистам: партизаны наконец-то вы-
шли на связь.

Он приехал к ним уже под вечер. Шифровальщик про-
тянул бланк:

«Вероятность отхода подтверждается железнодорожни-
ками. Уточняем размах. Направление отхода в обе сторо-
ны, с последующим переводом северного направления на
запад. К сожалению, визуально не засечен отход танков,
очень хорошая маскировка. Футбольный матч сорван не-
известными, погибло около двадцати человек, преимуще-
ственно офицеров. Метод действия неизвестных ни на что
не похож. Связь задерживалась неисправностью рации.
Продолжаем выполнение задания».

Майор помчался домой. Петрова не было, и он риск-
нул — сам позвонил командарму и прочел ему теле-
грамму.

— Ну-ка зайди ко мне, — приказал генерал.

Когда майор вошел в горницу, командарм лежал на
кровати — на перине, на горе подушек и думочек. Голая
нога выглядывала из-под одеяла.

— Извини, перед делом надо отдохнуть. Ну-ка читай,
читай. — Лебедев прочел шифровку, и командарм задум-

чиво повторил: — Метод действия неизвестных ни на что не похож... Правильно! Значит, видели сами. Видели, а трезвого ума настоящих разведчиков не нашли. А Матюхин твой, хоть и пацан, молодец!

— Не понимаю, товарищ генерал-лейтенант.

— И не можешь понять! Мне эта шифровка, как верующему елей. Ты хоть знаешь, чем елей знаменит?

— Признаться, не знаю...

— Разведчик!.. Разведчик все должен знать. И про религию тоже. Так вот, верующих елеем мажут после отпущения грехов. Понял? Благословение, так сказать, на праведную жизнь. А я был вроде верующего — верил, что эсэсовцы уйдут. И Матюхину верил. И он не подвел. Утвердил мою веру и оба задания выполнил... Ах, да я же обещал тебя выпороть, а потом рассказать о втором задании. Да сейчас нет времени. Они тебе сами все расскажут, а ты их опыт учтешь. Ну, спасибо тебе, Лебедев. Вовремя ты меня утешил. Ведь если честно, я и заснуть не мог, все думал: ушли или не ушли? Верил — ушли, а подтверждения ваши... академические. Теперь и тебе скажу: ушли эсэсовцы. Все ушли. Для этого и матч этот дурацкий под занавес затеяли, чтобы показать всем, кто мимо бродит: «А мы еще здесь. Мы никуда не собираемся!» Сорвал им Матюхин всю музыку. Ты, кстати, не забудь представить их, как вернутся. А то мы в спешке все забываем. Вот и ты все в майорах ходишь... Ну ладно, ладно, иди. Скажи там адъютанту, чтоб часа четыре... нет, пять не будил. Теперь я засну.

22

В свой час разведчики Матюхина снова подали условленный сигнал. Потом они перескочили дорогу и к утру вышли в расположение резервов. Отличные капониры для танков, стоянки для автомашин, жилые землянки — все добротное, все отделанное и ухоженное — были пусты. Орала сороки, но Грудинин не пугал их клеткотом...

Разведчики прошлись по притрамбованным, обложенным дерном и присыпанным песочком дорожкам, заглянули в каждое помещение и облюбовали землянку на отшибе. Низкая, со сплошными нарами, зарешеченными окнами — как видно, гауптвахта. Здесь сложили тощие вещмешки и продвинулись подалее, по следам траков — они паворочали немало дерна. Обследовали еще одно брошен-

ное становище и дальше уже не пошли. Последняя проверка подтвердила и слова Егора Грубого, и собственные наблюдения — эсэсовцы стояли там, где говорил Грубый, и ушли тогда, когда они их видели.

Разведчики вернулись в землянку, заперлись изнутри и впервые за все дни поспали всласть. В лесу дрались из-за остатков помоев сойки и сороки, противно каркали галки и вороны. Ночью поели, и Сутоцкий с Гафуром пошли к передовой давать сигналы.

Когда они вернулись, уже светало, спать не хотелось. Почистились, поели и не спеша ушли в лес.

Далекая передовая почти не прослушивалась. Отдельные орудийные выстрелы не трогали — они казались глухими и нестрашными. Когда подошли к старой, помеченной на карте дороге, там, где она круто разворачивалась и спускалась вниз, к мосту через сонную речушку, передовая вдруг ожила — раздался шип, потом серия разрывов, снова уже не шип, а рев и слившиеся в сплошной гул разрывы. Ударили «катюши», много «катюш». Наверное, больше дивизиона. Может быть, даже полк.

Разведчики приостановились. Разрывы стихли. Заполошно застрекотали сороки, пронзительно заверещали сойки.

— Неужели наших атакуют? — спросил Сутоцкий.

— Бьют-то «катюши», — неуверенно ответил Матюхин. — Может, по прорвавшимся?

— Сколько же их прорвалось, если столько огня?

— А может... началось? — нерешительно произнес Гафур.

— Не помню, чтобы артподготовка начиналась с «катюш». Ими обычно кончают. Да и рано еще. Нас же предупреждали — через неделю. А сейчас четвертый день.

Они еще погадали и услышали несколько орудийных выстрелов — хлестких, звенящих даже на расстоянии. Неожиданно неподалеку, километрах в полутора, раскатилось эхо разрыва. Лес перекатил эхо, и, когда оно умолкло, донесся слитный тяжелый гул.

— Неужели танки? — спросил Гафур.

— Похоже, — ответил Матюхин. — Только чьи?

Что спросил Сутоцкий, он не услышал: справа и слева загрели не то орудия, не то разрывы, а над лесом прошли бомбардировщики.

Воздух сразу уплотнился, стал звенящим и упругим. Артиллерийская подготовка пехотной атаки развивалась

полным ходом. Грохотали орудия, глухо рвались снаряды. Постепенно пришли в себя и немецкие артиллеристы, начали отвечать, норовя подавить наши батареи.

Грохот боя ощутимо приблизился, особенно после того, как над разведчиками стали разворачиваться отбомбившиеся по вражеским батареям штурмовики.

Минут через двадцать опять сыграли «катюши». На этот раз гул их разрывов разнесся по всей передовой.

— Кажется, началось... — отметил Матюхин, решая, что же теперь им делать: сидеть на месте, идти навстречу своим или, наоборот, отходить назад, чтобы воспользоваться обстановкой и продолжить разведку.

Его раздумья прервал Гафур. Он показал вниз, на дорогу. Там мчались машины с орудиями на прицепе. Расчеты напряженно смотрели назад. Матюхин сразу определил — орудия противотанковые: низкие, разлапистые, с толстыми набалдашниками — надульными тормозами. Не снижая скорости на повороте, они понеслись к мосту.

— Драпают, что ли? — осведомился Сутоцкий.

— Похоже. Но от кого? Ведь артподготовка только что окончилась.

— Товарищ младший лейтенант, танковый гул начался перед артподготовкой.

Андрей уставился на маленького Гафура. Надо же, чертенок какой, все помнит, все замечает! И тут же сработало офицерское мышление Матюхина. Оно, как инстинкт, подсказывает сразу, четко восстанавливая или дорисовывая тактическую картину.

Да, наши танки прорвались через оборону противника внезапно, до артподготовки. Они мчатся сейчас именно по этой, кратчайшей к эсэсовцам дороге, и какой-то немецкий командир, поняв опасность стремительного танкового броска, вывел из-под огня свой резерв — противотанковую батарею и приказал ей стать в единственном на этой дороге месте, где еще есть надежда остановить танки. Таким местом был мост через реку.

— Грудинин! Перед мостом сейчас развернутся противотанкисты. Бей их по одному. Если что случится с нами — действуй самостоятельно. Остальные — за мной! Переправимся через реку и зайдем в тыл артиллеристам. Они встречают наши танки.

Матюхин бегом бросился вниз, к реке, и, поднимая оружие над головой, поплыл. Мокрый, выскочил на противоположный берег не оглядываясь — он был уверен, что

разведчики не отстали от него, — вбежал в куртину. Первая машина уже развернулась на лугу и подъезжала к прибрежному кустарнику. Матюхин оглянулся. Сутоцкого и Шарафутдинова не было. Он выругался и стал глазами разыскивать их. Они барахтались еще на середине реки. Сутоцкий, погружаясь в воду, одной рукой поднимал автомат, а второй толкал Шарафутдинова.

— Черт! Оказывается, он не умеет плавать!

Матюхин хотел было броситься им на помощь, но между ними встала вторая машина, и расчет, не глядя на реку, сняв оружие, развернул его и начал окапываться. Шофер выгружал ящики со снарядами. Матюхин остался на одной стороне изгибающейся к бою батареи, а Шарафутдинов и Сутоцкий — на другой.

Пять орудий расположились полукругом, раскинули станины, и расчеты спрятались за щитами. Шоферы отогнали машины к ивам, под кустарник. Теперь Матюхин очутился между батареями и шоферами. С кого же начинать и когда?

Начал все-таки Грудинин. Он стал аккуратно снимать по одному артиллеристу из каждого расчета. Пока первый расчет, оттащив убитого и оглядываясь, искал причину его смерти, последний только склонился над убитым. Грудинин опять выстрелил по первому расчету, и тут же споро ударили два автомата — Сутоцкого и Шарафутдинова. Грудинин немедленно перенес огонь на третий расчет и стал выбивать его.

Вскочившие из кабин шоферы, прихватив винтовки, бросились было на помощь расчетам, но их встретил огнем Матюхин. Он бил скупой, короткими очередями. Один из шоферов не выдержал и побежал к селу. Матюхин срезал его. Два других подняли руки. Андрей приказал им сесть спиной к иве и положить руки на затылок.

Когда он оглянулся, то увидел, что Гафур и Сутоцкий стреляют уже из-за станин второго орудия, а все расчеты сгрудились у четвертого орудия и яростно отбиваются, норовя развернуть пушку. Щит прикрывал их от огня Грудинина, и Матюхин полоснул по их напряженным потным спинам. Оборвав очередь, он заорал:

— Хенде хох! Гитлер капут!

У них хватило ума поднять руки. Четверых оставшихся в живых Матюхин присоединил к шоферам.

Сутоцкий и Гафур пробежали вдоль орудий, проверяя, нет ли притворившихся убитыми. От орудий пахло свежей

взрывчаткой и кровью. Притворившихся не нашли, зато обнаружили раненых. Матюхин подозвал пленных, и они стали перевязывать и оттаскивать раненых к берегу.

На той стороне реки, как раз перед позицией Грудина, показался первый танк. Он заскрежетал траками, закрипел галькой на дороге и приостановился. Видимо, увидел распластанные, прикившие к жесткой траве орудия, потому что башня у него дрогнула.

«Сейчас он нас расстреляет, — с ужасом подумал Матюхин. — Свои прикончат! Как же я не подумал?!»

Вдруг он увидел, что люк приоткрылся, выглянул танкист и, не понимая, в чем дело, огляделся. Гафур стоял у второго орудия, разутый, и плясал с портянками в руках, как с белым флагом. Опять он догадался раньше всех!

Матюхин тоже скинул сапог, сорвал с ноги портянку и завертел ею над головой. Сзади первого пристроился второй танк, с него соскочили десантники. Они с опаской залегли у края дороги. Матюхин заорал:

— Свои! Разведчики Лебедева! Свои!

Его не понимали. Танкисты заглушили моторы и наконец разобрались, что к чему. Командир передового отряда танкистов поблагодарил разведчиков за помощь, обещал доложить об их подвиге, но, заметив пять автомашин, хищно подобрался.

— Десант мы сейчас пересадим.

— Никак нет! — весело отрапортовал Матюхин. — Сейчас сюда подойдет рота капитана Маракуши — это его машины. Кстати, всей колонной вам сюда идти незачем. Там, позади, вы пересекли наезженную просеку. Она ведет прямо к станции.

Командир передового отряда понял Матюхина и приказал передать сведения о просеке главным силам.

— Кто проверял? — спросил он у Матюхина.

— Группа младшего лейтенанта Матюхина. Попрошу также немедленно передать майору Лебедеву в штаб армии, что мы ждем его здесь.

Через мост в село пошли танки, бронетранспортеры и машины с пехотой. Потом — легкая артиллерия и снова танки. Наконец показалась матушка пехота — как всегда, пыльная, как всегда, усталая: ночью отстояла в траншеях, а утром пошла в наступление, в самое пекло. За пехотой примчался на «виллисе» майор Лебедев. Он бросился было обнять Матюхина, но остановился:

— Нет, нельзя. Ты ж меня помнешь, а у меня позвонки еще не сели как следует.

Потом они, расположившись возле захваченных машин, ели и пили, а пленные немцы хмуро смотрели на них. Гафур встал и молча роздал им хлеб, консервы и колбасу, немного подумал и принес им их же, захваченную в качестве трофея, фляжку со шнапсом.

— Выпейте за освобождение от бесшумной смерти,— сказал он на хорошем немецком языке.

Немцы переглянулись: скуластый, явно монгольского типа человек говорит на правильном немецком. Один из пленных, видимо командир орудия, почтительно спросил:

— Скажите, это верно, что русские изобрели бесшумные винтовки?

— А вы что, на себе не почувствовали?

— Мы не успели разобраться. Но вчера... вчера тут был футбольный матч, и у нас все: и офицеры и солдаты — говорили, что у русских новое оружие. Оно стреляет бесшумно, автоматически и, главное, без людей. Это верно?

Как старший по званию, Лебедев хотел было ответить, что все это ерунда, что побеждает храбрый, а не выдуманное оружие, но Матюхин опередил его.

— Почти правда. И не то еще появится, но вам этого не узнать — вовремя сдались.

Лебедев вспомнил слова командарма и попросил Матюхина показать насадку в действии. Вместе с Грудининым они ушли в лес, и майор сам испробовал насадку.

— Сильна...— сказал он и задумался, потом усмехнулся: — Фашисты тоже кое-что придумали... Наши захватили легковушку. Бронированная, с пуленепробиваемым стеклом, с пулеметом. По-видимому, использовалась как подсадная утка.

— Неясно,— перехватывая взгляд Сутоцкого, сказал Матюхин.

— Между тем крайне просто. Ползет такая легковушка по дороге, в одиночку, переваливаясь, с обязательным офицером на сиденье, и каждому партизану или разведчику наверняка захочется прихватить этакий безобидный трофей и такого важного «языка». Обстреляют. А пуля ее не берет. Гранатой — а у нее днище бронированное и шины из сплошной резины, густматики. И риска почти никакого, и разведка проведена: в этом районе действуют разведчики или партизаны. Вызвать по радио мо-

торизованные подкрепления — раз плюнуть, а любой за-
саде — капут. Умно...

Так вот какую машину-приманку хотел захватить Су-
тоцкий!

— Интересно, — протянул Матюхин. — Следует
учесть. — А про себя решил: вместе с Сутоцким ему бу-
дет трудно...

Они догнали на трофейных машинах свою роту. Ма-
тюхин по приказу Лебедева написал подробный отчет,
особо остановившись на тактике снайпера, вооруженного
насадками для бесшумной стрельбы, потом опять вклю-
чился в боевую работу.

Он ничем не напоминал Сутоцкому об их разговоре в
тылу врага, но при первом же случае попросил капитана
Маракушу перевести Николая в другой взвод.

— Разведчик он хороший, но...

— Но двум медведям в одной берлоге тесно? Ладно.
Так и сделаем.

Шли бои. Немцы подтягивали резервы, огрызались, и
наступление замирало. Майор Лебедев все чаще и чаще
писал письма в Радово, но не знал, увидит он Дусю или
нет...

В дивизии Лунина все еще разыскивали без вести
пропавшую группу разведчиков. Ни Матюхин, ни даже
Лебедев так и не узнали, что пропавшие, приняв на себя
удар разыскивавших Матюхина немцев, позволили ему
выполнить задание.

Что ж, таков закон войны. Даже погибая, помогаешь
кому-то выполнить приказ.

ДНЕВНОЙ ПОИСК

1

Пришли зазимки.

Небо стлалось над притихшими лесами — праздничными, раскрашенными. Высохший бурьян по ночам покрывался инеем, а к полудню посверкивал росинками. Окаменевшие глиняные брустверы траншей сочлились противной, липкой слизью.

Настроение в отдельной разведывательной роте капитана Маракуши устоялось отвратное: три ночных поиска по захвату «языка» и три неудачи — восемь убитых и почти два десятка раненых.

Впрочем, неудачи преследовали не только эту роту. Гибли разведчики и в других дивизиях и полках.

Наступление выдохлось перед очень хорошей, может быть даже отличной, обороной противника, Врытые в

землю литые стальные доты — «крабы»¹, дзоты, проводные заграждения в несколько рядов — и на обычных, и на низких кольях, и внаброс. И все густо усыпано минами — извлекающимися и неизвлекающимися, нажимного и натяжного действия и еще черт-те какими.

Что делалось за этой стеной, никто в сущности не знал. Какие части занимали оборону противника, каковы их состав и вооружение, откуда они прибыли и куда собираются передвигаться? Последнее особенно беспокоило не только штаб армии, но и фронта.

Севернее оборонительного участка армии советские войска несколько раз пробовали прорвать укрепленные позиции врага и выйти в тыл уже полуокруженного с осени старинного русского города, но сделать это не удалось.

Как только намечался успех, появлялись резервы противника, и он восстанавливал положение. Перебрасывать резервы ему не стоило особого труда: вдоль линии фронта проходили две рокадные дороги — железная и шоссе-ная. Из глубины, по данным дальней и стратегической разведок, резервы не поступали. Значит, они черпались за счет местных сил. Где же они располагались?

Разведывательное управление штаба фронта теребило армейский разведотдел, а замначотдела подполковник Лебедев жал на разведотделения дивизий. Но удача не приходила. Слишком чутка оказалась ночная оборона противника, слишком надежно и хитро прикрывалась она инженерными сооружениями.

Поскольку задача так и оставалась невыполненной, капитан Маракуша знал, что в ближайшие дни ему опять придется посылать людей в поиск. Ничего нового он придумать не мог и потому сделал то, что делал не раз: вызвал к себе лейтенанта Матюхина, разложил на столе карту своего участка обороны и приказал ординарцу заварить крепкий чай. Капитан готовился к долгому разговору.

После похода в тыл врага и действия во время наступления положение молодого командира первого взвода Андрея Матюхина в роте упрочилось. Когда пришел приказ о присвоении ему очередного звания, в роте одобрительно решили: «Теперь пойдет вверх... Раз уж полоса такая счастливая, значит, все, пошел».

¹ «Крабам и» называли передвижные стальные цилиндры с овальной крышей, под которой размещался пулемет. — *Прим. авт.*

В роте Матюхина-офицера приняли...

Пожалуй, единственным, кто не вполне разделял общее мнение, был старшина Николай Сутоцкий. Отмеченный после возвращения вместе с Матюхиным из тыла противника орденом Славы второй степени и назначенный помощником командира третьего взвода, он злился на Матюхина не без оснований.

В первом поиске погибли командир третьего взвода и разведчик. Затем за «языком» ходил второй взвод, и тоже безрезультатно. Казалось, по справедливости следующий поиск должен был возглавить командир первого взвода Матюхин, но командир роты рассудил иначе. В поиск опять пошли разведчики из третьего взвода, уже под руководством Сутоцкого, и тоже понесли потери, вернулись ни с чем.

А взвод Матюхина по-прежнему вел наблюдение на переднем крае.

Капитан Маракуша понимал, что горячий Сутоцкий кое в чем прав, но не придавал размолвке двух проверенных общей задачей и общим риском товарищей особого значения. Ему казалось, что соревнование в боевой деятельности не мешает службе. Кроме того, Маракушу смущало, что в тылу противника обстановка поисков постоянно складывалась в пользу Матюхина. Капитан отдавал должное Матюхину — он умел использовать обстановку. Больше того, капитан понимал, что молодой офицер обладает и нужной выдержкой, и чувством риска. О мужестве, смелости и находчивости Андрея капитан Маракуша попросту не думал — это необходимые для разведчика качества, без них разведчику не прожить.

Однако сейчас сложилась иная обстановка. По-видимому, им долго придется стоять в обороне, да еще перед лицом обозленного и наученного неудачами противника. Как поведет себя Матюхин в этих, привычных для большинства разведчиков условиях жесткой обороны? И Маракуша придерживал Матюхина — давал ему возможность освоиться и подготовиться к выполнению новых задач.

Предстоящая беседа позволит определить степень подготовленности лейтенанта Матюхина, в разговоре с ним проверятся и кое-какие собственные мысли. Вот почему кроме крепкого чая и карты капитан подготовил для встречи с Матюхиным еще и несколько вариантов поиска в целях захвата контрольного пленного — «языка».

Матюхин вернулся затемно и, получив приказ явиться к капитану, не сразу бросился его выполнять. Теперь он был не тем, утверждающим себя пареньком, прошедшим тяжкую школу войны и плена. Офицерские погоны определили его место в жизни и на войне. И он ценил это место, понимал его суть и значение и видел с него значительно дальше.

Прежде чем явиться по вызову, он почистил испачканную в траншеях шинель, хлебая суп из котелка, мысленно оценил доклады наблюдателей и, отказавшись от второго, быстро, но не торопясь и не срываясь на бег, как когда-то, пошел к командиру роты.

— Садись, — кивнул Маракуша на лавку. — Будем чай пить и думать.

— Об итогах дня доложить? — спросил Матюхин.

— Нет. В ходе беседы. — Андрей сел, снял ушанку. — Раздевайся, чаю много.

Раздеваясь, Андрей в который раз отметил умение капитана устраиваться: землянка была просторной, высокой и сухой, в ней пахло свежей сосной; стол гладкий, лавки выструганы, а над топчаном — трофейный коврик с оленями и замком. Маракуша разлил чай в кружки и придвинул к Андрею карту.

— Думаю, понимаешь, в чем дело?

— Пришла моя очередь терять людей?

Капитан нахмурился, прихлебнув чай, поморщился:

— Мысли...

— А что сделаешь, если не вижу выхода...

— Так уж и нет выхода?

— Если опять в «ночное» — не вижу.

Маракуша отхлебнул чай и поерзал на топчане.

— А ты уже намереваешься и в...

Он смолк — такой несуразной показалась ему пришедшая в голову мысль. Капитан уже отметил перемены в Матюхине и не мог позволить себе откровенную насмешку.

Выждав долгую паузу, Матюхин спросил:

— А вы, значит, не верите?

— Во что?

— В «дневное»? В дневной поиск?

Маракуша засмеялся.

— Ну ты даешь!.. Неужели веришь?

— Считаю, что нужно переходить на дневную работу. Пока нет снегов.

— Да-а, — протянул Маракуша и отставил кружку с черным чаем. — Вот какие у тебя мысли...

— Примерно такие.

Капитан рассматривал лейтенанта. В уголках светлых, острых матюхинских глаз уже образовались морщинки. Проступили они и возле крепко сжатого, небольшого и еще по-юношески алого рта. И раньше крепкие скулы еще слегка раздались, отчего лицо приобрело выражение строгости и даже некоторой непримиримости. В темно-русых волосах над чуть оттопыренными, большими ушами пробился первый волосок седины. В обычное время он, вероятно, был бы не замечен, но в землянке, в свете чадающей, заправленной бензином с солью снарядной гильзы, волосок этот сверкал независимо и светло.

«Рано седеют мальчишки, — подумал Маракуша и опять придвинул кружку с чаем. — Конечно, в данном случае Андрей явно чудит. Организовать днем поиск для захвата пленного из такой мощной и хорошо организованной обороны — дело нереальное. Но почему не помечтать? Почему не порассуждать? Оттачивается тактическое мышление, зорче и глубже изучается противник. Пусть лейтенант потешится...»

И спросил:

— А если конкретно? Какие мысли мешают тебе жить?

Лейтенант Матюхин уловил знакомые нотки капитанского превосходства, проники, снисходительности. Несколько месяцев назад он только вздохнул бы про себя и смирился с этой манерой вести разговор. Сейчас он не собирався мириться и потому спросил строго официально:

— Разрешите доложить?

Матюхин не принял приглашения на душевный разговор при обязательном преимуществе начальства, скрылся за уставной строгостью. Что ж, строгость эта позволяет многое, в том числе и сохранение определенной дистанции, утверждение собственного достоинства.

Капитан Маракуша понял Матюхина и внутренне согласился. Лейтенант есть лейтенант. И дело есть дело. Можно не соглашаться с предложением подчиненного, можно навязать ему свое мнение, но при всем при этом мысли подчиненного от этого не обесценятся. И если на прак-

тике они окажутся лучше навязанного сверху решения, урон для начальника окажется весьма ощутимым.

— Докладывайте.

— Вы отлично знаете, что, во-первых, противник у нас дисциплинированный и, к нашему счастью, все еще подвержен стандартному мышлению. Во-вторых, пожалуй, после середины сорок второго года, когда противнику пришлось переходить к обороне, наши частные успехи почти всегда достигались в ночном бою и в ночных поисках. Считалось, что противник плохо подготовлен к ночным действиям. Это стало нашим штампом, нашим стандартом. Между тем фашисты сумели сделать нужные выводы: ночью их оборона стала гораздо опасней, чем днем. Днем они оставляют в траншеях только наблюдателей, патрулей да дежурные пулеметы. И правильно. Ведь кроме пехоты на переднем крае или в непосредственной близости от него есть наблюдательные пункты и разведчиков, и артиллеристов, и минометчиков. И все следят за нами. Под таким прикрытием пехота может спокойно отдыхать днем. А тяжесть обороны ночью ложится именно на пехоту. И она вылезает в траншеи. Она бдительна и осторожна. Вы с этим согласны?

— В общих чертах.

— Ну вот. Когда мы ползем за «языком» ночью, за нами следят тысячи глаз и ушей. И обмануть их ох как нелегко...

— Однако, — усмехнулся капитан, — тебе дважды везло: мало того что проползал через оборону, еще забирался и в тыл противника. Может, это не только везение?

— В известной мере действительно не столько везение, сколько использование сложившейся обстановки. Причем не по моей инициативе, как вы знаете.

— Так, так... А то я уж подумал, что ты... — Маракуша опять недоговорил. То новое, что появилось в Матюхине, мешало ему поддеть офицера.

— Я не... — усмехнулся Андрей.

— Что «не»? — нахмурился Маракуша. — Договаривай.

— Я не зазнался. Разрешите продолжать? Кроме того, противник в силу наших стандартных действий и своего стандартного мышления ждет разведчиков ночью, что особенно затрудняет наши действия.

— Значит, ты хочешь добиться, чтобы противник не ждал наших действий?

— Нет. Я хочу не этого. Я хочу использовать сложившуюся обстановку. Уже по собственной инициативе.

«Да, — подумал Маракуша, — парень не только окреп. У него и командирские зубки прорезались. Что ж, время идет, люди растут».

— Как вы мыслите организовать поиск? — решительно переходя на строгий уставной язык, спросил капитан. — Если при этом учесть очень крепкую в инженерном отношении оборону противника.

— В принципе, в основе, так сказать, точно так же, как и ночью. Группа захвата, группа огневого обеспечения, взаимодействие с артиллерией и так далее. Но учитывать нужно именно необычную для нас оборону противника. Видимо, подступы к ней — минные и проволочные заграждения — придется прямо-таки прогрызать. Тихонько, незаметно, по-мышинному.

— И тоже днем?

— Нет. Только ночью. Вот почему я и подчеркиваю: нужно сделать все до снегов, чтоб не оставлять следов.

— И кто же будет прогрызать?

— Разумеется, саперы. Ночи три, а может, и четыре. Аккуратненько.

Маракуша задумался. Матюхин отвечал слишком быстро и слишком четко, чтобы предполагать, будто на него накатила внезапная блажь, стремление соригинальничать. Чувствовалось, что он продумал и план и ход поиска.

— Ну а дальше, дальше как? Прогрызут вам дорогу, а вы?

— Тут уже начинаются варианты. Может быть, ночью выйдем на нейтралку и оттуда броском врежемся в их передовую, а может, сразу из траншей рванем вперед. Все будет зависеть от места проведения поиска и огневого обеспечения. Я уж не говорю о поведении противника.

— У вас, конечно, есть предварительные наметки?

— Несколько вариантов. Я понимаю, вы не вправе разрешить нам проведение дневного поиска. Может, и дивизия не разрешит. Но подполковнику Лебедеву можно будет доказать.

— Группу вы уже выбрали?

— Нет. Но, думаю, подобрать можно. Особенно если вы разрешите взять кое-кого из других взводов.

— Своих мало? Подготовка не та? Или хотите сохранить своих людей?

— Ни то ни другое. Дело необычное. Нужны особые люди. Для другой задачи взял бы своих, а для этой нужны особые.

— На кого же вы нацелились?

— Прежде всего на старшину Сутоцкого и... рядового Закридзе.

— Почему их?

— В группе захвата потребуются физически сильные люди, владеющие и боксом и рукопашным боем, умеющие идти напролом. Эти двое как раз то, что нужно.

— Вы что ж, собираетесь мириться с Сутоцким?

— Я с ним не ссорился. И, насколько его знаю, дело он сделает хорошо.

Капитан опять склонился над кружкой остывающего чая и долго прихлебывал терпкий, пахучий настой.

— Скажите, лейтенант, вы сами придумали этот дневной поиск или...

— Или, товарищ капитан. Грудинин вычитал о таких поисках в газете и дал почитать мне. А потом вечером мы обсудили.

— Поймите, товарищ Матюхин, — странно, но Маракуша уже не мог называть Андрея по имени и на «ты», — опыта мы не имеем, а рисковать...

Капитан сделал маленькую паузу, подбирая слова, чем немедленно воспользовался Матюхин:

— Кто-то должен начинать.

Вот это вторжение в его рассуждения не совсем пошло Маракуше. Доверительная беседа-раздумье не удалась, однако отмахнуться от предложения лейтенанта капитан не мог. Матюхин уже не тот, каким его знал Маракуша. Он становится офицером, хотя еще и не стал им. Вот даже в этом — не сумел дослушать возражений начальника, не сумел сдержаться.

— Решим так: готовьте несколько вариантов и дневного и ночного поиска, — сказал Маракуша и встал.

Матюхин тоже встал, спросил:

— Разрешите идти?

— Да. Отдыхайте.

— Итоги дня изложить письменно?

Черт! Ничего не забывает! И все преподносит так, будто ты же и виноват.

— Как я понимаю, ничего существенного?

— Так точно!

— Тогда письменно. Будете писать, по-новому осмыслите обстановку.

Матюхин оделся, козырнул и легко проскользнул за плащ-палатку, которая пологом прикрывала дверь. Маракуша посмотрел ему вслед и отметил это ловкое, бесшумное проскальзывание.

«Вот так вот, капитан. Садись и думай. В одиночку».

3

Выйдя из землянки командира роты, Андрей Матюхин постоял под низким, подсвеченным дальними ракетами небом, подышал сложным воздухом ближнего тыла: хвой, щей, машинного масла, сгоревшей взрывчатки и железа, печного дыма и зыбкого человеческого жилья — и пошел к Сутоцкому.

Старшина жил вместе со взводом в большой низкой и сыроватой землянке. Она отапливалась печкой, сделанной из немецкой бензиновой бочки. Старшинское место было как раз за печкой — тут и теплее, и светлее, и от дверей не дует, а главное, здесь его не потревожат сонные, выходящие до ветра солдаты.

Матюхин присел на краю нар у дверей. Ему хотелось уловить настрой взвода, посмотреть на командирский почерк Сутоцкого, внутренне подготовиться к серьезному разговору.

Сутоцкий лежал на нарах, сняв сапоги, протянув ноги к печи, курил и слушал, как взводный агитатор читает свежую газету. Матюхин знал, что Николай требовал читать всю газету, от заголовка до подписи редактора.

— Вопросы есть? — спросил Сутоцкий, когда агитатор сложил газету. Плотный, флегматичный боец поднял руку: — Давай, Горбенко.

— Як там у Италии?

— Сизов? Ты Италией заведешь?

— Я, товарищ старшина.

— Разъясняй.

Высокий, худощавый Сизов достал из вещмешка карту и стал разъяснять. Были и другие вопросы, и на каждый из них отвечал кто-нибудь из солдат.

Потом начался разбор действий разведчиков за минувший день. Сутоцкий, все так же лежа и лениво покуривая, снисходительно ругал или хвалил подчиненных. Солдаты иногда подначивали друг друга, иногда выгоражива-

ли, порхали шуточки, звучал смех. Разбор этот больше походил на бригадное собрание, а то и просто на беседу друзей при обязательном соблюдении одного правила: слово Сутоцкого считалось окончательным.

Матюхин слушал и вздыхал: ему не удавалось создать во взводе такое настроение. Газеты он читал сам, сам и растолковывал; разборы действий проводил не ежедневно, а раз в два-три дня, но провинившихся ругал сразу же, не откладывая, и с глаза на глаз. Он тоже жил вместе с разведчиками, но его место было не в середине, на виду, у самой печки, а в уголке под окном. От окна вечно дуло, зато под ним стоял столик и на нем — уставы, журналы, вырезки из газет. Это был его уголок, место его раздумий. Порядок в уголке солдаты оберегали, но каждый мог взять любой журнал и любую книгу, написать за столом письмо, макая ручку в чернильницу. В других взводах чернильниц не имелось. Писали трофейными самописками или карандашом. Во взводе Матюхина была и маленькая библиотечка — это как-то выделяло его, делало взвод как бы более образованным.

И все-таки ощущения взвода-семьи, взвода-бригады у Матюхина не возникало. Хорошо это или плохо, он не знал... Однако и работа взводного агитатора, и «комментаторы» третьего взвода ему понравились. А он слишком много брал на себя, видимо, нужно давать волю и людям.

Лейтенанта заметили не сразу — он тихо сидел у двери, а когда заметили, разбор уже подходил к концу. Сутоцкий не спеша поднялся и присел на нарах.

— А-а, Андрей. Заходи, гостем будешь.

— Здравствуй, — усмехнулся Матюхин. — Воспитанием занимаешься?

— Разболтались мальчики. Приходится...

— Есть серьезный разговор. Давай пройдемся.

Сутоцкий нагнулся за сапогами, исподлобья, с легкой усмешкой оглядывая подчиненных. Ведь все знали, что рано или поздно, а взводу Матюхина тоже придется идти за «языком». Вероятно, такое время пришло, вот лейтенант и явился. Пришел за советом не к кому-нибудь, а к нему.

«Умеет подчеркнуть, что даже в неудачах Сутоцкий остается Сутоцким, — подумал Андрей. — Ну что ж, у каждого своя, как говорится, метода».

Они вышли из землянки — оба ладные и очень разные.

Тонкий, даже щуплый в просторной, туго перепоясанной шинели Матюхин и плотный, широкоплечий Сутоцкий.

— Как я понимаю, поставили задачу? — спросил Сутоцкий.

— Можно считать, и так...

— Тогда я тебе вот что скажу: на успех не надейся. Главное — голову сохранить. Понял?

— Нет. Не понял.

— Через такие заграждения к траншеям не пролезешь. Мы вот пролезли, а что толку? Фрицев в них до черта, а вырвать хоть одного нет никакой возможности. А хоть бы и вырвали? Как протащишь? Раньше было проще — артиллерия прикроет, то да се, в неразберихе и прорвешься и выберешься. А сейчас эти чертовы «крабы» чем возьмешь? Попади в него снарядом! Да если и попадешь — ничего! Отскочит, как от резины. Сталь у них — будь здоров. Крупновская!

— Все это я слышал, Николай. Еще в финскую войну. Тогда тоже говорили, что на Карельском перешейке доты покрыты резиной. Как только в них попадает снаряд, резина его отбрасывает назад.

— Ты, конечно, все знаешь... — сразу обиделся Сутоцкий и отвернулся.

— Я предлагаю организовать дневной поиск, — после небольшой паузы сказал Матюхин.

Сутоцкий быстро обернулся, заглянул с веселым удивлением в лицо Андрея и рассмеялся:

— Ты даешь! Сам выдумал или кто помогал?

— Между прочим, именно так спросил и капитан Ма-
ракуша.

— А ты ему что?

— А я ему вот что... — Матюхин коротко передал свой разговор с командиром роты и закончил: — Капитан сказал, чтобы я готовил варианты и дневного и ночного поиска.

— Во-от! И ночного.

— Но ведь и дневного...

— Так зачем же ко мне зашел? В дневном я тебе не помощник. Советовать не могу.

— А я не за советом. — И, перехватывая вспыхнувший взгляд Николая, Матюхин сказал: — Я хочу, чтобы ты пошел в группе захвата.

Сутоцкий остановился, недобро усмехнулся:

— Честь, значит, оказываешь?

— И честь.

— Знаешь... шел бы ты со своей честью... Честь! Я сейчас тоже взводом командую! А туда, — он махнул рукой в сторону передовой, — уже два раза лазил. Вот и ты слазай. Посмотри, как разведчик проверяется в настоящей обороне. Понюхай... Тут на везении...

Матюхин молча ждал, пока Николай выплеснет свои обиды и подозрения. Сутоцкий еще долго возмущался и доказывал, что его и так все знают и новой чести ему не требуется. Когда он умолк, Матюхин насмешливо спросил:

— Все или еще что придумаешь?

— Придумаю? Я?! — И, глядя в насмешливо улыбающееся скуластое лицо Андрея, сплюнул: — Пошел ты... С тобой говорить.

Сказать что-нибудь новое он не мог — выговорился и стал затихать.

— Успокоился? — спросил Матюхин. — Теперь слушай и рассуждай. На нашем участке дневной поиск не применялся. Новинка и для нас и для противника. А новинка всегда действует. Если, конечно, работать с умом. Участвовать в такой новинке почетно. Значит, честь. Если, конечно, получится. Но старшим группы захвата пойду не я. Я буду старшим группы огневого обеспечения и прикрытия. И не ты...

— Вот оно что! Разжалуешь, значит?

— Старшим группы захвата пойдет Шарафутдинов. — И слыша, как Николай набирает воздух для новой вспышки ругани, доверительно наклонился к нему: — Он же теперь не салага. Обтерся. А главное — немецким владеет. Дневной поиск, может, еще больше требует тишины, чем ночной. Знание языка ой-ой как может выручить. Да и парень он находчивый, верно? — Николай нехотя кивнул, и Андрей понял: Сутоцкий согласится. Справедливый во всем, что касается дела, он поймет преимущество дневного поиска. Поймет — и согласится. — А главное, Шарафутдинов может там же, в их траншеях, и книжки солдатские прочесть и допросить... не отходя от кассы. Понимаешь?

Сутоцкий понимал. Разведка, поиск не прогулка, «язык» важен не сам по себе, а именно как язык, умеющий рассказать, что делается на сопредельном участке обороны. И вполне может случиться, что и «язык» будет взят, а дотащить его не успеешь — убьют. Хуже того, мо-

гут и всю группу захвата перебить, выскочит только один. И если этот один будет знать — от «языка» ли, из документов, — что происходит в обороне, смерти будут оправданными.

— И последнее. Что такое Сутоцкий, знают все. И я в том числе. Вот потому тебя и приглашаю. Тебя и еще одного парня...

— Закридзе? — хмуро спросил Николай.

— А ты откуда знаешь? — с искренним удивлением спросил Матюхин.

— Сам к нему присматривался. Стоящий.

— Вот то-то и оно. Конечно, если бы тебя назначить старшим, это вроде бы почетней, но... Но ведь старшему нужно следить за всеми. А у тебя с Закридзе будет единственная задача: захватить «языка» и быстро — днем ведь все на секунды придется мерить — вернуться назад или... в укрытие. Вот почему ты пойдешь не старшим, а рядовым. Хотя все, в том числе и начальство, будет знать, что главным в деле будешь ты. Понял?

Сутоцкий долго смотрел на низкое, в желтых подпалинах далеких ракет, тревожное небо, вздыхал и морщился. Потом сумрачно спросил:

— Скажи, Андрей, по совести: зачем ты меня втягиваешь в это дело?

— По совести?

— Да. По совести!

— Во-первых, я тебя знаю и тебе верю... Может, как себе. Мне даже кажется, что ни я без тебя, ни ты без меня с таким новым делом не справимся. Во-вторых, ты говоришь, что командуешь взводом... Верно. Командуешь... А если завтра пришлют офицера? Вот и получается, что ты так и будешь ходить в старшинах... Ты ведь тоже об этом думал?

— Думал, — неохотно согласился Сутоцкий.

— А тебе хочется стать офицером. Я знаю. Остался бы я в твоём положении — мне бы тоже хотелось.

Сутоцкий не слишком уверенно возразил:

— Ты учился...

— Я учился в артучилище, а стал общевойсковым разведчиком. И не все из того, что мы учили, пригодилось в боях. Здесь все по-новому. И то, что ты научился командовать и отделением, и взводом, не менее важно, чем формальные знания. А знать... ты уже многое знаешь. Только... Только мыслить еще не умеешь.

— Это как понять? — после паузы, облизывая губы, спросил Сутоцкий.

— А очень просто. Ты все время думаешь как исполнитель, как боец. А тебе нужно думать как командиру — не только за себя. Ты сам по себе, так... единица... А со взводом ты уже взвод! Так вот за взвод тебе и нужно думать. А еще лучше — за роту. Тогда будешь видеть, как повести себя взводом. Понимаешь?

— Не совсем...

— Хорошо хоть не врешь. Это понимается не сразу. Вот когда ты почувствуешь себя не просто командиром, а головой взвода, его мозгом, а взвод станет твоей сущностью, как бы продолжением тебя самого, вот тогда ты и научишься, постепенно конечно, мыслить.

— Ты умеешь?

— Учусь... И у тебя. Например, читке газет.

— Ну вот сейчас, с этой своей... придумкой... как ты мыслишь?

— А мыслю я так: для меня-взвода будет выгодней, если общее руководство поиском будет осуществлять кто-то другой. Мне-взводу все не увидеть, у меня-взвода нет ни сил, ни прав, чтобы в случае нужды обеспечить прикрытие дневного поиска. Вот я и готовлю дело так, чтобы дневным поиском руководил капитан Маракуша либо подполковник Лебедев — у них прав больше. Им обоим я верю и могу вручить себя-взвод. Понял?

— Ну, а мне, рядовому, что ты предлагаешь? Заметь, я просил тебя говорить честно.

— А я и говорю честно. Раздумай, у тебя два ордена Славы. Если получишь третий, станешь младшим лейтенантом. По закону, по статусу ордена. Ведь при награждении орденом Славы первой степени старшина становится офицером, а сержант — старшиной.

— Кое-что понимаю...

— Но, заметь, орденом Славы награждают только за солдатские подвиги. Значит, если ты пойдешь старшим группы захвата и даже захватишь «языка», тебя наверняка не забудут: как ни говори, а дневной поиск у нас новинка... Но орденом Славы первой степени вряд ли наградят... Можешь не подойти под статус. А если пойдешь рядовым в группе захвата, то... то в самый раз.

Они помолчали, закурили, невольно прислушиваясь к погромухиванию передовой. Пулеметы противника уга-

дывались сразу — они били увереннее и длинными очередями: заранее пристрелялись к нужным им рубежам.

— Вот так, Николай. Подумай как следует. И насчет объекта, и тактики, и состава группы. Можешь, втихая конечно, чтобы никто не знал, поговорить с Закридзе. Или, может быть, другого напарника подберешь. Через два дня скажешь. Бывай.

Матюхин протянул руку, и Сутоцкий, пожимая ее, заглянул Матюхину в глаза, но в темноте не разглядел их выражения. К землянке он шел медленно, часто перебрасывая сигарку из одного в другой уголок прямого, жесткого рта.

4

Когда начальник разведки дивизии майор Зайцев доложил заместителю начальника разведотдела штаба армии подполковнику Лебедеву о том, что командир отдельной разведроты капитан Маракуша предлагает провести дневной поиск в целях захвата контрольного пленного, Лебедев вначале только буркнул: «Давно пора», а уж потом весело подумал: «Что-то майор Зайцев заактивничал? С чего бы это? — И сейчас же ответил себе: — Новенькое почуял старик, новенькое...»

Майор Зайцев действительно старался не вмешиваться в дела разведроты, если какой-нибудь взвод работал в интересах штаба армии, а не дивизии. Но в данном случае он был крайне заинтересован в поиске: он прежде всего работал на дивизию, позволяя выявить противника перед ее фронтом. Майор Зайцев не знал, кто именно стоит перед ним, за что не раз получал нагоняй от командира дивизии.

«Что ж, это даже хорошо, — решил про себя Лебедев, — все будут действовать на одну руку». Но вслух спросил:

— Кто конкретно ведёт разработку?

— Капитан Маракуша и... — Зайцев мгновение помедлил, словно вспоминая, — и лейтенант Матюхин.

Ну вот, опять всплыла знакомая фамилия. Несколько месяцев Лебедев не слышал о Матюхине: командир взвода действовал, как все. Но стоило усложниться обстановке, как снова появляется этот молодой лейтенант.

— У вас в дивизии, кроме Матюхина, разведчиков не имеется? — сухо спросил Лебедев.

— Зачем же так, товарищ подполковник? Имеются,

конечно, вы же знаете. Только пока что все, кроме Матюхина, проводили ночные поиски, а они, как вы сами понимаете, не результативны... Теперь как бы очередь лейтенанта Матюхина.

— Старшим пойдет лейтенант?

— Нет, товарищ подполковник. Он... мы то есть... решили, что дело новое, ответственное, потому руководство поиском возьмет на себя капитан Маракуша. Он, кстати, уже давненько сам лично не занимался поисками... Вот и...

— Документация имеется? Легенды?

Майор Зайцев уж если брался за дело, то брался всерьез. Нужные документы отрабатывались тщательно, с подлинным штабным пилом — на отличной бумаге, четко, грамотно и обязательно красиво.

— Хорошо. Сегодня ночью просмотрю, подумаю. Потом согласую с начальством и, если все ляжет как надо, утром приеду — проверим на местности, — решил Лебедев.

Но думать подполковнику Лебедеву пришлось долго. Как он ни прикидывал по карте варианты дневного поиска, получалось, что они ненадежны. Слишком много случайностей могло повлиять на исход. Случайности появлялись в его рассуждениях потому, что оборона врага так и осталась не вскрытой. Единственная надежда — авиационные разведчики. Лебедев решил навестить их.

Воздушные разведчики с затаенной гордостью разложили перед подполковником довольно четкие фотографии. К стыду своему, Лебедев не слишком уверенно разбирался в смутных тенях и штрихах, из которых складывалась оборона противника. Воздушные разведчики знали, что общевойсковые командиры еще не привыкли работать с фотодокументами, потому несколько снисходительно растолковывали, «поднимали» значение пятнышек и теней; дешифровальщик оказался опытным, как бы наделенным внутренним, поэтическим видением, и оборона врага раскрывалась глубоко и полно.

Увлеченный тонкой, образной работой дешифровальщика, Лебедев быстро схватывал не только основные детали обороны противника — мысленно он связывал их с привычными значками и цветными линиями на обыкновенной топографической карте, — но и крохотные детали, паутинки тропок, ведущих к жилым землянкам, конусы от выстрелов перед тщательно замаскированными и

потому невидимыми на снимках артиллерийскими батареями, расплывчатые тени от дзотов и многое другое, что может увидеть только опытный, специально натренированный глаз.

И как истый штабной офицер-разведчик, Лебедев, сам того не замечая, шел гораздо дальше, потому что в его мозгу уже сложилась и жила подлинная картина передовой. Она постоянно накладывалась на снимки, и Лебедев поначалу не слишком уверенно, а потом все убежденнее отмечал:

— Здесь тоже должен быть дот.

И дешифровальщик, красивый парень, с острыми усталыми глазами, поглядывая на своих начальников, пожимал плечами и снисходительно отвечал:

— Возможно, но мы не обнаружили.

— Посмотрите как следует. Я в этой чертовщине еще не разбираюсь, но дот должен быть.

И он находился. Артистически замаскированный, намертво слившийся с местностью. Увлекаясь, Лебедев внутренним зрением видел то, что не могли увидеть авиационные офицеры. Они все чаще и чаще переглядывались, через лупы всматривались в фотоснимки: объекты, которые требовал от них Лебедев, не находились.

— Пустой номер, — махнул рукой майор-летчик.

— Должны быть, — убежденно говорил Лебедев. — Должны!

Он верил, что именно здесь, на этом вот склоне, должен располагаться наблюдательный пункт противника, а в устье лощины — дзот, или, как говорил подполковник, «узелок» сопротивления: лощина должна быть перекрыта огнем. Лебедев говорил убежденно, и эта убежденность смущала авиаторов. И напрасно.

Подполковник Лебедев знал то, чего не знали воздушные разведчики: принцип организации наземной обороны противника, его привычки и даже наиболее характерные ошибки. Лебедев знал врага в деталях и тонкостях и, мысля за него, ясно представлял, как и что возведет противник.

В какое-то мгновение Лебедев почувствовал, что ему не верят, смотрят на него как на обыкновенного выскочку, и на секунду обиделся. Потом попросил:

— Этот район вы, вероятно, снимали не раз, дайте другие снимки. Хорошо бы утренние, сделанные при солнечной погоде, и вечерние: многое прояснят тени.

Нехотя, словно показывая, что это их последняя уступка въедливому подполковнику, один из младших офицеров пошел за снимками и скоро вывалил их на стол целый ворох. Лебедев и дешифровальщик, которого заинтересовал ход рассуждений подполковника, копались в них и постепенно находили то, чего никогда не видел Лебедев, но в чем был уверен. Молчаливый майор-авиатор, искоса поглядывая на Лебедева, который, отбирая снимки, делал пометки на карте, спросил:

— Вы умеете платить долги?

— Какие долги? — удивился Лебедев.

— Обыкновенные. Мы потратили на вас часа три. Оторвались от основной работы. Могли бы и вы уделить нам несколько часов?

— Если требуется...

— Требуется! Нужно прочитать несколько лекций и провести практические занятия с нашими офицерами. Мы ведь на все смотрим... свысока. Вы — с самого низа. Мы знаем, как ведет себя воздушный противник, а вы — на земле. А работаем-то мы на вас. Значит, нам нужны еще и ваши знания, ваши методы обнаружения противника. Понятно?.. Человек вы дотошный и мыслящий. Сможете?

— Смогу, — сказал смущенный Лебедев. — Только вы официально обратитесь к моему начальству.

— Само собой.

Подполковник уезжал от летчиков с кучей фотоснимков и уверенностью, что дневной поиск не такое уж невероятное дело — обнаруживались подходящие места.

5

Рано утром подполковника Лебедева вызвал командующий армией. Начальник разведки полковник Петров несколько удивился вызову: он лично и совсем недавно докладывал командарму обстановку. Значит, дело не столько в разведданных, сколько в самом Лебедеве. И это настораживало. Отправляясь к командарму, подполковник перехватил испытующий взгляд Петрова.

«Неужели старик ревнует? — подумал Лебедев. — Столько времени знаем друг друга, и вдруг...»

Командарм встретил Лебедева суховаато и прежде всего осведомился, каким образом он попал к авиаторам.

— Что-то раньше я у вас такой прыти не замечал.

— Товарищ генерал, мы готовим дневной поиск, и я попытался использовать и этот резерв сведений.

— Ну и каков же этот резерв?

— Я убедился, что мы не всегда по достоинству ценили материалы авиаразведки. Они очень перспективны.

— Мне хочется отметить, что вы недооцениваете и показания радиаразведки.

— Возможно...

— А между тем она доносит, что почерки радистов противолежащих соединений резко изменились.

— Это нам известно. Но это вовсе не значит...

— Да, не значит... Авиаторы прислали заявку — просят вас прочесть им несколько... лекций. Чем вы их заинтересовали?

— Взаимный интерес.

— Конкретнее.

— Особенности практики противника на этом этапе войны. Особенности обороны. Характерные признаки визуального обнаружения противника. Словом, они нам свои премудрости, мы им — свои.

— Скажите, Лебедев, вы действительно увидели у летчиков нечто такое, что помогает вам? Может быть, это поможет и другим штабным офицерам? Как вы думаете?

— Думаю... что, например, артиллеристам...

— Вот.— Командарм резко повернулся. — Вот в этом все дело! Почему вы не доложили свои выводы о пользе взаимообучения наземных и летных офицеров? Почему вы думали только о себе, о своем отделе?

— Я... не знаю. Просто... мне казалось...

— Вот за этим я вас и вызвал, подполковник. На данном этапе нам нужна четкая координация действия всех видов разведки. Всех! А мы работаем вразнобой, каждый на себя. При таком положении я и начальник штаба можем физически не поспеть за событиями — слишком много данных приходится анализировать. Когда-то вы нащупали добрый контакт с контрразведкой, теперь с авиаразведкой — правильный контакт, нужный контакт и в нужном направлении! — и забыли о главном. Как бы ни был важен ваш отдел, вы лично, я лично — все мы сила, если работаем вместе — каждый на своем участке, но все вместе. Нужен работающий штаб! Понимаете? Не единицы, не отделы даже, а весь штаб. Вы понимаете, о чем я говорю?..

Гроза, кажется, миновала. От сердца отлегло, но со-

средоточиться, как прежде, — мгновенно и целостно — на том, что говорил командарм, Лебедев все-таки не успел. И он пролепетал:

— Виноват... Но одному просто не под силу...

— Опять вы за свое! — рассердился командарм. — Думать нужно! Прошу вас, как только проведете поиск, точнее, как только наладите доставку «языка», читайте лекции у летчиков и их привлеките для чтения лекций работникам штаба. Мне грустно, что это предлагаю я, а не вы через полковника Петрова или начальника штаба. Это — первое. — Командующий уселся за стол и кивнул Лебедеву: садитесь. — Второе вот что. Надо начинать дезинформацию противника. Подумайте о системе обмана: макеты танков, орудий, новые дороги, передвижение войск и все прочее. Понятно?

— Товарищ генерал, сделать это лучше после того, как будет взят «язык». Тогда вы сможете хотя бы примерно наметить район...

— Вот теперь я вижу, что вам понятно, — перебил его командарм. — Так вот район, в котором следует начать игру, вот этот. — Командарм показал на карте. — Здесь у тебя хорошие разведчики: Зайцев и этот... Маркуша. Будешь там — дай им побольше воли, а сам думай. Главное, ты каждый день будешь проезжать этот район и, значит, кое-что придумаешь по ходу дела. — Он помолчал. — Полковник Петров удивился моему вызову?

— Не слишком, но...

— Так вот, ты не воображай, что я к тебе так уж благоволю. Просто Петрову поставлена очень серьезная задача, и тем, что я приказываю тебе, ни ему, ни начальнику штаба заниматься не придется. Не хватит времени. И последнее. Первоначальный план дезинформации противника готовишь только ты. Ясно?

— Так точно.

— Потом подключим других. Все. Иди.

Подполковник Лебедев круто повернулся и пошел к двери, тревожась, потому что обстановка, кажется, круто менялась, и в то же время радуясь: что бы там ни было, а командарм все-таки перешел на доверительное «ты».

Командарм посмотрел вслед Лебедеву с легкой завистью — красивый, молодой и, главное, умный офицер. Скорее всего, с безупречным будущим. А у него самого — безупречное прошлое, неплохое настоящее, а вот будущее...

Эх, будущее... Когда тебе под шестьдесят, все чаще хочется вспоминать прошлое, а не заглядывать в будущее. Достаточно того, что по долгу службы все время думаешь о будущем. Командующий фронтом намекнул, что возможен перенос фронтового удара в полосу армии. Пока что об этом не знает никто, кроме члена Военного совета. И вот уже приходится раздваиваться — говорить и командовать в обороне, а жить будущим наступлением.

Командарм присел у стола и почему-то сгорбился. Ныла опухшая нога, должно быть к сырой погоде.

6

Поскольку новое, несколько необычное задание командарма требовало быстрых решений, Лебедев уехал в дивизию и до полудня ездил по тылам полков, приглядывая места, на которых стоило развернуть макеты боевой техники и расположить временные огневые позиции артиллерии и минометов. Только после обеда он встретился с лейтенантом Матюхиным на батальонном наблюдательном пункте. Лейтенант старательно вычерчивал схему местности.

— Работаете? — спросил Лебедев, положив руку на его плечо.

Матюхин хотел было вскочить, но подполковник нажал сильнее: не вставайте.

— Так точно! Прикидываю. — Матюхину нравился красивый, статный подполковник, его умение работать, и потому он сразу же принял тон разговора.

— И как прикидка?

— Знаете... — Матюхин на мгновение замаялся. — Если бы не два обстоятельства, можно было бы провести поиск хоть сейчас.

— Что за обстоятельства?

— Еще не ясен состав группы, и, главное, мне кажется — но именно кажется, — что за эти дни сменился противник.

— О-о... Это важно! — сразу подобрался Лебедев, и Матюхин мгновенно понял, что разговор превращается в строго официальный.

Он поднялся, но доклад получился скомканный.

— Что-то изменилось в поведении солдат. Утром они оставляют позиции как-то вяло, вразнобой и, я бы сказал,

небрежно. Раньше все проходило точно по расписанию, скрытно и организованно.

— Сами наблюдали?

— Так точно. И еще снайпер Грудинин через оптический прицел. Он все время в засаде. Говорит, что впервые увидел распоясок.

— Кого-кого?

— Ну солдат в неподпоясанных шинелях. Мы прикинули, решили, что немцы надевают вторые шинели — ночью холод все-таки пробирает.

— Не верится, что их интендантство так расщедрилось.

— Возможно, шинели с убитых...

— Ах, вот оно что! Полагаете, что эти вышли из боев и теперь как бы отдыхают?

— Так точно. Они, мне кажется, сейчас такие, что... им море по колени. Знаете, как у нас после удачных боев: а-а! Что нам! Да мы их! Это пока дисциплину подтянешь.

— Возможно, возможно... А еще что? Еще какие приметы?

— Прежде сразу после завтрака у них наступала тишина. Спали. Только наблюдатели маячили, да на наблюдательных пунктах иногда посверкивали стекла стереотруб или биноклей. Сейчас не так. Сейчас после завтрака у них и народу в траншеях побольше, и, главное, в тылу весело. Смеются, кричат. Музыка... Вот после обеда — тишина. Полная тишина. Порой даже кажется, что они и наблюдателей снимают, никого на НП не оставляют.

— А это чем объясняете?

— Помните, после удачных боев у нас как было? Засечем расписание немецких контратак и в зависимости от этого спим и едим. Вот так, по-моему, и у них. Они привыкли, что ночью ползают разведчики и саперы, идут артралеты. Это у нас называется, да и у них, наверное, также, не давать спать. Утром, если все идет как следует, — артподготовка и атака или контратака. Тоже, знаете ли, штамп. Хотя и оправданный: дни короткие, нужно многое успеть. А после обеда любой противник боя не завяжет — дотемна времени мало. Вот и можно спокойно спать до вечера. В траншее выйдешь свежим, выспавшимся.

— Разумно... И тоже подтверждает, что наш противник вышел из боев...

Прощаясь, Лебедев подумал, что дневной поиск приобретает огромное значение. Если подтвердится догадка Матюхина, кто знает, какие задачи встанут перед армией. Вот почему Лебедев немедленно доложил о ней своему начальнику — полковнику Петрову.

7

В роту Андрей Матюхин возвращался в сумерки. Гудели ноги, хотелось есть и, главное, пить. Губы на ветру пошерхнули, лицо стянуло, иногда он растирал его шершавой от ввевшейся окопной глины ладонью.

Неподалеку от взводной землянки его перехватили Сутоцкий, Закридзе и заместитель командира разведроты по политической части старший лейтенант Виктор Сладков — плечистый, светлоглазый и слегка скуластый. Обращаясь к Матюхину, он доверительно улыбнулся.

— Вот, привел к вам бунтарей, — кивнул он на разведчиков, — считают, что противник не созрел до дневного поиска. Может не даваться в руки.

— Не в этом дело, — поморщился Сутоцкий. Замещая командира взвода, он знал себе цену и мог возражать замполиту почти на равных. — Мы не против дневного поиска. Но именно дневного, а не утреннего.

— Фриц не тот! — быстро, словно от тяжелой обиды, выпалил Закридзе.

Большой, тонкий в талии, с широкими плечами и огромными кистями рук, он не умел говорить спокойно.

— Правильно, — миролюбиво согласился Матюхин. — Не тот. Совсем не тот.

— Ну вот! Почему же утром?

— А кто говорит, утром?

— Все говорят! Совершенно все! Как можно утром? Они же не спят! — наседал Закридзе.

— Не спят, — подтвердил Матюхин. — Скажите, неужели все, буквально все знают, что мы собираемся в дневной поиск? А? Закридзе?

— Конечно все! Каждый ходит, спрашивает: теперь днем пойдем? Ночь уже не годится?

— Вот видите, сами же говорите, что все спрашивают: днем пойдем? Про утро, выходит, никто не спрашивает.

Закридзе подался вперед и словно задохнулся, выкатил добрые и страшные глаза, потом засмеялся:

— Зачем ловишь, товарищ лейтенант? Все говорят, днем, а думают, утром.

Окружающие тоже засмеялись, но Матюхин оборвал смех и по-командирски строго спросил:

— Значит, в дневной поиск пойдете?

Сутоцкий достаточно хорошо знал лейтенанта.

— Так точно! — вытянувшись, отчеканил он. — Идем!

— Тогда первый приказ: с завтрашнего дня начать тренировки в беге на крутой взлобок... Категорически запрещаю пить наркомовские. Старишина будет беречь до возвращения. В перерывах между бегом — тренировка в захвате и транспортировке пленного. Старший — Шарафутдинов. Порядок тренировок, отработка приемов — словом, вся подготовка группы захвата лежит на нем. Все. До завтра.

Матюхин круто повернулся к старшему лейтенанту Сладкову:

— Разрешите отпустить людей?

Сладков кивнул, и, когда Сутоцкий и Закридзе, оба несколько обескураженные и даже, пожалуй, чуть обиженные, отошли, Матюхин спросил:

— Как я понимаю, есть дело?

— Есть... Но прежде... Не слишком ли круто?

— Я знаю Сутоцкого. Его надо брать сразу. А Закридзе меня не знает и потому мою крутизну посчитает просто офицерской требовательностью. Я вас слушаю.

Старший лейтенант Сладков долго смотрел в сторону передовой, потом, не отводя взгляда от цветных строчек транслирующих пуль, сообщил:

— Сегодня я был в саперном батальоне и разговаривал с минерами, которые проделывали проходы для ночных поисков. Один из них утверждает, что под взлобком, как раз напротив НП артиллеристов, есть брошенные, но целые землянки.

— Откуда они там? — почему-то с замиранием сердца спросил Матюхин.

— По-видимому, в сорок первом здесь формировалась какая-нибудь часть. А может, строители немецкой обороны в них жили. Место удобное...

Они помолчали. Матюхин хотел было спросить, что докладывал Сладков в политотдел о предстоящем поиске, но сдержался. Ведь, в сущности, это служебная тайна замполита. А попытка разгадывать чужие тайны никогда

не расценивалась как доблесть или хотя бы как хорошее воспитание.

— Вы хотели спросить, товарищ лейтенант, — усмехнулся Сладков, — докладывал ли я в политотдел о предстоящем поиске? Отвечаю — докладываю каждый день. Начальник политотдела лично интересуется, как идет подготовка. Как понимаете, от исхода поиска зависит слишком многое.

Матюхин кивнул и подумал: «Хорошо, что никто не знает о моей беседе с Сутоцким. Если... Если, конечно, не проболтался сам Сутоцкий».

Замполит сделал паузу и продолжал. Голос у него был тусклый, с хрипотцой — видно, он волновался.

— И еще. Как я понимаю, вы не случайно берете Сутоцкого рядовым разведчиком... — Андрей сразу поймал взгляд Сладкова — острый, пристальный, немигающий. — Берете, чтобы в случае удачи представить его к ордену Славы первой степени и, следовательно, к офицерскому званию. Я не ошибся?

Мгновение Матюхин колебался: отказаться? Ведь это его решение пахло сговором, если бы... если бы не так ощутимо пахло смертью. Дело-то слишком рискованное. Можно сказать, что Сутоцкий наиболее опытный разведчик, что проверил его во время выполнения прежних заданий в тылу врага...

— Да, — сказал Андрей, — вы не ошиблись. Я считаю...

— Не нужно, лейтенант, — остановил его Сладков, потому что в голосе Матюхина против его воли послышались отчаянные нотки. — Я считаю точно так же, как и вы. Об этом я тоже доложил начальнику политотдела.

Он опять смолк и слегка прищурился, ожидая, что скажет Матюхин. И лейтенант не выдержал:

— Об этом... моем решении вам сказал Сутоцкий? Или...

— Мне казалось, у вас хватит выдержки не спросить. К сожалению, вы спросили. — Сладков вздохнул и отвел взгляд. — Нет, лейтенант, об этом мне никто не говорил. Но я воюю третий год и немало послужил в разведке. Я знаю, что такое мужская дружба и что бывает, когда выдвигается один, а другой... Так что догадаться было нетрудно. Вы должны были спросить: что ответил начальник политотдела? А он сказал: «Смотри-ка, какой мудрый этот Матюхин. Все учитывает. Даже возможные

поощрения». И пообещал мне, что представление будет оформлено.

Сладков опять замолчал, и Матюхин не знал, что и как сказать. Он настолько растерялся, что даже вспотел, а когда понял это, только глупо улыбнулся.

И тут Сладков окончательно добил его:

— Больше вас ничего не интересует? Например, что еще сказал начподив? — Матюхин только пожал плечами. — Еще он сказал лично для меня: «Помните, товарищ старший лейтенант, за этот поиск вы отвечаете партбилетом». Вот так, товарищ лейтенант. И не удивляйтесь, если я буду... поблизости от вас и по мере моих скромных сил стану помогать.

Они помолчали. Матюхин никак не мог собраться с мыслями и оценить этот жестокий неожиданный разговор.

— А еще прошу тебя, Андрей, — опять переходя на «ты», мягко сказал Сладков, — не темни со мной. Честное слово, чем могу — помогу.

Сладков повернулся и ушел в темноту, к землянке командира роты.

8

Почти отвесные взлобки проходили вдоль всей обороны врага. Андрей понимал, что удобные для проведения поиска лощины и распадки охраняются особенно усиленно и наверняка напшигованы минами. А взлобки... Взлобки инженерно защищены слабее — на них с трудом вползет пехота и наверняка не поднимутся танки. Именно поэтому они манили Матюхина. И Закридзе он взял потому, что горец с детства привык не то что ходить — бегать по крутым горам.

Но с взлобков открывался надежный обзор, и потому пробежать незаметно ничейную полосу днем было почти невозможно. А вот выдвинуться затемно под взлобок, пересидеть там в укрытии до нужного момента — как раз то, на что рассчитывал Матюхин и что подсказал ему Сладков. И Андрей не выдержал. Предупредив своего помощника, он опять ушел на передовую, к артиллеристам приданного дивизии гаубичного полка. Их наблюдательный пункт стоял как раз против места, о котором говорил замполит.

НП артиллеристов был ухожен и удобен. Нары, столы, полочки, разветвленная система ходов сообщения

с боковыми и выносными НП. Молодой командир батареи установил атмосферу веселой и чуть пренебрежительной по отношению к противнику домовитости.

Матюхина интересовали цели, которые гаубичники разведали для себя, чтобы в нужный момент подавить их артогнем. Они следили за этими целями через мощные стереотрубы и бинокли. Следили днем и ночью, а Матюхин изучал оборону противника в основном днем и без мощных средств инструментальной разведки.

Как всегда, его встретили приветливо, как всегда, нашлось чем поужинать и даже что выпить. Но от водки Андрей отказался, потому что давно заметил за собой: стоит выпить хоть глоток, как мозг переставал работать четко и ясно. А ему в эти дни требовалась ясность мыслей. Поэтому пил он только чай.

Артиллеристы, оказывается, тоже уловили перемену в поведении противника.

— Пришли лентяи! — убежденно сказал комбат. — Ни одной новой огневой точки не поставили, ни одной новой батареи. Как было до них, так все и осталось.

— Надеются, что не надолго пришли, — вслух подумал Андрей.

— Возможно... Впрочем, может быть, еще и потому, что их где-то крепко потрепали и сейчас у них просто не хватает людей для совершенствования обороны.

Старший артиллерийский разведчик оторвался от стереотрубы и в соответствии с принятым здесь тоном сообщил:

— Не совсем точно, товарищ старший лейтенант. Оборону они совершенствуют — новый сортир построили.

— Вы правы, Сапелкин. Этого оборонительного сооружения я не учел. Чем оно отличается от предыдущего?

— По-видимому, глубиной и, главное, нерегулярностью посещения. Не стало у них порядка. Нет, не стало, — с притворной печалью сказал Сапелкин.

— А жаль, — попадая в тон, продолжал командир батареи. — Ведь как хорошо жили раньше. Накопим снарядов — в обороне мы на лимите сидим, — подождем, пока они чуть не строем в сортир идут, и дадим артналетик. Теперь не то, нет, не то... Ходят вразнойбой... Животы у них, что ли, прихватило?

Откуда-то из глубины, кажется из-под самых накатов НП, прогудел глубокий вибрирующий бас:

— Над етим не насмеешси, товарищ комбат. Ето вполне по естественности.

— А, санинструктор! — засмеялся комбат и пояснил лейтенанту: — Наша основная медицина. — Потом крикнул в дальний угол: — Это по какой же естественности?

— По обнакновенной. Люди пришли с другого участка, вода здесь для них новая — а она тут жесткая, с известкой, — вот животы и не попривыкли...

Комбат наклонился к Андрею и шепнул:

— Умнейший мужик, но — полное отсутствие юмора. А если поет — фрицы стрелять перестают: слушают.

А санинструктор между тем продолжал:

— У нас также после наступления бывает. И вы, между прочим, в таком разе не смеетесь, а меня гоняете.

Напоминание, что фашисты — люди и живут по тем же физиологическим законам, что и остальные, убило царившее здесь веселье. Артиллеристы еще улыбались, ожидая продолжения шутливой перебранки, но уже понимали, что перейдена какая-то грань, за которой начинается серьезное. И серьезное это — лейтенант-разведчик. Он пришел сюда не зубоскалить. У него свое дело, которое, может быть, коснется и их... На Матюхина стали смотреть испытующе, даже слегка подозрительно: чего это он появился на ночь глядя?

Матюхин почувствовал перемену настроения и, поерзав на нарах, тоже посерьезнел.

— Вот что, товарищи, интересуется меня... точнее, начальство... — на всякий случай оговорился он: может быть, и не подойдет этот взлобок для разведки. А если подойдет, так пусть до поры до времени не все догадываются об этом. Такое уж дело разведка — знать о ней следует после того, как она свершилась. — ...Интересуют нас ваши цели.

— Они на отчетных картах, — строптиво ответил комбат.

— Для вас, артиллеристов, главное, чтобы цель сидела на месте, чтоб ее координаты были установлены, а еще лучше, чтоб она была уже пристреляна. А кто живет на этой цели, по каким правилам и порядкам — вам все равно. Снаряд разбираться не будет.

— Это верно — снаряд, как почтальон: важно номер дома отыскать, а кто привет получит, не важно.

Артиллеристы сдержанно улыбнулись комбатовской шутке.

— Вот именно. А нам важно, кто получит этот привет, в какое время и почему — словом, подробности. Кто тут у вас самый важный адресат?

Артиллеристы переглянулись. Комбат рывком раскрыл планшет с картой, ткнул пальцем в условный значок, примостившийся там, где теснились коричневые линии:

— Вот, НП артиллеристов. Наши снаряды его не берут: по-видимому, толстенная земляная подушка на бетонных или рельсовых накатах. Прямой наводкой тоже не возьмешь: наши огневые много ниже — угол встречи получается... невыгодным. Как только в нашей обороне что-нибудь не так, они все видят и сейчас же начинают... сабантуй.

— Режим работы?

— Ночью, по нашим наблюдениям, только двое дежурных — видимо, разведчик и связист, днем — солидная контора, как правило, во главе с офицером.

— Точно?

— Разумеется! У них из НП идут два хода сообщения. Один — в сторону ложины и там пропадает, другой — мимо сортира в тыл. Нам видно, как иногда над брустверами мелькают офицерские фуражки. У них же тульи высоченные! Еще что?.. Обед им приносят. Расходятся с НП в сумерках. Так что вам, разведчикам, их не взять.

— Понятно, — кивнул Андрей. — А еще какие достопримечательные цели нащупали?

— Как сказать... Стандарт. — Комбат стал тыкать в карту. — Вот здесь, здесь и здесь — пулеметы. Огневые точки. Вот эти две примечательны — «крабы». Ходы сообщения к ним прямо от жилых землянок. Они вот здесь и здесь. Это — дзоты, ну а остальное — врезные ячейки для автоматчиков. Всего на высотке сидит около роты. Резервы — дальше. Так что в случае опасности здесь может осесть до батальона.

Что ж, сведения точные. То же самое Андрей видел и на картах общевойсковых командиров. А ему требовались детали, мелочи.

— Как по-вашему, подступы к высоте минированы?

— Не думаю.

На НП опять прогудел трубный бас санинструктора:

— Разрешите, товарищ старший лейтенант?

— Разрешаю.

— Там, под высоткой, землянки есть...

— Знаю, — отмахнулся комбат.

Но санинструктор, словно не заметив этого, продолжал:

— ...а в них лиса живет. — Все на НП заулыбались. — Фрицы остатки с котелков стали выбрасывать прямо за брустверы. И конечно, это... туда мыши наладились... Лиса за ими... Мышкует.

— Может, она обходит мины? У нее же нюх.

— Нюх нюхом... а только в лощинах, где мины понапиханы, лиса не мышкует — чувствует взрывчатку и опасается.

— Резонно. Как же ее фрицы не срезали?

— Она это, она перед рассветом лазит...

— А как же вы тогда ее видите? — почему-то рассердился комбат. Видно, он запоздало обиделся на то, что от него утаили такую достопримечательность.

— Солнышко с востока поднимается... Нам виднее... А фашистам тоже... это... завлекательно. Все ж таки война, а оно живое...

И опять напоминание о том, что гитлеровцы — люди, сменило настрой. О них говорили не строгим языком военных терминов, полным ненависти и презрения, которым говорили о противнике, а обыкновенными, расхожими словами. Над ними посмеивались, им удивлялись, их пытались разгадать. Матюхин молчал и слушал. Артиллеристы подтверждали его наблюдения и подбрасывали крохотные детальки, черточки, необходимые для понимания не какого-то всеобъемлющего противника, а вот этого, конкретного, что стоял перед ним.

А у него и в самом деле имелись ни на что не похожие странности. На рассвете в одной из землянок кричал петух. Может, шутник солдат, а может, настоящий петух. В субботу солдаты напились и пели песни, в каждой землянке — свою. В той, что была ближе к артиллерийскому НП, — печальные, в других — веселые и бодро-деревянные. В субботу солдаты ходили не только по траншеям и ходам сообщения, но и поверху.

— Надоедает, как кротам, в земле жить, хочется размяться.

Матюхин немедленно засек эти маршруты — значит, там мин нет. Он слушал и все отмечал.

Полночи он простоял рядом с дежурным разведчиком и при свете ракет следил за обороной противника. Этот крутой взлобок, кажется, был как раз тем участком, который он и его начальники искали...

Матюхин вернулся в свою землянку перед рассветом и приказал дневальному не будить по подъему. Но его поднял капитан Маракуша: лейтенант Матюхин вечером не доложил о событиях дня и не явился на утренний развод.

Сонный Матюхин откинул плащ-палатку с шинелью, потянулся к гимнастерке, увидел поигрывающего желваками капитана и вдруг сразу, как при озарении, понял, что у него созрел конкретный план предстоящего поиска.

Ночью он колебался, перебирал десятки вариантов и ни в одном из них не был уверен. Сегодня он знал, чувствовал: есть лишь один вариант, и он может обосновать его. Больше того, он уже представлял себе не только место поиска, не только действия разведчиков, но и поддерживающие и приданные средства и людей. Как это получилось и могло ли такое получиться во сне, он не знал и знать не хотел. Просто произошло то, воистину чудесное, великое таинство творчества, секретов которого люди все еще не могут разгадать.

— Простите, товарищ капитан, не хотел вас будить ночью, потому не доложил о новом варианте поиска. Кажется, окончательном.

Маракуша переступил с ноги на ногу. Каков нахал! Вместо того чтобы оправдываться, он еще и заботу о своем начальнике проявляет и при этом сам же определяет окончательность решения. Мальчишка! Он всего лишь исполнитель! А руководители поиска — люди и постарше и поопытней. Они, и только они, примут окончательное решение и проведут его в жизнь, если... если утвердит начальство. А у этого все, видите ли, готово!

Очень захотелось крикнуть: «Встать! Доложить по форме!» — ведь лейтенант даже не пытается одеться, сидит себе на нарах и смотрит ясными глазами, в которых яет и тени сомнения в том, что капитан все поймет, все примет на веру.

— Извините, товарищ капитан, — спохватился Матюхин. — Я сейчас, сию минутку.

«Раньше об этом нужно думать. Увидел старшего — вскочи и стой как штык, не прохлаждайся. Распустил я тебя, ох распустил. Ну ничего! Я тебя еще подтяну, научу дисциплине и уважению старших!»

Капитан Маракуша молча злился, и все сильнее и грознее набухали его желваки. Матюхин взглянул на него и, кажется, испугался: капитан был чересчур хмур.

«Вероятно, мои что-нибудь натворили», — подумал Андрей и улыбнулся жалко, заискивающе, как когда-то в курсантские дни улыбался строгому старшине, когда тот ловил на каком-нибудь проступке.

Все, что копилось на душе у капитана Маракуши, сразу вспыхнуло, освещенное этой мальчишеской улыбкой, вспыхнуло — и сгорело. И вместо того чтобы распечь нерадивого и неаккуратного подчиненного, Маракуша в душе махнул на все рукой и ворчливо сказал:

— Ладно, ладно... Лежи. — И, к собственному удивлению, присел на нары в ногах у лейтенанта. — Что ты там выдумал?

Торопливо, разбрасывая снаряжение, Андрей выпростал планшетку, достал карту и свои схемы.

— Место поиска — вот этот взлобок.

— Круче не нашел?

— Под ним есть землянки, — не обращая внимания на реплику капитана, озаренный внутренней ясностью, заторопился Андрей, — фашисты в них не бывают. Там лисица живет. Она мышкует у брустверов, — значит, мин нет. Выдвигаемся затемно, ждем до после обеда, броском врываемся в траншею и скатываем пленного вниз.

Маракуша отметил торопливую нелогичность фраз, но не разозлился, а усмехнулся:

— Они ж одереveneют от холода — полдня ждать.

— Надо взять плащ-палатку с лямками. Днем будут греться под ней, а потом на ней потащат пленного. Возможно, на обратном пути их заметят. Значит, в ночь перед поиском саперам следует вырыть вот здесь промежуточный окоп, чтобы спрятаться. А вот здесь есть окопы боевого охранения. Самое опасное — вот этот НП артиллеристов. Его нужно обезвредить...

— Артиллерию на прямую наводку?

— Исключено. Нацелить на него снайперов. Вообще, главное обеспечение — снайперское. День ведь будет. День! Снайперы ослепят НП. Потом — при нужде — артналеты на взлобок и на лоцину. Там стоят наши артиллеристы, у них все пристреляно.

— Приданные гаубичники?! Кто ж их даст?

— Приезжал подполковник Лебедев. Пусть договорится. Важно не спугнуть.

— Ну-ка дай-ка твои цидульки.

Капитан отобрал схемы и заметки Андрея. Сидеть на нарах боком Маракуше стало неудобно, он развернулся и лег на живот. Андрей торопливо натянул гимнастерку, искоса, нетерпеливо и опасливо наблюдая за капитаном, не выдержал, прилег рядом. Так они лежали на нарах, исследуя варианты, уточняя их, прикидывая возможные неприятности, которые могут возникнуть в таком новом для них деле.

— Ну что ж,— решил под конец Маракуша. — На бумаге все верно. Доложу, а там поглядим... Готовь своих.

10

Командарм вызвал к себе полковника Петрова и подполковника Лебедева сразу же после возвращения из штаба фронта. Он коротко ответил на приветствие и кивком пригласил сесть за стол, накрытый картой и заваленный грудой аэроснимков.

— Я посмотрел на ваш план дезинформации противника, подполковник. Указания командующему артиллерией даны. Как с поисками?

— Пока ничего, — поднялся Лебедев.

— Ваша основная задача — обеспечить «языка». Как можно скорее. Я не снимаю с вас контроль за проведением дезинформации. Вся артиллерия, привлекаемая по вашему плану, будет поддерживать дневной поиск. Учтите это и проследите за планированием. Как видите, задачи совместимы. Вопросы есть?

— Никак нет.

— Тогда у меня все. Вы свободны. — Лебедев круто повернулся и ушел. Командарм посмотрел на полковника Петрова: — Для вас, полковник. Комфронта считает, что главная причина неудач наших северных соседей не только в резервах противника, но и... в плохой работе нашей артиллерии, чего за ней никогда ранее не замечалось. А возможно, и... нечто неучтенное в тактике противника. Трижды пехота вслед за танками врывалась в первые и во вторые траншеи противника. Трижды! Прямых попаданий в эти траншеи масса, а трупов... почти нет.

— Значит, противник отводит войска в укрытие,— поерзал на стуле полковник Петров.— Прием известный.

— Верно. Где эти укрытия? Вот в чем вопрос. Потому что, как только наша пехота начинает приближаться

к гребню высоты или хотя бы закрепляться в занятых траншеях, немедленно следуют мощнейшие и точнейшие огневые налеты и контратаки из глубины. Из глубины! С обратных скатов, через гребень высоты. И сразу — контратака. И пехота не выдерживает. Вы что-нибудь раскопали?

— К сожалению, ничего. Или почти ничего, товарищ генерал, — потушился Петров. — Есть два факта, по-моему, заслуживающих внимания. Первый. Лебедев, со слов командира взвода разведки лейтенанта Матюхина...

— Это какой Матюхин? Мастер по тылам?

— Да. Сейчас он готовит дневной поиск. Так вот, Матюхин убедил Лебедева, что против них сменились части противника...

Полковник пересказал все приметы этой смены.

— Ну что ж... — вздохнул командарм. — Вот и объяснение появления резервов противника на северном участке обороны. Но нужны подтверждения. Еще что?

— Лебедев установил хороший контакт с авиаторами, я побывал у них и запасся старыми снимками: они работали там перед началом наступления. Никаких особых убежищ не обнаружил. Есть отсечные позиции, огневые и прочие. Я прикинул: чтобы добежать от них хотя бы до вторых траншей да еще перевалить через гребень высоты... не хватит времени. Вы говорите, что противник не просто возвращается, он контратакует после артналетов. Это меняет дело.

— В том-то и дело! — оживился командарм и похлопал пухлой рукой по аэроснимкам. — Я тоже искал эти укрытия и... не находил. А дело, видимо, в них... Решим так: Лебедев занимается поиском, а вы обсудите вопрос с летунами, надо заново рассмотреть позиции противника.

Полковник Петров, даже не взглянув на командарма, понял: он уже начал подготовку к наступлению, уже думает о предстоящей тактике. Ведь если она сменилась у противника, значит, надо менять и свою, привычную. А это пелегко. Очень нелегко.

Подполковник Лебедев завтракал у командира дивизии и рассказывал ему о задании командарма. Он договорился с приданными, поддерживающими и резервными частями, куда выдвинуть артиллерию и как ее замаскировать,

где оборудовать ложные огневые, где проложить временные дороги и отрыть ложные землянки и капониры.

Саперы принялись за дело — срочно сооружались макеты пушек и автомашин, трассировались окопы и ровники. Уже собираясь к разведчикам, Лебедев неожиданно встретился с подполковником Кашириным. Пожимая руку, тот осведомился:

— Где пропадаете? Гоняюсь за вами, как...

Не окончив фразу, он увлек Лебедева в сторону. Смуглый, темноглазый, подтянутый, он показался Лебедеву чем-то расстроенным.

— Что-нибудь случилось?

— Нет. Устал, — усмехнулся Каширин. — Давно мы с вами не рассуждали...

— Закончу одно дельце и...

— Кстати, о дельце. Командарм приказал связаться с вами и обеспечить тылы. Усилить, так сказать, бдительность. Когда начинаете?

— Просьба такая: до завтрашнего утра ничего не трогать. А вот завтра, с утра пораньше, обеспечивайте тылы бдительностью.

— Что так?

Пришлось раскрыть карты, рассказать о замысле поиска и обо всем, что с ним связывалось. Каширин нахмурился:

— Поздно сказали... Ну хорошо. За ночь кое-что подготовлю. Но тогда ни завтра, ни послезавтра мы не встретимся...

— Живы будем — не помрем, а не помрем — так все обсудим. Есть идеи и соображения...

Они расстались. Лебедев поехал к разведчикам. Странно, на сей раз он не тревожился о подготовке поиска. И Маракуша, и Матюхин были достаточно проверенными офицерами. Вмешиваться в их дела не стоило, а вовремя помочь, может быть, и нужно.

Поиск назывался дневным, а все делалось ночью. Ночью на заранее облюбованные позиции вышли лучшие снайперы дивизии, ночью саперы проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях, отрыли окопчики — промежуточные убежища. Но о главном, что произошло этой ночью, в дивизии, пожалуй, не знали. При-

данные, поддерживающие и резервные части выводили на временные огневые позиции десятки батарей. Рядом с пушками и гаубицами катились макеты — такие же пушки и гаубицы, только из бревен и досок. Все это неторопливо и почти бесшумно — сырой, пронзительный ветер тянул с запада — располагалось так, чтобы быть и как бы замаскированным, и в то же время заметным для противника.

Только объехав тылы дивизии и убедившись, что события развиваются так, как и намечалось, подполковник Лебедев приехал в разведроту, наскоро поужинал, с удовольствием выпил водки и предложил старшему лейтенанту Сладкову поговорить с группой захвата.

— Не стоит, — возразил Сладков. — Пусть выспятся.

— Неужели спят? — удивился Лебедев. Сам он жил в эти дни на нервном взлете — деятельном и веселом. — Это отлично! Тогда собирайтесь, поедем вместе.

— Не могу, товарищ подполковник. По графику буду выдвигаться вместе с группами огневого прикрывтия.

— Ага, отлично.

Лебедев уехал, понимая, что все организовано так, что ему, в сущности, делать нечего. Что ж, вероятно, в этом и состоит искусство штабного офицера — организовать дело так, чтобы оно двигалось без него, а ему оставалось только контролировать.

Командир дивизии не спал. Поиск поиском, а у командира и кроме него дел хватает, и все они скапливаются к вечеру, а главное, в такой обстановке ночью следует быть особенно бдительным. И хотя совершенно непонятно, почему командиру дивизии следует бодрствовать ночью — его же в любую минуту могут разбудить, — он, как и многие другие, все-таки не спал. И Лебедев, доложив ему о выдвигании батарей и макетов, уехал.

Капитана Маракушу Лебедев нашел в землянке командира роты, на участке которой развертывался поиск. Капитан спал, укрывшись шинелью. «Ну и ну... — подумал Лебедев, — не слишком ли все спокойно?»

В землянку вошел боец с охапкой дров. Лебедев узнал, что капитан вернулся час назад и приказал разбудить его в пять утра.

Что ж, и здесь порядок. Подполковник тоже решил соснуть. Он прошел в землянку комбата, расслабил ремни, распределил по сторонам полевую сумку с планшеткой и кобуру и устроился на пустующем топчане.

Лейтенант Матюхин первое время ходил вместе с капитаном Маракушей. Они вдвоем уточняли цели для артиллерии и минометов, вдвоем разговаривали со снайперами и саперами. Все шло так, как было задумано, все знали свои обязанности и, главное, выполняли их точно и в срок. Капитан успокоился, а Матюхину не спалось, и он вместе с сержантом-сапером слазил за передний край и проверил, как отрыты окопчики. И окопчики были выкопаны в срок и тщательно замаскированы. Ну решительно все складывалось как нельзя лучше, а покоя на сердце не было.

Матюхин вернулся на НП гаубичников. Там все спали, только дежурный разведчик топил печь, изредка поглядывая в амбразуру.

Передовая жила обычной жизнью. Постреливали пулеметы, степенно взлетали осветительные ракеты. С немецкой стороны доносился приглушенный рокот автомобиля, а однажды, будто совсем рядом, раздалось ржание застоявшегося жеребца.

Матюхин вскочил с нар и бросился к амбразуре: не начнут ли немцы? Но в лицо ударил влажный, густой ветер, и Андрей отметил: все правильно — и ветер с запада, и воздух влажный, значит, звуки распространяются быстрее и яснее. Хоть бы дождя не было...

— Да вы поспите, товарищ лейтенант, — предложил дежурный. — Или вон чайком побалуйте — свежий заварю.

Матюхин пил густой, терпкий чай и все думал, прикидывал. Все казалось правильным, но на душе не становилось легче.

Группа захвата — свежевыбритый до синевы, с тонкими щегольскими усиками Закридзе, сумрачный и решительный Сутоцкий и маленький скромный Шарафутдинов в стеганках и маскировочных костюмах заглянули на НП около пяти часов. Матюхин, еле сдерживая волнение, спросил:

— Все в порядке?

— Так точно, — вытянулся Шарафутдинов. — Группы прикрытия пошли на места вместе с старшим лейтенантом Сладковым.

— Что ж, присядем на дорожку, — сказал Андрей и уселся на осклизлый отвал хода сообщения.

Усаживаясь рядом, Николай Сутоцкий шепнул:

— Психуешь? — В его голосе почудились насмешка и сострадание.

— Да, — поспешно согласился Матюхин. — Психую.

— А взвод не психует. Как же насчет «я-взвод»?

Запомнил Николай ночной разговор, запомнил и — выдал. Матюхин несколько секунд молчал, потом с грустью ответил:

— Вот, наверное, потому и психую, что я как без дела. Все при деле, а я — в стороне.

— Правильно, — серьезно сказал Сутоцкий и стал скручивать сигарку. — Все эти дни я думал над твоими словами, а сейчас, пока шел сюда, прикидывал: наверное, Андрею небо с овчинку кажется.

— Хуже нет, когда без дела, — посочувствовал Закридзе, потянулся было к табаку Сутоцкого, но отдернул руку. — Нет. Вернусь — закурю. Сейчас дыхание берегу.

Шарафутдинов только вздохнул и с придыханием спросил:

— Товарищ лейтенант, товарища капитана будить будем?

Они пошли к Маракуше, который уже пил чай и обзванивал артиллеристов и соседние батальоны. Увидев Матюхина, спросил:

— Группы прикрытия прибыли?

— Так точно, — опять старательно вытянулся Шарафутдинов. — Пошли с замполитом.

— Ладно... — Маракуша отложил трубку. — Вопросы есть?

— Нет, — отрезал Закридзе.

Остальные только помотали головами.

— Может быть, неясности?

— Никак нет! — вскочил Шарафутдинов.

— Ладно, сиди. — Маракуша потер лицо и, сцепив пальцы, потянулся. — Ну что я вам скажу? Красивые слова? Вы их сами знаете... — Он встал, подошел к Шарафутдинову и, когда тот вскочил, обнял, потряс за плечи. Встали и остальные, и капитан так потряс каждого, заглянул в глаза и вдруг вытянулся по стойке «смирно». — Слушай приказ. Группе сержанта Шарафутдинова в составе разведчиков старшины Сутоцкого и рядового Закридзе днем проникнуть в расположение противника и захватить контрольного пленного. Лейтенанту Матюхину обеспечить выдвижение группы захвата на исходные для

броска рубежи и последующее прикрытие. Все! Выполняйте.

Разведчики круто, в строгой строевой четкости развернулись и по одному вышли из землянки. Прикорнувший в уголке телефонист смотрел на Маракушу удивленно и осуждающе: не так он представлял себе уход разведчиков за передний край. Не так. И Маракуша, уловив этот взгляд, вздохнул, потом сердито сказал:

— А ты что думал? С оркестром их провожать будем? Крути ручку, вызывай «Резеду».

14

Они собрались в траншее переднего края. Промозглый ветер крепчал, и Андрей Матюхин радовался этому — значит, не будет дождя. Но ветер постепенно выдувал жилое тепло, и по телу под стеганками стала прокатываться дрожь. Старший лейтенант Сладков подавил нервный зевок и спросил Матюхина:

— Не пора?

— Пожалуй, — кивнул Матюхин: ему и самому было невтерпех.

Из-за спин выдвинулся разведчик его взвода и протянул автомат.

— Диск полный, товарищ лейтенант. Затвор я протер. Гранаты и диски возьмете?

В роте, как это часто бывало у старых разведчиков, офицеры не имели постоянных ординарцев. Требовался — брали кого-нибудь из подчиненных. Все эти дни Андрей Матюхин ходил без автомата, и то, что о нем подумали, позаботились, тронуло его. Он торопливо подхватил автомат, потом приспособил на поясе сумку с запасным диском и гранаты. Конечно, он мог оставить этот дополнительный груз на разведчиках, но поступить так было бы не по-товарищески.

— Спасибо, — поблагодарил он и обратился к Сладкову: — Вы к капитану или на НП будете?

— Я пойду с ними, — кивнул Сладков на вторую группу прикрития.

Матюхин хотел возразить — ведь он уже назначил старшего, потренировался с группой, и негоже в разгар операции менять командира, боевой расчет, — но не успел.

— Отойдем, — предложил Сладков.

Они отошли. За их спинами прокатился шепоток. Его-то и боялся Андрей — терялось ощущение строго продуманной организации.

— Я пойду с ними, — сказал Сладков, — потому что так надо. И пойду рядовым бойцом. Как ты посылаешь Сутоцкого.

— Капитан знает?

— Нет. В данном случае я решаю сам. И ты пойми. Я недавно в роте...

— Это я понимаю, но ведь дело-то новое.

— Тем более! На новом человек и проверяется. Что бы ты сказал, если бы я не пошел?

Андрей промолчал. Ну что бы он сказал? Замполиту не обязательно ходить в поиск. Захотел — пошел, не захотел — остался на НП. И вдруг он понял, что ничего бы не сказал... В его душе свершился бы молчаливый приговор: замполит есть замполит... Многие у нас побывали... Не этот, так другой... А если Сладков пойдет, уже не промолчишь: либо похвалишь, либо, если ошибется, выразишь. В душе, конечно...

— Пожалуй, ты прав...

— Хорошо, что понял.

Они вернулись к группе, и Матюхин сказал:

— Старший лейтенант пойдет старшим левой группы обеспечения, — и, не задумываясь, пошутил: — Пусть сразу привыкает к нашей каше.

Разведчики негромко рассмеялись, и напряжение, которое почудилось Андрею в заспинном шепотке, как будто рассеялось. Подошли саперы-проводники.

— Вам идти не нужно. Дорогу знаю, — сказал Матюхин пожилому саперу-сержанту.

— Не ошибетесь, товарищ лейтенант? — степенно осведомился тот.

— Сколько раз ползали той дорожкой?

— Ну... раз.

— А я дважды. Идите курите. Сладков, договаривайтесь со своим проводником — и на исходные.

Они разошлись. Метров через сто Андрей увидел знакомый окопчик и приказал:

— Проверить снаряжение. Ножи на месте?

Сейчас он был совершенно спокоен, даже весел. Ничего от того неясного, что грызло весь вечер и ночь, не осталось. Он был уверен в успехе, быстр в движениях и даже улыбчив. Его настроение сразу передалось бойцам,

Когда бруствер перевалил Сутоцкий, Матюхин прошептал:

— Ну, тронулись лошадки в путь...

Кто-то перевел дыхание, чтоб не засмеяться — в роте все знали присказку Николая Сутоцкого, которую он произносил каждый раз, когда получал наркомовские: тронулись лошадки в путь, добегут — и им нальют.

15

Капитан Маракуша ждал подполковника Лебедева — утром ему доложили, что подполковник заходил в землянку и не велел будить. Ждал, но не дождался. Лебедев уехал в штаб дивизии, так и не проводив разведчиков. Такого еще не бывало... И вообще... Поиск начался, и поиска в сущности нет.

Маракуша прошел на НП гаубичников. Ночной плотный ветер почти стих, небо поднялось, и крутые взлобки, на которых пролегла немецкая оборона, казались мягкими, задумчивыми.

Там раздавался смех, звучала губная гармошка, иногда слышались выстрелы — прочищалось оружие: ветер дул с запада.

Капитан разыскал окопы, в которых затаились группы прикрытия, — в них никто не шевелился. Зато в дверях крайней землянки под самым взлобком висела белая тряпка — сигнал, что группа захвата на месте и ждет команды начать действия. Команда прозвучит нескоро — нужно дождаться, когда противник начнет обедать.

Делать было решительно нечего. Маракуша дозвонился до майора Зайцева на НП дивизии. Там оказался Лебедев, который взял трубку, поздравил с первым полууспехом и весело добавил:

— Ты не обижайся, капитан, что не проводил ребят. Просто у вас все здорово срепетировано, а я мог нечаянно вмешаться и...

Он, конечно, прав. И все-таки... Все-таки что-то идет не так. Лучше б не приезжал вовсе, чем, приехав, не проводил.

Чем дольше капитан Маракуша следил за обороной, за своими разведчиками, за снайперами, тем тревожнее, неспокойнее становилось у него на сердце — все время казалось, что что-то упущено, что-то сделано не так, как требуется.

Возле старых окопов боевого охранения Матюхин отполз в сторону. Вперед двинулся Шарафутдинов, и Андрей хлопнул его по плечу. Гафур быстро оглянулся, в отсветах далеких ракет хищно блеснули его ровные крепкие зубы. Он не улыбался. Он скалился.

Потом пополз Закридзе — легко, гибко. Его большое, мощное тело, казалось, плыло по задубевшему бурьяну, и, когда Матюхин коснулся его плеча, он приветственно приподнял руку, но темп движения не снизил. Сутоцкий приостановился и шепнул:

— Не психуй... — и пополз в темень.

Сутоцкий оказался единственным, кого Матюхин не тронул за плечо. И вот теперь, привалившись к сырой глине окна, он жалел об этом. Но мысли становились стертыми и вялыми. Сам того не замечая, Матюхин задремал.

Поначалу Шарафутдинов подполз к средней землянке, но сейчас же принял влево: из средней несло псиной. Значит, там находилась лисья нора. Крайняя землянка покосилась, из накатов вывалились бревна, в ней пахло пчелью и смолкой. Они на ощупь отыскивали сухое место, расстелили плащ-палатку. Потом Шарафутдинов выставил белую тряпочку-сигнал и лег с края. Повозился, устраиваясь, подумал и сказал:

— Можете спать.

Но — не спалось. Сутоцкий и Закридзе свернули по толстой сигарке, накрылись второй плащ-палаткой и закурили. Говорить не хотелось — все слушали. Ветер носил далекие выстрелы, шорох бурьяна, иногда неясное бормотание немцев.

Внезапно бурьян зашуршал совсем близко. Всем им показалось, что они слышат чье-то частое, напряженное дыхание. Мелькнула тень, алыми, жестокими огоньками блеснули два глаза, и разведчики, разом обмякнув, поняли: прошла лисица. Она возвращалась откуда-то сверху.

— Хорошо, — шепнул Закридзе.

— Да, — выдохнул Гафур. — Все правильно. Двигать вверх нужно будет по ее тропке.

Они опять надолго замолчали.

Светало. Осенний день занимался неспешно, натужно. Вот проступили пол, стены землянки, а потом уж и по-

толок. Теперь можно было рассматривать бревна и подсохшие, отслаивающиеся пластинки глины.

Из легкой дымки вырисовалась полого уходящая вдаль своя оборона, и Шарафутдинов старался разгадать, где сейчас лейтенант, а где Сладков. Закридзе видел только дальние увалы, занятые соседним полком, и отмечал, что замаскирована его оборона вполне прилично — ни одного лишнего пятнышка.

Они слышали, как противник стал покидать траншеи, как облегченно смеялись солдаты.

В землянке стало светло и розово — взошло солнце. Свет падал на притолоку, на стену, и чешуйки глины золотились. Тени были стертыми, и потому трещины на бревне притолоки почти не меняли своего цвета, походили на скальные трещины — темные, таящиеся. Закридзе думал о Кавказе, о близких и, пожалуй, больше всего о том немце, с которым ему предстоит встретиться. Он примеривался к нему, неизвестному, со всех сторон, пробовал на нем разные приемы и прикидывал, как будет тащить его. Думая об этом, отгоняя эти мысли и возвращаясь к ним, Закридзе все время шарил взглядом по притолоке, стене, далекому кусочку обороны.

Вероятно, он заметил это на заре, когда все кругом розовело, но ничего не понял, и уж потом, когда опять посерело, Закридзе все-таки осознал, что в полуметре над порогом, в притолоке, есть странная трещина — она явно прерывалась чем-то желтовато-белым. Отметив это, Закридзе стал думать о неизвестном немце, с которым придется встретиться и которого, может быть, придется убить, и от этого на душе становилось не слишком хорошо, а главное, сохли губы. Он облизывал их и опять смотрел на притолоку. Потом не выдержал и подполз к трещине: в ней торчала бумажка. Закридзе выковырял ее и развернул. Шарафутдинов покосился на него, на бумажку, а Сутоцкий проворчал:

— Только угрелись, а ты... дисциплину нарушаешь.

— Лейтенант Зусин-Матухин, — неожиданно прочел Гафур и растерянно огляделся.

Сутоцкий приподнялся, перегнулся, вырвал бумажку. Латинским шрифтом и почему-то под копирку кто-то вывел старательно и чисто то, что прочел Шарафутдинов: «Лейтенант Зусин-Матухин». А ниже была нарисована схема местности, испещренная тщательно выписанными условными знаками.

Закридзе налился кровью и, выпучив темно-карие глаза, яростно зашипел:

— Почему Матухин? Почему Зузин?

Бывшего командира взвода лейтенанта Зюзина, погибшего, точнее, пропавшего без вести во время разведки в тылу врага, знал только Сутоцкий. Остальные пришли в разведроту позже. Но поскольку лейтенант был всегда удачлив в разведке да к тому же слыл закадычным другом Матюхина, его помнили.

— Что такое, спрашиваю? —шипел Закридзе, и совершенно растерянный Сутоцкий не знал, что ответить.— Кто ему пишет? Почему?

— Подожди, —отмахнулся Николай.

— Чего ждать? — Закридзе обернулся к Шарафутдинову:— Матюхин был в плену? Был. Все знают. Мне говорили! Зюзин пропал? Пропал! Все знают! Почему им пишут фрицы?! Почему?!

— Не ори! —остановил его Гафур, хотя Закридзе не орал, а шипел. — Думать надо.

— Что думать? Ишак долго стоит и все думает! Что придумает —орать дурным голосом? Да? Вредительство! Надо назад идти. Предупреждать!

— Подожди, — тихо сказал Николай Сутоцкий, рассматривая бумажку. — Подожди.

— Зачем ждать?

Губы Шарафутдинова расплывались в улыбке-оскале, ровные зубы блестели остро и хищно. Он взял у Сутоцкого бумажку, придвинулся к двери, к свету, стал рассматривать. Маленькая смуглая рука его вздрагивала.

Закридзе следил за ним, а Сутоцкий, навалившись на плечи сержанта, рассматривал бумажку.

И вдруг линейки, значки стали оживать, накладываясь на нечто очень знакомое. Знакомое и опасное. Николай не успел сообразить, что это, потому что рассудительный и спокойный Шарафутдинов прошептал:

— Ребята, это немецкая оборона!

Действительно, перед ними была схема немецкой обороны. Той самой, которую они так тщательно изучали перед поиском. Она была иного масштаба, с неизвестными разведчикам подробностями и, главное, захватывала гораздо больший участок, чем они изучали.

— Почему здесь?

Шарафутдинов пожал плечами.

Понимая, что самое страшное подозрение миновало

дорогих ему людей, Николай Сутоцкий сказал первое, что пришло на ум:

— Кто-то оставил... Предупредил наших.

Но прямолинейная душа Закридзе была слишком глубоко ранена, чтобы он сразу отказался от своего предположения.

— Он дурак, да? В щелку запихал, да? Кто увидит? Над самым полом? А? Скажи?

Сутоцкий промолчал, а Шарафутдинов прищурился, перестал скалиться и внимательно посмотрел на трещину в притолоке.

— Это-то понятно... Некому было передать, вот и засунули туда, где умный может увидеть.

— Какой умный? Что, умный, как ишак, на четвереньках поползет, да?

Сутоцкий переглянулся с Шарафутдиновым, но промолчал. Закридзе шипел, задавая все новые отрывистые вопросы.

— Помолчи! — разозлился Гафур. — Дай подумать.

Они молчали. Закридзе возмущенно сопел. Наконец он не выдержал:

— Откуда ему знать Матюхина и Зюзина? Почему Матухин?

— У немцев нет буквы «ю», — устало ответил Шарафутдинов.

— Откуда знал его? Скажи.

— Не знаю.

— Не знаешь? Да? Не знаешь?!

— Чего ты взъелся? — вдруг рассердился Сутоцкий. — Не лейтенант немцу писал, а немец лейтенанту.

— Ну и что? Все равно!

— Ты как увидел записку?

— Как увидел? Лежал, думал и увидел.

— Все! Значит, умный человек писал ту записку и прятал. Потому что, если бы тот, кто в землянку зашел в рост, он ту записку не увидел бы, а кто в нее вползал, тот мог наткнуться. — Сутоцкий подумал, осмотрелся и добавил: — Особенно если бы стал выглядывать из землянки — она как раз на линии глаз. А кто будет ползти или выглядывать? Ясно — разведчики.

Закридзе еще раз осмотрел притолоку, буркнул:

— На деревню дедушке кто пишет?

— А если не было связи у человека? Задание выполнял, а передать сведения некому. Все же хоть что-то, а

придумал. И еще... Заметили, что записка написана под копирку?

— Ну и что?

— А то, что кто-то из наших друзей оставил ее, эту записку, здесь. А другие пытался... или пытается передать иным способом. Понял?

— Нет! Не говори так! Провокация это!

Потому что бунтующий, ослепленный Закридзе явно лез на рожон, потому что он подозревал в самом страшном близких людей, Сутоцкий зло одернул его:

— Заткнись! Думать нужно.

— Предупреждать нужно!

Шарафутдинов втиснулся между ними, выпростал автомат, приказал:

— Тихо! Старший — я. Я и решу. — Он помолчал, ожидая, пока улягутся страсти, распорядился: — Ложись отдыхай!

Сутоцкий постепенно успокаивался и мучительно гадал, как могли немцы узнать фамилии его командиров. Зюзина — понятно. Ну попал в плен, ну выжали из него... А Матюхин? Два раза ходил он с Андреем в тыл врага, два раза они оба проверялись на крепость, и на любом суде он скажет: Матюхин ни разу не отлучался от него, ни разу не встречался с немцами.

Но память подсказала: встречался!

Сутоцкий сразу вспотел, расстегнул ворот гимнастерки под стеганкой и масккостюмом, вытер пот с шеи и со лба и устало произнес:

— Я вспомнил, откуда немцы знают эти фамилии. — Шарафутдинов молча обернулся к нему. Закридзе иронически усмехнулся. — В первом поиске мы с лейтенантом взяли связиста. Когда я хотел его кончить, Андрей — он тогда рядовым был — не разрешил.

— А ты кем был?

— Я? Сержантом.

— Ты — сержант, он — рядовой. Он не разрешает, ты слушаешь! — затряс головой Закридзе, разводя руками. — Очень хорошо.

— Так получилось... Андрей немецкий знает, я — нет. И вообще. Он оказался... крепче.

— Прекратить болтовню! — разозлился Шарафутдинов. — Время есть, рассказывайте, старшина!

И Сутоцкий рассказал, как они пробирались в тыл врага, как верили, что кто-нибудь из их группы все-таки

остался в живых, как оглушили немца, как Андрей взял с него расписку работать на Красную Армию против захватчиков родины Курта — он даже фамилию его вспомнил: Штильмайер.

— Взял расписку и приказал ссылаться на Зюзина или Матюхина. Вот... Вот этот Курт и написал...

— Какой умный Курт! Связист, а всю оборону знает! — взорвался Закридзе.

Сутоцкий помолчал, потом сознался:

— Верно, странно, тем более что Курт — крестьянин, а схема... толковая.

— Вот! — Закридзе ткнул его пальцем в грудь.

— Я думаю, что Штильмайер...

— А я думаю, — перебил Сутоцкого Шарафутдинов, — если была расписка, то настоящий немец...

— Курт — австриец... — буркнул Сутоцкий: на него действовал яростно горящий взгляд Закридзе, и он начал верить, что дело с запиской, пожалуй, не совсем чисто.

Закридзе только усмехнулся, многозначительно и с презрением. Шарафутдинов молча изучал записку.

— Что будем делать? — спросил Сутоцкий.

Ему не ответили. Холодало. Потянуло псиной. Шарафутдинов посмотрел на часы, словно засекая поворот событий, и сказал:

— Ерунда все.

— Что ерунда? — осведомился Сутоцкий.

— То, что Закридзе болтал, а ты поверил.

— Я... не поверил.

— Почему — ерунда? — спросил Закридзе.

— Потому что в схеме есть то, чего у нас на карте не было. Значит, схема правильная. А если правильная, выходит, человек, ее писавший, рисковал головой. Понятно?

— Не понимаю... — возмутился, но уже не так яростно Закридзе.

— А ты думай! Что ты знаешь о разведке? — Шарафутдинов говорил спокойно, с чувством превосходства. — «Провокация!» — передразнил он. — Я с Матюхиным лазил и видел, какой он.

Закридзе уже набрал воздуха для очередного взрыва, но смолчал.

— Вот на что смотреть надо. — Шарафутдинов потряс схемой. — Видишь, вот тут у них командный пункт и ход

сообщения к нему — крытый... Вот почему никто из наших наблюдателей его не обнаружил. И еще, я думаю, потому, что этот командный пункт как бы запасной, он почти не используется.

— За всех решаешь? — съязвил Закридзе.

— Схемы нужно уметь читать. Учись! Сколько траншей на взлобке, Закридзе?

— Ну... две.

— А здесь, видишь, три. Третья — крытая. Вот мы ее и не видели. Схема — верная. И австриец тот — верный.

Сутоцкий с недоумением смотрел на Шарафутдинова, слушал его властный голос и удивлялся: когда и как он стал таким? Как он просмотрел рождение настоящего разведчика и командира? И властность, и умение взять инициативу в свои руки, и, главное, ум.

— Как у тебя все правильно!

— А почему обязательно должно быть неправильно? Вот тебе про сортир говорили. Что говорили?

— Что ты пристал?

— Сортир перенесли прибывшие части. Почему? А потому, что стоял он за командным пунктом, а ветер все время был западный. Надувало. Те, что строили оборону, думали: хорошо, офицерам недалеко бегать. А эти чувствуют себя временными, подменными. Им лишь бы сейчас удобно. Понял? Вот они и построили новый, поближе, на линии КП. Значит, командный пункт действует. Это главное, что нам нужно понять. И еще. Видишь, здесь и здесь — пулеметы и дзот. Зачем? А затем, чтобы прикрыть КП огнем. И заметь, на наших схемах они тоже не показаны. Почему? А потому, что у них своя задача — прикрыть КП. Вот они и молчат. А раз молчат — не засечешь. Ход к ним тоже крытый. Вот и запомните...

— Послушай, сержант... — начал было Закридзе, но Шарафутдинов оборвал его:

— Прекратите болтать, рядовой Закридзе! Я отдал приказ, а его не обсуждают! Запоминайте схему. А потом, Закридзе, засунете записку на старое место.

— Почему? Зачем? — вскинулся Закридзе.

— Потому что, если ее возьмет кто-нибудь один, он... будет уверен, что вернется? А если вернется хоть один, он доложит, и записку достанут. А если никто не вернется... все равно кто-нибудь из наших найдет — мы дорожку показали.

Все было правильно, все логично. Закридзе понимал

это, но он не был бы самим собой — честным, горячим и прямолинейным парнем, — если бы не верил свято во все то, чему его учили. Потому он с вызовом сказал:

— Хорошо! Но я все равно доложу.

— Я же сказал, доложит каждый. А сейчас запомните схему. Может пригодиться.

Сутоцкий рассматривал схему и думал о своем: как же так получилось, что он внутренне сдался? Может, он трус? Нет, нарочно проверял себя — не трус. А вот здесь, когда решалась судьба людей, которых он знал, которых уважал, несмотря на минутные вспышки злобы, на ревность, он в этих людях все-таки усомнился. Почему? Почему Шарафутдинов взял все в свои руки? Разве он не мог сделать то же самое? Мог! А не сумел. Почему?

Он долго продирался сквозь смутные мысли, догадки, воспоминания и медленно, очень медленно пришел к выводу: Шарафутдинов в эти минуты думал не о себе, даже не об офицерах — он думал о деле, которое ему поручили. Для него дело было главным. Он выполнял приказ и решительно отбрасывал все, что могло помешать его выполнению. Наверное, он тоже чувствовал себя не просто сержантом Шарафутдиновым, а Шарафутдиновым-поисковой группой захвата. Не в единственном числе, а всей группой сразу.

17

Передовая жила все так же тихо и спокойно, если есть на войне покой. На нашей стороне велись земляные работы, дежурные пулеметчики и стрелки иногда постреливали, наблюдатели наблюдали, но большинство солдат спали.

На немецкой стороне работ не велось: оборона была подготовлена заранее, повреждений еще не успела получить, а улучшать ее не имело прямого смысла, и, пожалуй, всем было просто лень. Поскольку после полудня пошел северо-восточный гулкий и сухой ветер, стало прохладнее, над землянками обеих сторон закурчавились дымки. Конечно, наблюдатели поначалу попытались засечь по этим дымкам землянки, но ветер разгонял дым, и он стлался почти по земле — верный признак перемены погоды.

Передовая привыкла, что разведчики действуют только ночью. Даже те, кто знал о поиске, устали ждать его

результатов и занялись своими неотложными делами — сидеть в бездействии на передовой не умели.

Капитан Маракуша видел это и злился, но постепенно и он затих. Что он мог сделать? Ординарец принес ему обед, но есть не хотелось. Он выпил бы водки, чтобы вывести себя из этого состояния, но водки он не пил. И тут на НП полка, где сидел Маракуша, пришел подполковник Лебедев. Начинающийся морозец разрумянил его щеки, карие глаза блестели.

— Здорово, капитан! Есть кое-какие изменения. Ты что сидишь, как сыч? Изменения, говорю, есть.

— Слушаю...

— Отход разведчиков будем прикрывать артиллерией из глубины.

— Она же не пристрелялась! По своим не ударят?

— Бить будет по площади... Так что не удивляйся. У тебя изменений нет?

— Нет...

— Тогда жди, а я к комдиву.

Он ушел, а Маракуша выругался. Если бы во время болезни Лебедева он не подменял его в штабе армии и не прикоснулся к штабной работе, то наверняка сейчас разозлился бы на него. И все же он рассердился, только не на подполковника, а вообще на все на свете: ожидание слишком затянулось.

Наблюдатель доложил Маракуше, что, по-видимому, противнику привезли обед — в его ближнем тылу замечено мелькание пилоток. На передовой немцы ходили только в касках.

«Даже ветер сменился, — злился Маракуша, — и не услышишь ничего».

Такие же доклады стали поступать и с боковых наблюдательных пунктов, и от пехоты. Все работали четко. Ни к чему не придиришься, а недовольство оставалось.

Вот наконец наблюдатели сообщили, что движение в тылу противника прекратилось, соседи видели, как уехали полевые кухни. Маракуша приказал дать сигнал «готовиться». В стороне от взлобка ударил крупнокалиберный пулемет. Ленивые на излете трассы его очередей перелетали немецкую передовую и вгрызались в землю возле одного из немецких дзотов. Минуты через три дзот ответил двумя очередями — и все смолкло. Так было много дней подряд, и никогда никого эта перестрелка не удивляла. Не удивила и сейчас.

Шарафутдинов протянул Закридзе схему и приказал:
— Спрячь, как было. Приготовились.

Пока Закридзе свертывал бумажку, пока запихивал ее в трещину притолоки, Шарафутдинов и Сутоцкий поднялись в рост, сделали несколько приседаний и осмотрели друг друга. Потом надвинули капюшоны маскировочных курток, подождали, пока приведет себя в порядок Закридзе, и встали у дверей землянки. Противник не мог их видеть, а с нашей передовой их видели только наблюдатели и разведчики, потому что все остальные занимались своими делами.

Время тянулось медленно. Шарафутдинов несколько раз смотрел на часы и не выдержал напряженного молчания.

— Еще раз напоминаю: не забывайте о командном пункте и закрытом ходе сообщения. Если придется врываться в землянку, я падаю и веду огонь понизу, а ты, Закридзе?

— С руки.

— Сутоцкий?

— Готовлю гранаты и делаю бросок на ближнего.

— Нет. Гранаты готовишь раньше, а бросок на старшего в звании.

— Точно.

— Ремни на месте?

— На месте,— ответил Закридзе, потрогал карман и перевел дыхание.

Они переглянулись, Шарафутдинов скомандовал:

— Пошли...

И первым двинулся из землянки — согнувшись и напружинившись. Он смотрел не вверх, на бугор, а вниз, в землю, разыскивая лисью тропку. Она начиналась метрах в трех от землянки и наискосок поднималась на бугор — в глине хорошо просматривались отпечатки лисьих лап. Шарафутдинов легко, как мячик, вскочил на взгорок и размеренно, экономя дыхание, побежал вверх. Он не оглядывался, знал, что двое бегут за ним — все это они отрабатывали раз десять.

Вероятно, в первые минуты после сигнала никто из них не чувствовал страха, разве только слегка засосало под ложечкой да чуть дрогнули пальцы. Но эти мелочи быстро подавлялись. А сейчас, когда они бежали вверх,

страх и вовсе пропал. Главное — добежать незамеченными, поэтому они горбились, и где-то на полпути к траншеям Сутоцкий подумал: «Почему Гафур бежит так медленно?»

Именно в этот момент Шарафутдинов рванулся и стремительно, заглатывая воздух, побежал вверх. Закридзе бросился было за ним, но сейчас же сбавил темп: они договаривались, что Шарафутдинов первым добежит до траншеи, ляжет на бруствер и в случае нужды прикроет огнем остальных. Перед траншеей Гафур изготовил автомат и залег. Сутоцкий и Закридзе обогнули его с двух сторон и прыгнули в чистенькую, укрепленную досками траншею. За ними прыгнул Шарафутдинов.

Он обогнал Закридзе и, прижимаясь к стенке траншеи, повторяя ее изгибы, пошел вперед — чуть согнувшись, пружиня в коленях, потому что старался не греметь каблуками о дощатый настил. За ним шел Закридзе, потом — Сутоцкий.

Где-то тут должен находиться дзот, прикрывавший командный пункт противника с фронта, за ним — устье перекрытого сверху хода сообщения. Но их не было. Сержант оглянулся, словно прося поддержки разведчиков. И они поняли, почему он оглядывается: каждый в душе почти уверовал в ложность записки. Опять засосало под ложечкой, дрогнули и стали потеть ладони. Но разведчики забыли, что время для них сейчас двигалось быстро, а метры — медленно. За поворотом траншеи открылся ход сообщения, но — открытый. Он, изгибаясь, вел в глубину обороны. Самый высокий из всех — Сутоцкий — проследил его изгибы, увидел горб дзота и даже его прижатую к земле амбразуру с бетонным зевом. Николай легко ударил по плечу Закридзе, тот тем же манером остановил Шарафутдинова. Они сошлись, и Николай Сутоцкий прошептал:

— Дзот на месте.

И, мгновение назад не веривший в его существование, Шарафутдинов молниеносно принял решение:

— Сутоцкий, прикрой, Закридзе, за мной.

Он юркнул в ход сообщения, потом в отводной ус, ведущий к двери дзота, взялся за ручку крашеной, должно быть сорванной где-нибудь в деревне, двери и оглянулся: прикрой, а сам вскочил в дзот.

Он был пуст. На столике стоял пулемет, на полках ящики с лентами и гранаты. Пахло не только машинным

маслом, сладковатой взрывчаткой, но и табаком. Шарафутдинов хотел рывком выхватить и выбросить замок пулемета, но передумал — набрал под столиком горсть сухой глины и сыпанул ее в затвор: когда придется отходить, этот пулемет уже не ударит в спину. А выброшенный затвор — след. Шарафутдинов же твердо знал: следов надо оставлять поменьше.

Они вернулись в главную траншею и опять пошли вперед к жилым землянкам. До сих пор всем казалось, что главное — увидеть и схватить. Сейчас, после паузы у дзота, главным оказался слух. И они слушали приглушенный далекий говор — ленивый, затухающий, чей-то запоздалый смех. Слушая, едва не проскочили устье крытого хода сообщения. Теперь, если верить схеме и выученной наизусть карте, метров через сорок будет новый ход сообщения, который и приведет к жилым землянкам.

Они уже освоились в немецкой траншее. Вот почему, не сговариваясь, решили не заглядывать в крытый ход — он вел к командному пункту, а там наверняка не одно помещение, там связь и люди. Им требовалось что-нибудь попроще. И они опять пошли по траншее. Вдруг сзади раздался твердый, властный стук каблуков по дощатому настилу — их кто-то догонял. Вероятно, этот сухой стук насторожил и самого шагавшего, потому что шаги стали мягче и медленнее.

Такой вариант поиска тоже отрабатывался на тренировках, и потому все произошло мгновенно и так слаженно, словно они специально обо всем договорились. Сутоцкий подался назад и стал в устье крытого хода сообщения, Закридзе втиснулся во врезную стрелковую ячейку, и только Шарафутдинову не нашлось укрытия. Он присел на корточки, надвинул капюшон куртки и стал возиться с завязками маскировочных брюк.

Из-за поворота траншеи вывернулся подтянутый, в отличие пригнутой шинели, офицер в фуражке с высокой тульей. Он приостановился и оглянулся. Шарафутдинов по погонам определил — капитан, гауптман. Кажется, артиллерист. Во всяком случае он двигался со стороны артиллерийского НП. Гаубичники правильно сказали Матюхину: на НП часто бывают офицеры. Гауптман пошел медленнее, у самого поворота в ход сообщения приостановился и опять оглянулся. Там, сзади, слышался стук кованых каблуков. Кто-то бежал вслед, и сержант Шарафутдинов сразу сообразил — ординарец. Офицер по-

морщился и повернулся, чтобы войти в ход сообщения, но, увидев Гафура, отрывисто спросил:

— Что вы здесь делаете? Почему не отдыхаете?

Шарафутдинов вытянулся и, лихо козырнув, четко ответил:

— Разведчик, господин гауптман. Иду на НП.

Лицо у гауптмана приобрело спокойно-презрительное выражение, а потом стало меняться: он увидел русский автомат. И по тому, как дрогнули у него губы, как округлились глаза, а рука в желтой кожаной перчатке потянулась к кобуре, Гафур понял, что все пропало — сам он не справится с гауптманом, а подать знак товарищам не успеет.

Но Шарафутдинов не знал, что Сутоцкий, не видя офицера, внимательно следил за старшим группы захвата и по выражению его лица понял: дело плохо. А тут еще гауптман сделал шаг в сторону поворота, и Сутоцкий, мгновенно сориентировавшись, выдвинулся и увидел немца.

Гауптман его не заметил, он следил за каждым движением Шарафутдинова, и Николай Сутоцкий очень спокойно выдал крюк левой. Офицер чуть приподнялся и рухнул. Николай бросился на него, забил в рот кляп и вроде бы даже неторопливо — так, по крайней мере, показалось и Закридзе и Шарафутдинову — достал из кармана солдатский ремень, поддел его под мычащего немца и затянул, прижав руки пленного к бокам, по стойке «смирно».

Шарафутдинов перепрыгнул через Сутоцкого и немца, бросился к повороту траншеи, откуда слышались торопливые шаги. Закридзе тоже не спеша — так казалось Сутоцкому — вынул ремень и связал немцу ноги.

Ординарец гауптмана вывернулся из-за поворота траншеи почти бегом. Шарафутдинов не стал стрелять или бить — он нырком бросился под ноги солдату, а тот, еще ничего не понимая, но уже краем зрения увидев распластанного командира, шлепнулся носом в землю и, как ящерица, стремительно перевернулся на спину, выпрастывая автомат. Но Шарафутдинов уже успел вытащить нож из ножен и в неистовом, по-рысьи точном броске навалился на солдата и вонзил, как учили, нож.

Немец захрипел, но Шарафутдинов сейчас же закрыл ему рот ладонью и почувствовал, что на руку полилось что-то горячее. Он выдернул нож, не думая, вытер о нем-

ца и, задрав штанину, засунул его за голенище. В уголках губ немца пузырилась розовая пена, расширенные в смертном ужасе глаза вспыхнули, осветили молодое лицо и стали гаснуть. И тут Шарафутдинов ощутил, как тело под ним обмякло, по нему пробежала последняя дрожь, и Гафур, еще никогда в жизни не видевший смерти так близко, понял, что немец умер. Он подхватил его за ноги и поволок в отводок хода сообщения, ведущего к дзоту. Разведчики не ждали его. Закридзе вылез из траншеи, и Сутоцкий подал ему еще не вполне пришедшего в себя, но уже извивающегося офицера. Закридзе тряхнул его, положил на землю и подал руку Николаю. Они подхватили капитана за ремни и побежали вниз.

Бросив труп, Шарафутдинов наклонился, чтобы достать документы, быстро нашел в теплом нагрудном кармане бумажник и стал засовывать его за пазуху. Голова немца тихонько повернулась набок, на губах стал взбухать розовый пузырь. Вокруг него закурчавились розовые же пузырьки. Гафур дернулся, но оторвать взгляда от этих живых на неживом лице розовых пузырьков не мог. Он почувствовал, что левая его ладонь — липкая, и быстро взглянул на нее: она тоже была в розовых разводах.

Нет, то был не страх. То родилось страшное, нутряное чувство омерзения перед всем тем противоестественным, что только что произошло. Чувство это жило вне мозга, оно было сильнее мысли, и поэтому, повинаясь ему, пустой желудок — разведчики шли в поиск на голодный желудок: если ранят в живот, больше шансов выжить — как бы перевернулся, к горлу подкатил комок судорожной, непреодолимой рвоты. Шарафутдинов все-таки нашел в себе силы сдержать этот позыв, рванулся от трупа и, зачем-то перепрыгнув офицерскую фуражку с высокой тульей, парадно лежавшую на грязной доске, выбрался из траншеи.

Сутоцкий с Закридзе отбежали уже далеко. В траншеях противника было по-прежнему тихо. И Шарафутдинов бросился догонять товарищей — прикрытия не требовалось. Бежать вниз оказалось не так уж просто — пришлось балансировать левой рукой, и в какую-то секунду Шарафутдинов увидел между растопыренными пальцами розовые пленочки. И снова яростный приступ рвоты скрутил его. Он упал, перевернулся и успел только стать на колени. Его выворачивало наизнанку, он задыхался, успевая думать: «Что же это? Как же это?»

Вероятно, первым, кто увидел выскочившего на брусстер Закридзе, был Грудинин. Сквозь оптический прицел он сразу определил, что Закридзе вытаскивает на поверхность немецкого офицера, и оценил удачу. Он выпелил амбразуру немецкого НП, затаил дыхание и сделал первый выстрел. Трасса родилась где-то над ничейной полосой и вонзилась в амбразуру. Почти никто этого не заметил — мало ли кто стреляет? Но сигнал сразу поняли другие снайперы, и, когда на поверхности появился Шарафутдинов, десятка полтора снайперов попарно уже вели прицельный огонь по амбразурам дзотов и дотов, а четверо, вместе с Грудининым, по НП артиллеристов.

Капитан Маракуша увидел разведчиков почти одновременно со снайперами и приказал позвонить Лебедеву на НП комдива, но там тоже заметили разведчиков, и Лебедев кивнул артиллерийскому офицеру, руководившему артиллерийским прикрытием поиска. Тот отдал приказ через телефонистов и радистов. Что было дальше, можно представить. Старшие на батареях, приняв команду, закричали:

— Батарея, к бою!

Потом выкрикивались значения уровней и прицелов, звучали доклады о готовности, и в тот момент, когда Шарафутдинов, теряя сознание от приступов рвоты, стал скатываться вниз, а Закридзе и Сутоцкий уже почти сбегали с бугра, ударили орудия и минометы. Ударили с разных сторон и с разных дистанций, как бы веером сводя снаряды на пятачке участка поиска. Поскольку еще не известный советским войскам запасной командный пункт противника был как раз в центре участка, то большинство снарядов и мин упали вокруг него.

После этих первых снарядов последовала небольшая пауза — артиллеристы проверяли правильность прицелов и уровней. Подготовку данных они провели грамотно, погрешностей не обнаружилось, и на огневых строго по плану прозвучала команда:

— Три снаряда! Беглым! Огонь!

И каждое орудие, каждый миномет выплюнул по три снаряда подряд. Над и за разведчиками густо за клубился дым разрывов, замелькали комья взметенной земли, неспешно взлетающие и опадающие доски, расщепленные бревна, какие-то тряпки и листья.

В этом грохоте и свисте, картинно клубящемся дыме, в трепещущих подсветах очередных разрывов большинство людей передовой не заметили совершенно обессиленного Шарафутдинова, который все еще бежал вниз, хватаясь за горло. Но Матюхин видел его и, облизывая губы, приказал группе прикрытия готовиться к бою.

Команда была излишней — все и так были готовы. И все-таки все пошевелились, перехватывая поудобней оружие, — напряжение лейтенанта передалось всем.

— Ранен... сержант, — сказал кто-то из разведчиков, и Матюхин, резко обернувшись, посмотрел на него с неприязнью: об этом не говорят.

От Матюхина до группы захвата оставалось метров двести, а может быть, и меньше. И тут произошло совершенно невероятное. Над самыми головами группы прикрытия со странным воем-фырчанием пронесся снаряд и взорвался метрах в семи — десяти от Сутоцкого. Николай дернулся, остановился и стал медленно оседать. Закридзе что-то кричал ему. За грохотом разрывов никто не слышал слов, но все понимали, что он кричит. Тут приковылял Шарафутдинов, нагнулся над Сутоцким и махнул рукой Закридзе — тащи пленного. Закридзе присел, забросил пленного на спину и, согнувшись, побежал к своим окопам. Потом его догнал Шарафутдинов и подхватил дрыгающиеся ноги пленного.

Матюхин, не оборачиваясь, приказал:

— Фляги с водкой и индивидуальные пакеты выложить. Приготовиться к броску.

Группа захвата добралась до окопа Матюхина и свалилась в него — потный, яростно и шумно дышащий Закридзе и иззелена-бледный Шарафутдинов.

— Помочь Закридзе! — приказал Матюхин и обернулся к Гафуру: — Ранен?

— Нет... Рвало.

— Убил кого? — Шарафутдинов кивнул. — Сутоцкий?

— Ранен в живот. Я решил, что главное — пленный.

— Правильно. Доставляй дальше, ты — старший.

Разведчики подхватили гауптмана и побежали к промежуточному окопу, но не спрыгнули в него, потому что ответного огня немцы по-прежнему не вели, а двинулись прямо к своим траншеям. Шарафутдинов бежал сзади.

Матюхин осмотрелся, пристегнул к поясу фляжку с водкой, рассовал по карманам индивидуальные пакеты, вывалился из окопа, поднялся и помчался к Сутоцкому.

Тот лежал, скорчившись, прижав руки к животу. Матюхин молча подхватил его под мышки, развернул и поволок к землянкам. Николай стонал, но Матюхин не обращал на это внимания. В землянке он расстелил плащ-палатку, положил на нее Николая, разложил гранаты, чтобы в случае нужды можно было бы сразу отбиться от внезапного нападения, а уж потом финским ножом располосовал одежду Сутоцкого.

Осколок прошел косо, взрезав брюшину. Пачкая руки в крови, Матюхин оцупал спину — раны не было, хотя кровь подтекла и туда.

— Ну, счастливый твой бог, — вслух сказал он, снял с пояса фляжку и стал обмывать водкой рану.

— Пи-ить, — слабо дергаясь, попросил Николай, и Матюхин приставил фляжку к его уже покрытым корочкой губам. Сутоцкий сделал несколько жадных глотков, задохнулся и опять потерял сознание.

В сущности, это было на руку лейтенанту. Он вскрыл индивидуальный пакет, наложил розовые марлевые подушечки на рану и стал перебинтовывать.

Сутоцкий пошевелился, открыл глаза, долго смотрел мутным взглядом на Андрея, мучительно соображая, что к чему, но, так и не сообразив, опять закрыл глаза. Матюхин дал ему выпить из фляги, и он покорно сделал несколько глотков.

Андрей чуть расслабился. До этого мысли приходили как бы служебные, стремительно-точные, приказные. Сейчас он понял, что, кажется, есть надежда спасти Николая, обрадовался и неожиданно выругался:

— Ну, растяпа, попался бы ты мне...

Бывший артиллерист, Матюхин прекрасно понимал, что произошло. Где-то на заводе станочник на липнюю десятую долю миллиметра расточил канавку, в которую запрессовывается медный ведущий поясok. Контролер проглядел ошибку, прессовщику и вовсе ни к чему был этот просчет, и пошел снаряд на фронт. Когда его выстрелили, он взрезался ведущим пояском в стальные каленые нарезы ствола и закрутился. Но поясok не выдержал адова напряжения и сорвался. Снаряд потерял устойчивость и полетел, кувыкаясь и ропща. За ним понесся и поясok.

Бывают такие случаи, бывают. И гораздо чаще, чем следовало бы. И нет против них управы. Правда, такие снаряды, не попадая в цель, чаще всего не взрываются —

они ведь падают не точно взрывателем в землю. А этот взорвался... На недолете, а взорвался.

«Видимо, все-таки взрыватели у нас хорошо делают», — подумал Матюхин.

Сутоцкий опять открыл глаза, всмотрелся в лейтенанта и попытался улыбнуться — узнал. Раз узнал и не стонет — надежды прибавилось. Его могучий организм, может, и продержится, пока попадет в руки врачей.

«Хорошо, что не ели перед поиском и есть водка».

Никто не знал, правильно они делают или нет, но так уж было замечено, что, если раненному в живот дать водки, он держится дольше. Может, водка там, внутри, дезинфицирует?

— Ну как? Больно?

— Амба? — спросил Николай.

— Ты что? Сейчас начнет темнеть, и я тебя вытащу. А там — врачи... Все будет в порядке.

Николай смежил глаза, по лбу пошли морщинки.

— Андрей, возьми... в притолоке... записку...

— Какую записку? — решив, что Сутоцкий бредит, удивился Матюхин. — Ты лежи, лежи, не болтай.

Но Сутоцкий упрямо повторил:

— Возьми записку. Она — правильная, — и показал пальцем на притолоку. — Возьми.

Нет, он не бредил, но представить себе, что здесь есть записка, Матюхин не мог. Он встал, сложил вторую плащ-палатку и укрыл ею Сутоцкого. Тот опять с усилием открыл глаза и не сказал, а приказал:

— Возьми! — Глаза у него блеснули по-бешеному. Значит, в сознании.

Матюхин стал рассматривать притолоку и нашел записку. Он развернул ее — и на мгновение обмер.

20

Поиск прошел строго по плану, но яростное напряжение не окончилось. словно по инерции, разведчики протискивались в траншеи, петляли в ходах сообщения. Через них летели снаряды и мины, дальние частые звуки выстрелов и более ближние — разрывов поглощали хлопки снайперских выстрелов, а заодно и слова команд и советов. Капитан Маракуша встретил разведчиков и повел их к машине.

Она вынесла их на взгорок, на простор, за кустарник,

и помчалась к командному пункту. Пленный брыкался и стонал. Маракуша посмотрел на него и вытащил кляп. Гауптман несколько раз глубоко вдохнул и стал ругаться. В смягченном переводе это звучало примерно так: «Развяжите, куда я от вас денусь?!»

И Закридзе, виновато покосившись на Маракушу, отпустил ремни.

Шарафутдинов постепенно стал розоветь. Он часто облизывал горько-сухие, черные от пыли и копоти губы, потому не выдержал и спросил у шофера:

— Вода есть?

Шофер молча достал из-под сиденья фляжку с крепким холодным чаем — он берег его для капитана Маракуши. Шарафутдинов выпил почти всю фляжку и быстро пришел в себя. Капитан Маракуша вдохнул и приказал:

— Переведи ему: пусть сдаст все документы сейчас. А то мало ли что... личное... может быть.

Нахохлившийся гауптман выглянул из-за поднятого воротника шинели и на довольно правильном русском языке спросил:

— Вы имеете в виду фотографии?

Маракуша с интересом обернулся.

— В основном. — Он знал, какие непристойные открытки носили с собой немцы и как потом нагнали или, наоборот, краснели на допросах, отнимая массу времени.

А капитану Маракуше время было дорого. Он понимал, что захвачена важная птица, такая, которую немедленно запросят и в штаб армии и, вероятно, в штаб фронта. Значит, допрос в штабе дивизии должен быть коротким. Для него и для дивизии сейчас нужно было выявить силы и огневые средства противника перед фронтом дивизии. И Маракуша старался расположить пленного и сократить время допроса, на котором ему следовало присутствовать.

Пленный усмехнулся:

— Порнографией не занимаюсь. Фотография жены — в удостоверении личности. Все.

— Вы хорошо говорите по-русски.

— Два года в России не прошли даром.

Маракуша насторожился: или офицер странный — в нем не было обычного гонора, или в войсках противника что-то сломалось, и даже офицеры начинают переоценивать происходящее.

— Вы задаете загадки.

— Никаких загадок, — оживился гауптман. — Я командир дивизиона. У меня было достаточно времени для осмысливания событий и переоценки ценностей.

— Вы их переоценили?

— Находился в процессе.

— Понятно. Почти...

— Только не ждите, что я буду кричать «Гитлер капут» и доказывать, что был когда-то профсоюзным активистом.

Маракуша усмехнулся и быстро переглянулся с Шарафутдиновым.

— Этого от вас мы и не ждем. Мы, как и вы, народ строевой, и нам нужно дело. А дела, как вы, конечно, понимаете, касаются прежде всего нашего участка обороны. Затем вообще обороны. А уж затем... Впрочем, что там... дальше... не знаю.

— Я понимаю, — кивнул гауптман и грустно подвел первые итоги: — Значит, здесь меня не расстреляют?

Капитан Маракуша рассмеялся. Рассмеялся весело и раскатисто. Первый раз за все эти дни. Пленный подтянулся и уставился на капитана.

— До чего ж вы все на один манер, с одной колодки. Как армейские сапоги. Как только попадаете в плен, первый же вопрос: «А меня расстреляют?»

Гауптман нахмурился:

— Вы, конечно, будете отрицать. Да и что вам остается?!

— Нам? Нам остается еще работать и работать. Но так как мы на войне, то работать будете вы. За нас. — Гауптман недоверчиво взглянул на Маракушу и тот спросил: — Вы считаете это несправедливым?

— В известной степени.

— Вот как?.. Что же вас, на курорт отправлять?

— Нет... Но если честно... — Он покосился на солдат, поколебался, но решил продолжать: — Если честно, то пока мы шли вперед, мы, армейцы, не всегда понимали, что делают за нашими спинами разные... чины. Теперь мы откатываемся назад. И кое-что увидели. Теперь многие, в том числе и я, считают, что, будь мы на вашем месте, мы бы живыми не оставляли...

Откровенность гауптмана насторожила капитана Маракушу. Такого от пленных он еще не слышал. Может, и правда — у противника что-то сломалось в душе? Но

поскольку главным для капитана в данный момент являлись конкретные сведения, а не общее состояние войск противника, он вспомнил, что гауптман артиллерист и, как всякий артиллерист любой армии, больше интересуется целями противника, чем собственной передовой, и во все остыл. Что даст пленный ему, общевойсковому разведчику? Огневые позиции, боевые порядки артиллерии? Ну штабы, еще кое-что... Это важно. Очень важно, но капитану требовались сведения об обстановке на передовой, о резервах и многое иное, чего гауптман, скорее всего, просто не знает.

Но гауптман жаждал продолжения. Он поерзал и спросил:

— А вы, русские, думаете иначе?

— Мы ведь не только русские, мы еще и большевики.

— Пропаганда! Разве вы политик?

Маракуша усмехнулся:

— Нет, я строевой офицер.

— Тогда я не все понимаю.

— Поживете у нас — поймете.

Все примолкли. Машина кружила по лощинкам и перелескам, за ней завивался шлейф ярких осенних листьев, пахло пряной горечью увядания, но постепенно пробивалась и ясная свежесть зазимка: в лесу иней так и не сошел.

Закридзе дотянулся до Шарафутдинова и тихо прошептал:

— Думаю, докладывать не надо. О схеме.

— Почему?

— Зачем лишние неприятности? Схема — правильная.

Шарафутдинов подумал и решил:

— Нет. Надо доложить.

— Зачем? — рассердился Закридзе.

— Ты знаешь, как все может повернуться, если узнают о схеме и о тех людях?

— Пусть лейтенант докладывает. Я не буду.

— Нужно, чтобы он вернулся.

— Вот когда вернется, тогда и решим.

Шарафутдинов опять задумался. Кому докладывать? Замполита нет — все еще в прикрытии. Капитану Маракуше? Сейчас не до этого. А самое главное, нет лейтенанта. И Шарафутдинов с неожиданно появившейся в нем сдержанностью, даже, кажется, важностью, кивнул: пусть будет так, как решил Закридзе.

Подполковник Лебедев примчался в штаб дивизии раньше комдива. Он поздравил Маракушу и, упреждая его просьбу, сказал:

— Не волнуйся, капитан, артиллерия дождется и прикроет выход Матюхина в сумерки. Что дает пленный?

— Еще не знаю... Но, думаю, для нас он даст мало — командир дивизиона. Судя по документам, наши догадки подтвердились.

— Что ж, главная задача выполнена, кое-какие детали, конечно, узнаем...

Маракуша молча согласился, однако, прикинув свое, затаенное, предложил:

— Надо немедленно готовить разведку боем.

Лебедев насторожился. В разведке боем участвуют не столько разведчики, сколько линейные подразделения. Они завязывают настоящий бой, а десятки наблюдателей засекают огневые точки врага, его батареи, расположение его подразделений и начертание обороны. В сумятице боя действуют и разведчики. Они пытаются прихватить пленного, собирают документы. Но основная тяжесть лежит все-таки на линейных подразделениях. Они принимают бой, как бы прикрывая собой разведчиков.

— Вы думаете, что пехота прорвется на взлобок? И почему — немедленно?

— Если вы оставляете всю артиллерию, чтобы прикрыть выход Матюхина, то пехота может прорваться.

Подполковник задумался. Маракуша трезво оценивает обстановку. Неожиданная вечерняя атака на расстроенного и наверняка побитого противника может дать неплохие результаты. А нужны ли эти результаты? Допустим, стрелки захватят взлобок. Что дальше? Для закрепления нет сил. Ведь Маракуша не знает, что артиллерия резерва работала только как средство ввести противника в заблуждение...

Неожиданно эта четкая, вычитанная когда-то из инструкции фраза перечеркнула все рассуждения Лебедева. Он с интересом посмотрел на Маракушу: хорошо мыслит человек. Видимо, надо доложить командованию. Оно решит. Оно смотрит дальше.

— Пожалуй, не выйдет... Во всяком случае, доложу. Пойдем послушаем, что скажет твой крестник.

Из-за высокой насыпи штабного блиндажа вышли разведчики, и Шарафутдинов, дождавшись, когда Лебедев шагнул за дверь, тихонько окликнул:

— Товарищ капитан!

— Что такое? Я же сказал — марш отдыхать!

— Товарищ капитан, разрешите идти на передовую, — сказал Шарафутдинов. Над его плечом показалось умиленно-просящее, лоснящееся от все еще выступающего пота лицо Закридзе.

— Нельзя по-другому, товарищ капитан.

Маракуша посмотрел на небо, на дальний перелесок. Он уже подернулся предвечерней синью, ветер стих, начинало холодать.

«К ночи развиднеется, а сейчас, скорее всего, падет туманец, — подумал капитан. — На это и рассчитывают... А кто же огнем прикроет... в случае чего? Значит, мне нужно возвращаться?»

А возвращаться ему не хотелось: не часто попадается такой «язык» — хотелось послушать, что расскажет гауптман.

И все-таки он сказал:

— Ладно. Идите. Я буду через час.

Разведчики уже повернулись, чтобы идти, но Маракуша все так же хмуρο приказал:

— Шарафутдинов! Машина пока в нашем распоряжении, скажи, что приказано подбросить. — И, уже не глядя на них, ушел.

Потом подъехал комдив, и начавшийся было допрос прервался. Только он наладился — неожиданно приехал командарм с сопровождающими. В блиндаже сразу стало тесно и излишне шумно от сдержанно-предупредительного шепота, шороха шинелей, ремней и прочего снаряжения. Капитан Маракуша почувствовал себя лишним и стал осторожно, бочком пробираться к двери. Лебедев остановил его и обратился к командарму:

— Товарищ генерал-лейтенант, капитан Маракуша считает, что есть условия для проведения разведки боем. На данном участке. — Командарм резко повернулся в сторону капитана, пристально и, как показалось Маракуше, подозрительно стал его рассматривать. Лебедев почтительно добавил: — Пленный — артиллерист. Передний край, естественно, знает слабо. И сейчас, в сумятице, после артналета, можно ворваться в траншею и даже закрепиться. А уж систему обороны наверняка вскрыем.

Командарм все так же пристально и, как теперь казалось Маракуше, сердито смотрел на него. Маракуша клял себя за свое предложение. «Ведь есть же первая солдатская заповедь: увидел начальство — обойди его, а я полез».

Командарм прикинул все, что ему было известно о положении на фронте, вспомнил разговоры с командующим фронтом и остудил себя: надо подождать.

Это решение он принял вовсе не потому, что ему не хотелось провести разведку боем — в данной ситуации она могла дать неплохие результаты. Капитан совершенно прав. И Лебедев верно оценил и обстановку и предложение. Командарм смотрел дальше и чувствовал: противника рано настораживать. Может быть, как раз выгоднее оставить его в неведении относительно армейских планов. Кто знает, придет приказ на наступление, и как раз этот участок и окажется пригодным если не для главного, так для отвлекающего удара. И он, не меняя сурового, требовательного выражения лица, улыбнулся Маракуше одними глазами и протянул ему руку.

— Спасибо, капитан. Мыслите правильно, но... еще не пришло время.

Он резко отвернулся. Маракуша вопросительно посмотрел на Лебедева, и тот прикрыл глаза. Капитан выскользнул за дверь, а вслед за ним вышли кое-кто из дивизионных офицеров и из сопровождающих командарма.

— Ну-с, — уже благодушно осведомился командарм, — чем радуется ваш «язык»?

Майор Зайцев, как бы вынырнув из-за спины комдива, быстро, почтительно и четко доложил о главном: немецкая дивизия, изрядно потрепанная, пришла с правого фланга фронта, ждет пополнения.

Командарм невольно обернулся на то место, где стоял Маракуша — правильно мыслит капитан! Правильно! Может, все-таки рискнуть?

— Ее боевые порядки располагаются следующим образом... — Зайцев протянул свою карту и придвинулся ближе.

Командарм сразу увидел, что полк дивизии стоит в резерве, и, значит, хоть оборона и жидкая, уязвимая при всей своей кажущейся неуязвимости, отмена разведки боем оправдана: противник быстро подбросит резервы.

— Примерный численный состав резерва...

М-да... Резерв есть и резерва нет... Может, все-таки рискнуть?

— Кроме того, вот здесь на днях появились танки.

Это известно из сводок фронта... Но это далековато. Ах, как хочется рискнуть!

— С пленным сейчас беседует начальник артиллерии дивизии.

— Хорошо, — кивнул командарм и усмехнулся: — Выходит, опять «языка» брать нужно?

Майор покорно потупился и слегка развел руками: наше, дескать, дело такое. Куда ж денешься?

— Что скажете вы, подполковник? — спросил командарм у Лебедева.

— Разведка непрерывна, — пожал плечами Лебедев и, сделав маленькую паузу, добавил: — Очевидно, у пленного есть свои соображения о причинах нашего топтания на правом фланге.

Командарм быстро и пристально взглянул на Лебедева, но ответил благодушно:

— Возможно... — А подумал совсем другое: «Лебедев сразу разгадал, зачем я сюда примчался. Именно причины нашего поражения там. Да, несмотря на то, что мы наступаем, мы терпим явное поражение, особенно на правом фланге фронта. Нельзя поверить, что у нас войска подготовлены хуже, нельзя даже предположить, что у нас техники меньше, — все это пройденные этапы. Так в чем же дело? Ведь для меня что главное? Примерная одинаковость обороны противника и там, и здесь. И если мне прикажут наступать, я не хочу оказаться в положении тех командармов, которые хотят и не могут выполнить приказ. Я должен знать причины».

— Давайте послушаем, что же все-таки говорит — или болтает? — ваш «язык».

Они прошли в другую половину блиндажа. Там над картой склонились двое — советский полковник и гауптман. Со стороны могло показаться, что над картой колдуют два отлично сработавшихся штабных офицера. Настолько сработавшихся, что они не сразу заметили, как в помещение кто-то вошел. Но когда заметили, оба одним строевым приемом сделали шаг в сторону и назад и вытянулись — старательно и несколько растерянно — все-таки их застали врасплох.

Командарм рассеянно кивнул им и, усаживаясь на табуретку, широко расставил ноги в хорошо начищенных

шевровых сапогах (ноги ныли все сильнее и сильнее, приходилось носить что помягче).

— Продолжайте. А вы, товарищ подполковник, переводите для меня.

— Мы говорим по-русски, товарищ генерал-лейтенант.

— Вот даже как?.. Ну-ну, продолжайте.

Лебедев смотрел на командарма и думал, что он все-таки актер. Отличный актер. Как тщательно он скрывает под маской благодушия все, что у него на душе, все, чем он живет сейчас. Ни один самый настороженный наблюдатель не заметил бы фальши в его игре, как никогда не замечал ее Лебедев. Только случай, прикосновение к сокровенному, чем жил командарм, раскрыл перед ним еще одну сторону характера этого внешне тяжелого, замкнутого и даже, кажется, жестокого человека.

И еще подумалось Лебедеву, что, может быть, так и должно быть. Ведь никто до поры до времени не должен знать ни замысла командарма, ни той информации, которой он располагает, ни тех приказов, которыми он руководствуется. Раскрой их раньше времени — и заплатишь сотнями жизней, а может, и своей...

Но эту сложную и противоречивую мысль Лебедев не успел раскрутить до конца.

Полковник и гауптман все еще топтались у стола и не решались продолжать. Ведь для этого им следовало повернуться к командарму спиной да еще нагнуться над расстеленной на столе картой. И они мучились и не знали, как поступить. Командарм, кажется, не смотрел на них, но Лебедев все-таки заприметил в уголках его полных, властно сжатых губ легкую улыбку и с веселым замиранием подумал: «Неужели он и это предусмотрел?» И сейчас же ответил себе: «Конечно, предусмотрел! Ведь должен же он был поинтересоваться картой — на нее же наносятся самые последние разведданные. А он — расселся».

— Неудобно работать? — спросил командарм. — Ну, после сделаете. Садитесь.

И оба офицера — советский и немецкий, сразу избавляясь от неловкости, присели на край нар, что стояли по обе стороны стола.

Полковник в душе сетовал, что не успел нанести на карту все, что рассказал ему гауптман, а гауптман все больше и больше размякал. Его удивляло, что он попал в дисциплинированную армию, со своим, понятным ему,

уставом, с ясными и привычными взаимоотношениями старших и младших по званию. И в то же время было в этой обстановке нечто, чего он не видел, не замечал, не ощущал, как ощущает благостное тепло изыбший, усталый человек, попавший в теплый, добротный, благоустроенный дом. Это — взаимопонимание. Оно ощущалось во взглядах, в самой атмосфере, в которой жили и работали эти люди. И даже то, что у полковника (пленный не знал, что это блиндаж комдива) на столе стоял котелок, а не фарфоровый столовый прибор, как у него, гауптмана, в его, теперь уже бывшем, блиндаже, и то, что капитан в машине так часто переглядывался с бравшим его в плен сержантом, и то, что сержант этот, не спросив офицера, попросил у шофера попить и шофер отдал ему явно офицерскую фляжку, и вот то, что этот большой, внешне сильный и, может быть, именно потому доброжелательный генерал ведет себя так просто, — все это не вязалось с самой сутью его прошлой жизни и нравилось ему, как нравится тепло изыбшему человеку.

— Скажите, гауптман, каким образом вам удастся нас бить? А?

Командарм произнес эти слова весело, с усмешкой во внимательных, острых глазах с уже чуть приспущенными, как у старой мудрой птицы, коричневыми веками. Гауптман вскочил, но командарм махнул рукой: сидите.

— Мне нужен не официальный разговор, понимаете? Официально вы с другими поговорите. Важна сама суть. Лупите ведь вы нас здорово.

Гауптман не знал слова «лупите», но смысл его уловил. И это тоже поразило его. Чтобы вот так добродушно признаваться перед противником, пусть пленным, но противником, что его здорово бьют, вероятно, нужно нечто более высокое, чем то, чем жил гауптман. И в то же время по каким-то особым, еще не уловленным психологами законам внутреннего противоречия человеческой натуры в нем поднялась волна протеста. Гауптман почувствовал себя как бы ответственным за все, что происходит на северном оборонительном участке. А главное, за то, что происходило. Они там действительно дрались отлично. В этом заключалась его профессиональная гордость. И он, пленный, униженный, не мог не подчеркнуть эту свою, уже былую, гордость и не утвердить себя. И он ответил совсем не так, как собирался, а так, как подсказала ему эта запоздалая гордость.

— Ваша тактика... я бы сказал... примитивна.

— В чем именно? — нахмурился командарм.

— Вы не делаете выводов из неудач и все время атакуете в лоб.

— Иного выхода у нас нет. Для того чтобы прорвать сильно укрепленную оборону противника, необходим проламывающий удар, а уж потом...

— Это верно. Но вы не хотите понять, почему каждый раз после ваших великолепных артподготовок вы натываетесь на полнокровную оборону.

— В этом вы не правы. — Командующий выпрямился и закинул ногу на ногу. — Понять-то мы хотим. И еще как хотим! А вот не можем. Это для нас загадка. Резервов для такой мясорубки у вас быть не должно.

— Просто... — Гауптман запнулся, подбирая нужные слова и мельком подумал: «Правильно ли я сделаю, рассказывая врагу о тактике, которая принесла нам великолепные успехи?» Но гордость, запоздалая гордость былыми успехами не позволила ему остановиться. Он не мог оказаться в положении болтуна. По свойству своей натуры, по законам понимаемой им офицерской чести он должен продолжать, и он продолжал: — Просто с началом вашей артподготовки мы отводим большую часть живой силы за гребень высоты, в запасные траншеи.

— А часть оставляете на месте?

— Да. Она и ведет бой, задерживает атакующих, создает впечатление активной обороны, а когда атакующие втягиваются в траншеи, мы начинаем контрартподготовку и переходим в контратаки.

Командарм рассмеялся:

— Простенько, но, как говорят, со вкусом. Значит, пока мы лупцуем по почти пустым первым и вторым траншеям вашей обороны, ваша живая сила отсиживается в третьей траншее на обратных скатах?

— Именно так.

— Ну а поскольку эта третья траншея с наших НП не просматривается, то артиллеристы и минометчики вести точный, корректированный огонь по ней не могут. Так?

— Именно так.

— Разумеется, и траншеи, и их основные объекты вы пристреливаете заранее?

— Именно так.

— Конечно, в этом случае вас не интересуют те, кто еще держится и ведет бой с атакующими?

Внутренне отогретый гауптман сразу почувствовал смену настроения командарма и суть его вопроса. Да, они знали, что могут бить по своим, тем своим, кто еще, может быть, ведет бой и сдерживает атакующих, но таков приказ... И гауптман потупился и слегка развел руки.

— Именно так... Война, герр генерал, есть война...

Командарм уже не был так доброжелателем, как несколько минут назад. Он казался колючим и даже сердитым, хотя спросил все так же мягко:

— Вас здесь не обижают?

— Благодарю вас, нет.

— Тогда, если вы на нас не в обиде, покажите на карте, где проходит эта третья линия обороны, вернее, третья траншея здесь, перед нами. И как, где и какими путями в случае нужды вы отводили бы людей из-под нашей артподготовки. Сможете это сделать?

— Да.

Гауптман встал. Командарм подошел к карте, и пленный точными привычными штрихами показал, где проходит третья крытая траншея, где впадают в нее ходы сообщения, а где — примерно, конечно, точно он не знал — находятся укрытия.

Командарм оценил новинку немецкой тактики. Оценил, вздохнул... и улыбнулся — весело и доверительно.

— В общем, здорово! Умело, ничего не скажешь. Спасибо за честность. Если вы начинаете жизнь с этого, верю, все у вас будет хорошо. — Командарм подошел к двери, оглянулся и приказал: — Лебедев, со мной!

Командарм узнал то, что хотел узнать, и заторопился на свой КП. Шагая за его спиной, Лебедев, конечно, оценивал важность тактической новинки противника, но думал о другом: Матюхина все еще не было... И от этого его приподнятое, деятельное настроение, радость удач меркли, и, когда, уже сидя в машине, командарм резко обернулся к нему, он уже ждал неприятностей.

— Подполковник, немедленно поезжайте к летунам и первую свою лекцию прочтите вот об этой самой тактике. Главное, сделайте так, чтобы они завтра же, — командарм оглянулся, посмотрел на небо, — погода, видимо, позволит — завтра же засняли эти самые проклятые третьи траншеи. И мы, и они забыли: они на обратных скатах! На обратных!!! А на снимках — все плоско. Вы поняли?

— Так точно!

— И еще, разведка боем явно не требуется. Гауптман

пристреливал цели на своем переднем крае. — Командарм усмехнулся: — Он их запомнил. А нам пока что надо при-
молкнуть. Впереди немало дел.

Командарм уехал, а Лебедев стоял и смотрел вслед машине, словно оценивал привалившую удачу. Именно ему предоставлялась возможность первому изучить и подтвердить фотоснимками и показаниями пленного тактиче-
скую новинку противника. Он не стал ждать окончания допроса (хотя ему следовало уяснить детали этой новой тактики, но он решил, что время для этого еще будет), вызвал шофера и уехал.

Знакомой дорогой — он колесил здесь, когда прове-
рял выдвижение резервной артиллерии, — промчался че-
рез лес в просторную пологую долинку. Над ней легкой дымкой уже повис туман: земля перед замерзанием отда-
вала последние капли еще теплой, живой влаги. Совсем неподалеку, на опушке, стояли орудия, в капонирах, вы-
ставив зады, торчали тягачи. Небо над ними еще светле-
ло, но едва заметно стало зеленеть — день переходил в
ясную ночь. Дышалось легко, и думалось легко и счаст-
ливо. Здесь, в тылу молчаливой сегодня передовой, войны
не ощущалось. Плыло доброе, задумчивое предвечерье —
время, когда хорошо охотиться.

И Лебедев, конечно, не мог предполагать, что за ним
охотятся. Не за ним, конечно, а за этим участком. Крае-
шек привольной долины просматривался с одного из бо-
ковых артиллерийских наблюдательных пунктов против-
ника, который, обеспокоенный внезапным артогнем, уси-
лил наблюдение. Во время огневого налета его артилле-
рийско-инструментальная разведка — АИР — более или
менее точно засекла огневые позиции появившихся бата-
рей. От разведчиков данные перекочевали на карты и
планшеты огневи́ков, и они подготовили, пока еще при-
близительные, данные для ведения контрбатарейной борь-
бы. Противник ждал малейшего подтверждения их пра-
вильности. И когда наблюдатели сообщили, что видят лег-
ковую машину, командир батареи противника не стал
раздумывать, а подал команду:

— Огоны!

Машина Лебедева как раз въезжала в кустарник —
голый, темно-коричневый, в котором, по мнению против-
ника, могла находиться новая батарея русских. Снаряд-
ных разрывов ни шофер, ни Лебедев не услышали, пото-
му что один из снарядов угодил как раз под машину,

поднял ее и, раздирая на части, окутал иссиня-желтым с оранжевым пламенем взрыва и вспыхнувшего бензина.

На наблюдательном пункте противника ликовали — отличное попадание! А командир вражеской батареи, которому приятель по телефону рассказал, как погиб знакомый командир дивизиона: ничего не нашли, только фуражку да разорванный прямым попаданием мины труп ординарца, решил отомстить за смерть уважаемого офицера и подал новую команду:

— Три снаряда, беглым! Огонь!

И в злосчастный темно-коричневый голый кустарник на песчаной пустоши пологой долинки врезались еще двенадцать тяжелых снарядов, взметая фонтаны песка, постепенно превращая в прах все, чего они касались, в том числе и останки шофера и подполковника Лебедева.

Советские батареи при первых же разрывах побросали ложки — они как раз обедали — и, придвинувшись к ровикам, с любопытством смотрели на оседающие фонтаны первых разрывов, радуясь, что вражеские артиллеристы-мазилы, по их мнению, ошиблись, и солоно, по-солдатски издевались над противником.

— Ребята, а там что-то горит, — сказал молоденький подносчик снарядов.

Его прервали новые разрывы. Один из них поднял в небо оторванное колесо машины, и оно, как черная подгорелая пышка, кружилось в дымном воздухе, подталкиваемое соседними взрывами.

Теперь батареи уже не смеялись. Они поняли, что кто-то принял на себя предназначенную им смерть, и присмирели. Опасаясь каверзы вражеских батарейцев, они пришли в кустарник уже в сумерки. Бензин выгорел, патроны из автоматных рожков шофера достреляли, от колес остались только железные диски — резина горит хорошо. Нашли разметанные по округе железки, закопченный мотор, да кому-то из ребят посчастливилось — подобрал хорошо сохранившуюся кобуру с трофейным вальтером. Солдат хотел было сообщить об этом командиру, но из скромности промолчал и потом несколько месяцев носил ее на поясе, пока старшина не отобрал и кобуру и пистолет для себя. Потом старшину убили, и кобуру взял командир взвода, а когда ранили и его, она перекочевала к новому старшине, который выдал ее новому командиру взвода. Позднее следы кобуры и пистолета затерялись.

Когда стихли артиллерийские разрывы, Андрей Матюхин как-то не заметил. Просто стало тихо и покойно. Все сильнее пахло сгоревшей взрывчаткой и псиной. Сутоцкий постанывал, потом открыл глаза. Взгляд у него был осмысленным. Он посмотрел на Андрея, потом прислушался к себе, пошевелился и опять прислушался. И только после этого чуть улыбнулся.

— Это перед смертью или... Ну в общем что-то от головы отлегло. Гудит, трещит, а отлегло.

— Контузия проходит.

— Может... Живот здорово располосовало?

— А ты что чувствуешь?

— Поначалу боль, резь, а потом... потом... черт-те что. Все замутилось.

— А сейчас?

— Сейчас?.. Вот вздохну — резь, но как бы поверху. Внутри что-то тяжело и давит. Распирает. А рези вроде нет.

— По-моему, ты отделался счастливо. Кажется, кишки не взрезало, осколок вроде в живот не попал. А тяжесть? Тяжесть, может, оттого, что кровь налилась? А?

Николай подумал и посетовал:

— Как же мы все-таки живем странно... Машины изучаем... Оружие учим, а себя не знаем. Что у нас к чему, какое взаимодействие — неизвестно... — Он помолчал и попросил: — Знаешь... дай еще глоток. Может, оттянет тяжесть. Рассосет.

Матюхин протянул ему фляжку. Сутоцкий вздохнул поглубже, поморщился и стал бледнеть, но еще успел пошутить:

— Ну, тронулись лошадки в путь, добегут — и им нальют.

Выпив, он присмирел. Бледность все усиливалась, глаза затачивались поволокой.

— Вот оно как случается... Думал, в офицеры, а помру старшиной. — И, спохватившись, просипел: — Ты не думай, я не упрекаю... Ты... правильный.

Он смежил веки, и Матюхин, склонясь над ним, с тоской гадал: следовало давать водку или нет? Осколка он не нашел, наверное, он засел в животе.

«Кишки, видно, и в самом деле не тронул, а желудок прободал. Вытаскивать Николая нужно... Вытаскивать».

День дотлевал. В низинке едва заметно начинал курчавиться парок. Из побитых артиллерией немецких траншей слышался слитный говор, звяканье лопаток и топоров, иногда приплывала команда — гортанная, резкая. И тут только Андрей Матюхин опять вернулся мыслями к записке.

«Почему мне так не везет? Почему все с такими неудачами? — горько думал он. Ему, как и многим, казалось, что есть на войне люди, которым все дается просто, и живут они более легкой и светлой жизнью, и опасности обходят их стороной, и, главное, умеют они ладить с людьми. — А я вот хотел добро человеку сделать, а он, может быть, умрет. Прямо как заколдованный. Ведь, не потащи я его в этот поиск, может, все и обошлось бы».

Он горестно, по-бабьи подпер голову ладонью и стогнулся.

«А может, я хотел скрыться за его спиной? — спросил себя Андрей и твердо ответил: — Нет, не было этого!»

Где-то далеко на севере прокатился артиллерийский залп, слух уловил тонкий воркующий полет снарядов — и с нашей стороны донеслись звуки разрывов — глуховатые и нестрашные.

«Очухались», — сердито подумал Андрей.

Потом орудия стали бить беглым, и Матюхин решил, что вражеские артиллеристы затевают дуэль, начинают контрбатареиную борьбу. Значит, что бы с ним ни происходило, какие бы мысли его ни тревожили, война идет своим чередом, дело, которому он служит, не свертывается.

И это вернуло его мысли к записке. Конечно, как только он выберется, он немедленно доложит о ней, расскажет о Штильмайере и честно признается, что не придавал значения той встрече. Просто не хотел убивать австрийца. И не потому, что не терпел ненужных убийств. Смерть австрийца могла бы помешать выполнению задания. Если бы противник обнаружил труп или хотя бы исчезновение связиста, он начал бы поиски и мог бы наскочить на Матюхина и Сутоцкого. Конечно, ему следовало принести расписку Штильмайера. Теперь она была бы оправданием, а он ее порвал.

Матюхин тяжело вздохнул и грустно улыбнулся: «Что ж, будем держать ответ...»

Испарина над ничейной полосой сошлась в туманец. Вечерело. Сутоцкий начал постанывать в забытьи, и Ма-

тюхин, взглянув на часы, подумал, что пора собираться в путь, не дожидаясь полной темноты. Сумерки и туман прикроют их.

Он обмотал Сутоцкого плащ-палаткой, которую брали, чтобы тащить на ней пленного, но понял, что волочить Сутоцкого опасно: толчки разбередят рану. Матюхин выломал из остатков нар несколько жердей, связал их, осторожно подsunул этот сухопутный плотик под раненого. Николай застонал громче.

Когда сумерки сгустились, Матюхин надел лямки-веревки на плечи, приспособил гранаты так, чтобы они были под рукой, и тихонько выполз из землянки. Поначалу ползти было боязно: а вдруг заметят?

Но во вражеских траншеях все так же стучали лопаты и топоры, оттуда доносился слитный рабочий шумок. На небе появились первые звезды, оно светлело, а туман у земли был вязким, холодным и въедливым. Он сразу просочился за ворот и вызвал дрожь. Матюхин прибавил ходу. Вскоре он понял, что таскать волокушу не умеет. Лямки то ослаблялись, то резко и больно врезались в плечо. Он полежал, подумал, руками подтянул волокушу к себе, потом отполз и снова подтянул. Двигаться стало легче — лямки уже не резали плечи.

До окопчика боевого охранения оставалось, наверное, метров пятьдесят, когда он услышал шуршание бурьяна. Оно приближалось с нашей стороны, и Матюхин, инстинктивно выдвинув вперед автомат, понял, что движется кто-то из своих. Скорее всего, разведчики. И хотя за время пребывания в землянке он ни разу не подумал о том, что разведчики обязательно приползут ему на помощь, он не удивился, потому что подспудно был уверен в этом и не тратил времени на подобные раздумья. Это было само собой разумеющимся, как, вероятно, и убеждение, что сдавшегося врага убивать не следует.

И разведчики, встретив лейтенанта, тоже не удивились. Они знали, что иначе лейтенант поступить не мог, это тоже было само собой разумеющимся, и потому встреча была молчаливой.

Закридзе снял с лейтенанта одну лямку, разведчик из группы прикрытия хотел снять вторую, но Матюхин отстранил его, и разведчик понял: лейтенант должен дотащить друга сам. Это его право и его обязанность. Поэтому разведчик и Шарафутдинов пропустили волокушу и, по очереди прикрывая отход, подталкивали ее сзади.

Сутоцкий очнулся, изредка пытался приподнять голову и всмотреться в тех, кто его тащил. В темноте поблескивали его глаза — в них отразилась первая осветительная ракета.

Они доставили его прямо в медсанбат и долго сидели возле школы, где расположилась операционная, курили и ждали, когда врачи вынесут окончательный приговор. Первым не выдержал Закридзе:

— Лейтенант, записку взяли?

— Взял.

— Она правильная.

— Не понимаю.

— Схема правильная. Проверили.

Матюхин молчал: какая сейчас разница — правильная схема или неправильная? Важно, что сам он, кажется, поступил неправильно и скоро начнет расплачиваться за это. Шарафутдинов придвинулся поближе и, заглядывая в глаза Матюхину, сообщил:

— Товарищ лейтенант, мы артиллерийского гауптмана взяли!

Андрей кивнул: хорошо, знаю, видел.

Шарафутдинов переглянулся с Закридзе.

— Товарищ лейтенант, мы так поняли, что товарищ капитан недоволен.

— Почему?

— Артиллерист...

Андрею показалось, что он наконец понял разведчиков. Они хотели ему добра, но не забывали о деле. В схеме были сведения, которых не мог знать пленный, и, значит, эти сведения оказывались важнее, по их понятиям, чем сам пленный. И разведчики давали Матюхину возможность самому выбрать способ передачи этих сведений.

А почему бы и нет? Ведь можно сказать, он потому и выбрал для поиска землянки, что знал: в них должны быть нужные сведения. Получилось бы и многозначительно и выигрышно. Любые подозрения сразу бы отпали. А теперь он уверился, что подозрения эти были, что разведчики спорили о нем, и если они ведут себя вот так, как бы спасая его, то наверняка Сутоцкий рассказал им о Штильмайере.

Наконец, если промолчать о записке, то можно использовать схему на пользу взводу и даже роте. Сделать вид, что идешь в поиск, но отлежаться на ничейке, а потом вернуться и доложить: «Языка взять не удалось, зато обнаружены такие-то и такие-то детали вражеской обороны». И опасности почти никакой, и приказ почти выполнен... Тоже неплохо. Годится...

— Очень хорошо! — сказал Матюхин. — Схема, если вы говорите, что она верная, прямо-таки находка.

— Точно, — вздохнул Закридзе. — Только...

— А придумать, товарищ лейтенант, ничего нельзя? — спросил Шарафутдинов.

— Ну что придумаешь? Да и зачем? Будем жить честно...

Они опять замолчали. Закридзе вдруг посерел и пристроился с другой стороны лейтенанта, словно прикрывая его, загораживая.

— Теперь, товарищ лейтенант, прежде чем убить, подумаешь: а вдруг свой? Вдруг он на нас работает? — задумчиво сказал Шарафутдинов.

Матюхин с интересом посмотрел на него. Вот о таком варианте он не подумал! Для него враг все равно враг, на одну колодку, на одно лицо. А у Гафура, оказывается, враг начинает двоиться. Это опасно. Разведчику нельзя раздваиваться, нерешительность для него хуже смерти — может товарищей подвести. И Матюхин отрезал:

— Ерунда! Сколько таких? Трое? Пятеро? Да и то, видно, в дальнем их тылу.

— Почему? — спросил Шарафутдинов.

— Рассуди. Чтобы нарисовать такую схему, нужно было полазить по своей обороне, когда она строилась. А это значит, и Штильмайер и его дружки — а я уверен, что ему кто-то помогал, — были в резерве. И когда убедились, что никаким иным путем передать сведения не могут, так, на всякий случай, оставили в землянке. Они в ней и жили, может быть. Потом их часть перебросили на новое место. Может быть, строить новые укрепления. Сейчас здесь новые части. Так что вероятность попасть на своих ничтожна. Понятно?

В голосе Матюхина прорезались жесткие, командирские нотки, они-то и успокоили разведчиков: лейтенант остается лейтенантом. Офицером. Больше они не говорили о схеме. И когда из школы вышла худенькая, большеглазая медсестра и сказала, что хирург вынул осколок

и залатал желудок, что он убежден: жить раненый будет, они встретили сообщение молча, без улыбки. Сестра упрекнула:

— Зачем вы ему столько водки дали? Нарков плохо берет. Он все время ворочался. Больно же... — И, перехватывая их тревожные взгляды, торопливо добавила: — Жить будет.

24

Заместитель начальника армейского «Смерша» подполковник Каширин узнал о смерти своего приятеля подполковника Лебедева поздним вечером, вернувшись после подведения итогов прочесывания окружающих лесов. Каширин сразу осунулся, почернел. Смуглый, чернявый, теперь он казался обугленным. Темные глаза его сверкали настороженно и пронзительно.

Артиллеристы уже вернулись в расположение своих частей, и Каширин с шофером, подсвечивая себе карманными фонариками, обошли воронки. Потом Каширин снял фуражку и долго стоял среди жидкого, чуть клубящегося тумана. Над ним посверкивали яркие осенние звезды, было тихо и вябко.

— Жаль, — сухо сказал Каширин, надевая фуражку. — Очень жаль. — И, уже садясь в машину, добавил, ни к кому не обращаясь: — Нелепая смерть. — А когда въехали в лес, пробормотал: — Впрочем, смерть всегда нелепа.

Шофер молчал — он почти не знал Лебедева, а к странностям своего начальника привык давно.

В штабе дивизии Каширину сообщили, что заместитель командира отдельной разведывательной роты старший лейтенант Сладков доложил о записке-донесении, полученной лейтенантом Матюхиным с вражеской стороны. Каширин сразу утратил раздумчивость, подобрался, только темные глаза его сверкали все так же пронзительно.

— Вызовите старшего лейтенанта ко мне.

Сладков обстоятельно рассказал о том, как попала к нему эта записка со схемой, дал прочесть копию политдонесения.

— Где лейтенант?

— Спит.

— Вы, кажется, тоже были на передовой и не спали так же, как и он?

— Так точно.

— Но вы не спите, а он — спит.

Сладков не ответил. Каширин долго молчал и наконец спросил:

— Вы совершенно уверены в Матюхине?

— Совершенного нет ничего. Но близкое к совершенству бывает. Так вот он на этой ступени — я уверен.

— Вы давно его знаете?

— Ровно столько, сколько служу в этой части.

— Вам не кажется, что этого недостаточно для досконального знания человека?

— Нет. Не кажется. Хотя бы потому, что такие люди, как Матюхин, проверялись вами. И наверняка не один раз. А то, что я знаю о нем, полностью совпадает с результатами вашей проверки.

Каширин взгляделся в Сладкова. Старший лейтенант дерзил — мягко, умно, но дерзил. И вообще, держится он очень независимо, взгляд не прячет и, видимо, не испытывает никаких неудобств от этого нелегкого разговора. Каширину он понравился.

— И все-таки, — уже мягче, задумчивее спросил Каширин, — на чем основывается ваша уверенность в Матюхине?

— На самой схеме.

— Подробнее можно?

— Я уже сообщил. Схема показывает объекты, которые не могли быть известны нашей разведке и, возможно, даже вражеским солдатам. И она точна. Как я уже доложил вам, разведчики в этом убедились.

Каширин согласно наклонил голову.

— Вам не кажется странным, что Матюхин порвал расписку-обязательство этого австрийца?

— Нет. Не кажется. На его месте я бы сделал то же самое.

— Почему?

— Да просто не поверил бы, что австриец воспримет это свое обязательство серьезно. Ведь Матюхин предупредил его, что он в будущем должен будет оказывать помощь нашей армии только в случае, если к нему обратятся. Матюхину важно было оттянуть время. А к австрийцу никто и не собирался обращаться.

— А он, значит, стал действовать самостоятельно?

— Выходит.

— Хорошо. А почему Матюхин не доложил об этой встрече?

— А почему о записке ничего не доложил старшина Сутоцкий?

— Он же ранен!

— Матюхин, как вы помните, тоже был ранен.

Каширин усмехнулся:

— Крепко вы держите оборону. Крепко... Мне это нравится. Тогда вот что... Как вы думаете, лейтенант Матюхин мог бы разыскать эту неизвестную группу наших помощников?

Теперь Сладков с интересом посмотрел на Каширина, стараясь понять, к чему гнет этот жесткий, словно обугленный темноволосый подполковник.

— Вероятно, это будет очень трудно. Но... не невозможно.

— Почему вы так думаете?

— У Матюхина редкая способность ориентироваться в обстановке и ставить обстоятельства себе на службу. Я говорил с Сутоцким, потом с Шарафутдиновым и Грудининым о его поведении в тылу врага. Мягкий, даже либеральный, но очень гибко и разумно приспосабливается к обстоятельствам. Да и последний поиск тому свидетельство. Согласитесь: захватить «языка» в таких обстоятельствах, в таком месте — на взлобке! — без потерь можно только в том случае, если имелся тщательно разработанный план. А ведь его разрабатывал Матюхин.

— Все это я учитываю. Значит, вы ручаетесь за лейтенанта?

— Да.

— Хорошо. Вызовите его ко мне. У меня все.

Матюхина разбудил дежурный по роте. Он вскочил и сразу же поплы, куда и зачем его вызывают. Заправляя шинель, он на минуту задумался и невольно, словно прощаясь, осмотрел спящих. Его поразило лицо Шарафутдинова — бледное, страдальческое. Щеки вздрагивали — значит, не спит, только притворяется.

«С чего бы это? — подумал Андрей, но сейчас же вспомнил, как Гафура рвало, и покачал головой: — Плохо... Такое проходит не скоро».

Каширина на месте не оказалось. Он разговаривал с начальством с дивизионного узла связи, и Андрей долго ждал его, пока наконец не задремал.

Вернувшись, Каширин посмотрел в его спокойное, несколько осунувшееся лицо, отметил серебрящиеся на висках прядки седины — Андрей еще не подозревал об их появлении — и одобрительно хмыкнул: нервы у парня все-таки крепкие, умудрился уснуть. И еще Каширин подумал, что совесть у него, видно, чистая. Он разбудил Матюхина, и они долго беседовали с глазу на глаз. О чем — ни Андрей, ни Каширин никогда никому не рассказывали.

25

Матюхин вернулся под утро. У печки, обхватив колени руками и положив на них стриженую черноволосую голову, дремал Закридзе. На нарах, склонившись к огню, читал Сладков. У стены в тени сидел Шарафутдинов. Остальные разведчики спали — они ведь ничего не знали.

Когда скрипнула дверь, все трое повернули голову, но с места никто, кроме Шарафутдинова, не стронулся. А Гафур подвинулся поближе, и неверный, вздрагивающий свет от печи и стеариновой плошки тронул его землистое, осунувшееся лицо.

— Рвет? — спросил Андрей.

Шарафутдинов кивнул.

— Плохо, — сказал Матюхин. — Тут даже воля не всегда помогает... — Он подумал и сказал: — Напиться тебе надо. Снять напряжение. Как думаешь, замполит?

— С утра и напьется.

— Зачем ждать? У меня фляжка есть и допдаек имеется.

Матюхин осторожно, чтобы не потревожить разметавшегося во сне сержанта из своего взвода, достал вещмешок, налил кружку водки и протянул Шарафутдинову.

— Ты пьяный не буйный?

— Я... еще не напивался.

— А сегодня — нужно.

Андрей вскрыл банку рыбных консервов и, не дожидаясь, пока Шарафутдинов вытянет кружку тепловатой и потому противной водки, протянул ему печенье с консервами. Гафур судорожно закусил. Глаза у него стали страдальческими.

Матюхин поболтал фляжкой, прикидывая, сколько в ней осталось, налил и протянул кружку Закридзе. Тот молча, сноровисто плеснул ее в белозубый рот и зачерп-

нул печеньем из консервной банки. То же сделал и Сладков. Все молчали, медленно, словно нехотя доедая десятидневный дополнительный офицерский паек Матюхина. И только после этого Закридзе спросил:

— Порядок?

— Полагаю, да.

Опять долго молчали, и Сладков сказал:

— Я сейчас от начподива. Комдив сказал, что, если схема эта верная, ей цены нет.

Шарафутдинова разбирал хмель. Он стал покачиваться, глаза затуманились.

— Ложись, — резко, как на занятиях, приказал Андрей, и Шарафутдинов покорно пополз на нары, свернулся в клубочек — маленький и жалкий — и вскоре стал посапывать.

— Пойду, — решил Закридзе.

— Подожди, — остановил его Андрей, подошел к нему и обнял. — Спасибо.

Закридзе печально усмехнулся:

— Не надо спасибо. Я... вначале не поверил.

— Важно — поверил.

— Тогда — да.

Взвод спал, а Сладков и Матюхин все еще сидели возле печки на нарах и молчали. Старший лейтенант поерзал и достал откуда-то из-за спины свою фляжку и спросил:

— У тебя пожрать ничего не найдется?

— Вроде еще банка есть, если славяне не распустили. — Он пошарил в вещмешке и нащел банку лосося и кулечек с печеньем.

Сладков молча налил в кружку водки, протянул Матюхину, а сам выпил из горлышка. Закусывая, сказал:

— Полагаю, заберут тебя от нас. — Матюхин ничего не ответил. — Вот... Уже начинаешь молчать.

Андрей засмеялся. Водка сняла усталость, расслабила нервы.

— Он мне сказал... о тебе. Спасибо.

— Какая сегодня... ночь, — улыбнулся Сладков. — Все говорят друг другу спасибо. Вежливость... Результат правильно поставленной партийно-политической работы. — Помолчав, Сладков сказал: — И, знаешь, жаль. Вот проверились делом и огнем, поверили друг другу и расходимся. Грустно — ведь сердце другому откроешь не сразу — и радостно: настоящим народом оказались.

— В общем, знай, я отказался. Об остальном — догадывайся.

— А чего догадываться? Будь я на месте того чернявого или на месте Лебедева, забрал бы тебя на дальнюю разведку не спрашивая. И все-таки — жаль...

Сладков пошел досыпать. Андрей еще долго лежал, прикидывая, как сложится его жизнь в будущем...

26

Когда Каширин доложил командующему армией о смерти подполковника Лебедева, он встал, прошелся по горнице и долго смотрел в окно, за которым кружились первые, еще несмелые снежинки.

Он стоял нахохлившийся, обмякший и грустный — вспомнился красивый рослый Лебедев. Но что-то в нем дрогнуло, он стал выпрямляться, и, когда отошел от окна, глаза у него сверкали и весь он был уже собранным и решительным.

— В отношении лейтенанта Матюхина и всей вашей легенды нужно еще подумать. Соображения имеются разные. Кстати, дивизия ходатайствует о представлении старшины Сутоцкого к ордену Славы первой степени. А значит, и к офицерскому званию. Ты там разбирайся, он достоин?

— Матюхин очень просил меня поддержать это представление.

Командарм кивнул:

— О Матюхине еще подумаем. Пока у меня все.

Каширин козырнул и вышел. Командарм опять стал смотреть в окно.

Вчера, когда он позвонил командующему фронтом, сообщил о «языке» и тактической новинке противника, командующий приказал поблагодарить разведчиков и соответственно наградить. Реляции на особо отличившихся представить лично ему. А сегодня утром он позвонил и сообщил, что забирает воздушных разведчиков на северный участок обороны, значит, сведения оценены по достоинству, и там прекратятся неудачные бои. Но командующий фронтом предупредил:

— Готовься и ты.

Надо готовиться. Надо. Война продолжается, еще будут и смерти, будут неудачи и победы. Теперь можно добывать эти победы малой кровью. Значит, надо больше

думать. Где много мыслей, там меньше крови. Вот — разведчики... Подумали как следует и сделали дело практически бескровно. Значит, воевать научились.

Командарм вспомнил гауптмана, его мгновенную нерешительность перед тем, как сообщить об отводе войск в третьи траншеи, как следует оценил неизвестных друзей из немецкого тыла и вскинул голову: «Да, воевать научились, а противник ломается изнутри. Очень характерно то, что так вел себя артиллерийский офицер. Артиллеристы — издавна интеллигенция армии, и, если она задумалась, значит, процесс осмысливания зашел далеко. И то, что австриец, которого, в сущности, не просили давать сведения, стал действовать самостоятельно и даже нашел себе помощников, тоже показательно: допекло. Думать, думать нужно, чтобы поставить себе на службу все эти перемены, сам процесс, происходящий в армии противника. Даже тактическую новинку и ту нужно поставить себе на службу».

Командарм подошел к двери, приоткрыл ее и приказал:

— Вызовите ко мне инженера.

Кое-какие мысли у него уже родились...

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Одни сутки войны	5
Штрафной удар	87
Дневной поиск	203

Мелентьев В. Г.
М47 Одни сутки войны: Повести.— М.: Воениздат,
1979.— 287 с.

В пер.: 1 р. 30 к.

Все три повести, включенные в сборник, посвящены событиям Великой Отечественной войны и рассказывают о героизме фронтовых разведчиков, выполнение каждого боевого задания которых было равноценно подвигу, хотя сами они считали это обыденным делом.

М 70302-183
068(02)-79 140-79

ББК84Р7

Р2

Виталий Григорьевич Мелентьев

ОДНИ СУТКИ ВОЙНЫ

П о в е с т и

*

Редактор *А. П. Рогова*

Художник *А. А. Акимов*

Художественный редактор *Е. В. Поляков*

Технический редактор *Н. Я. Богданова*

Корректор *Г. В. Казнина*

*

ИБ № 809

Сдано в набор 20.02.79. Подписано в печать 31.05.79.

Г-22728. Формат 84×108/32. Бумага тнп. № 2

Гарнитура обычн. нов. Высокая печать. Печ. л. 9

Усл. печ. л. 15,120. Уч.-изд. л. 16,179. Тираж 65 000 экз.

Изд. № 4/4617. Зак. 63. Цена 1 р. 30 к.

*

Воениздат

103160, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

103006, Москва, К-6,

проезд Скворцова-Степанова, дом 3

1895 10 30 30

12
M-47

В. МЕЛЕНТЬЕВ

**ОДНИ
СУТКИ
ВОЙНЫ**